

ОГОНЁК

№ 52 ДЕКАБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Зимой минувшего года на юге страны родился великолепный почин: работники совхоза «Пятигорский» перешли к беспривязному содержанию скота и резко удешевили молоко. У пятигорчан каждая доярка кормит и доит не пятнадцать коров, как это обычно бывает на фермах, а шестьдесят — семьдесят коров!

Простота, доступность, дешевизна и выдающийся эффект нового метода быстро снискали ему широкую популярность в деревне. По примеру пятигорчан переоборудуют фермы в Ставрополье, на Кубани, на Украине...

Правда, были сомнения: а пробьет ли этот метод дорогу на север? Ведь при беспривязном методе скот кормится под открытым небом...

К счастью, сомнения были излишни. На этом снимке — ферма колхоза имени 50-летия И. В. Сталина.

При поддержке Владимирского обкома партии колхозники этой фермы по-своему, с поправками на климат и местные условия, перешли на беспривязное содержание коров. Теперь в этом коровнике помещаются не шестьдесят девять, а сто пятьдесят коров! А обслуживает их всего три доярки. В три с лишним раза выросла производительность труда, намного снижена себестоимость молока.

Владимирцы открыли дорогу прогрессивному методу во все колхозы центральных и северных районов страны.

Фото Д. Ухтомского.

На первой странице обложки: Семнадцатилетняя телятница Галина Наркевич из колхоза имени Гастелло, Минской области. Семья Галины — отец, мать и сестра — животноводы. На попечении Галины пятьдесят телят.

Фото И. Гричера.

На последней странице обложки: В Ленинградском Дворце бракосочетаний. Слесарь завода «Электросила» Петр Новиков и техник-конструктор Ольга Брускова после регистрации брака отправляются в заводской Дом культуры, где будет отпразднована комсомольская свадьба.

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

52 (1697)

20 ДЕКАБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Пребывание Н. С. Хрущева на Украине

С дружеской теплотой и традиционным гостеприимством встречали трудящиеся Советской Украины Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева, возвращавшегося из Венгерской Народной Республики на родину.

В городах и селах Закарпатья, Львовской и Тернопольской областей, в столице республики — древнем Киеве — Никита Сергеевич беседовал с передовиками колхозных полей, с рабочими, инженерами предприятий, с представителями интеллигенции.

Пребывание товарища Н. С. Хрущева на Украине вылилось в могучую демонстрацию единства Коммунистической партии и советского народа.

Никита Сергеевич Хрущев прибыл в колхоз имени Ленина, Мукачевского района, Закарпатской области. Пятиклассница Магдалина Газий преподносит товарищу Хрущеву букет цветов.

В Тернополе Н. С. Хрущев встретился с знатной звеньевой колхоза имени Сталина дважды Героем Социалистического Труда Евгенией Алексеевной Долинюк (справа) и звеньевой колхоза имени Карла Маркса Героем Социалистического Труда Антониной Григорьевной Еременко.

В колхозе «Коммунист», Киево-Святошинского района, Н.С. Хрущев и сопровождающие его первый секретарь ЦК КП Украины Н. В. Подгорный и секретарь ЦК КП Украины О. И. Иващенко беседуют с председателем колхоза М. Н. Бровченко (слева).

Фото Я. Давидзона.

День за днем

КОЛХОЗ ИМЕНИ КОМИНТЕРНА, Мичуринского района, Тамбовской области, в 1957 году в числе первых в нашей стране взял обязательство получить на 100 гектаров земли до 170 центнеров мяса и до 400 центнеров молока. Это обязательство с честью выполнено. ↑

Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев поздравил колхозников и специалистов колхоза имени Коминтерна и пожелал им новых успехов.

На снимке: председатель колхоза имени Коминтерна Е. И. Андреева (слева) со свинарками колхозной фермы.

Фото В. Тарасевича.

→

НАПЕРЕКОР СУРОВОЙ ЗИМЕ ТРУДЯТСЯ ГИДРОСТРОИТЕЛИ БРАТСКА, сооружая бетоновозную эстакаду — металлический мост между правым и левым берегами Ангары. По предложению строителей внедрен новый способ укладки настила на пролетные строения эстакады.

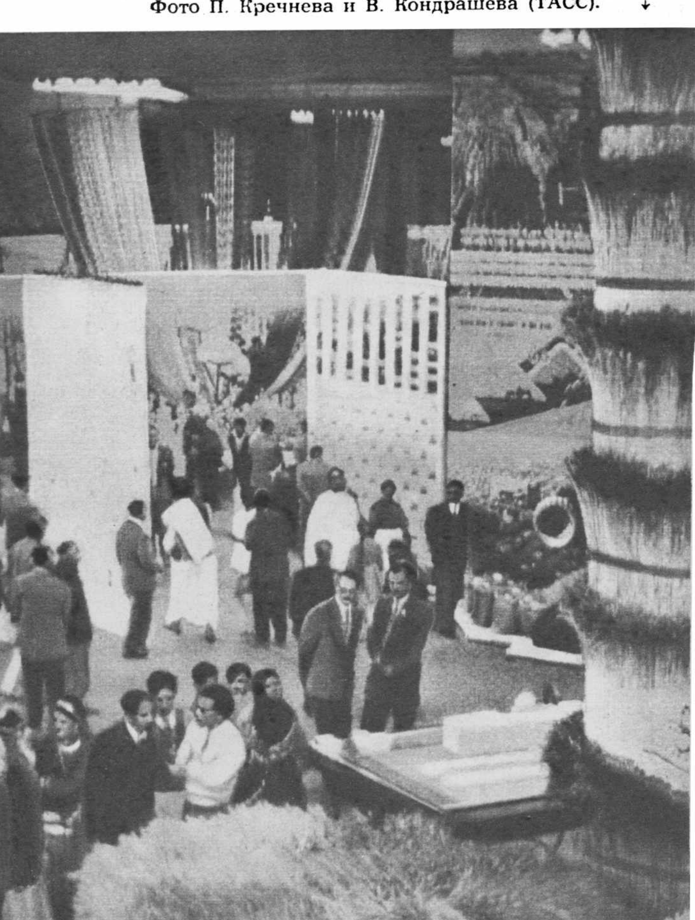
Гидромонтажники на месяц раньше срока завершили годовой план.

На снимке: монтажный кран «СМК-80» устанавливает конструкции очередной опоры бетоновозной эстакады.

Фото В. Петришак.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА открылась 11 декабря в Дели — столице Республики Индии. Советский павильон пользуется большой популярностью у посетителей. На снимке: в разделе «Зерно» Советского павильона.

Фото П. Кречнева и В. Кондрашева (ТАСС). ↓

↑ **ТРУЖЕНИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ** накануне Пленума Центрального Комитета КПСС рапортовали товарищу Н. С. Хрущеву: слово, взятое на XXI съезде КПСС первым секретарем Рязанского обкома партии А. Н. Ларионовым от имени работников сельского хозяйства и трудящихся Рязанской области — произвести в первом году семилетки в 3,8 раза больше мяса и продать государству в 3 раза больше, чем в 1958 году, — сдержано. Государству продано 150 тысяч тонн мяса, или в 3 раза больше, чем в прошлом году.

«Замечательный пример трудящихся Рязанской области, — говорится в приветствии товарища Н. С. Хрущева, — убедительно подтверждает, какие огромные резервы заложены в каждом колхозе, совхозе, в каждом районе и в каждой области по увеличению производства продуктов сельского хозяйства».

На снимке: передовые люди колхоза имени Сталина, Шацкого района, Рязанской области (слева направо): заведующий МТФ Д. Т. Макаров, доярка А. Я. Юшина, секретарь партийной организации Ф. Е. Материкин, доярка М. Ф. Миронова, председатель колхоза Н. В. Дюдяев, свинарка М. Т. Королева, зоотехник Н. В. Костюшин, свинарка Т. Т. Маликова, скотник-пастух В. П. Громов.

Фото М. Савина.

→ **75-ЛЕТИЕ МАТЕРИ-ГЕРОИНИ ЕКАТЕРИНЫ ВИКЕНТЬЕВНЫ ПОЗУМЕНТЩИКОВОЙ** торжественно праздновалось на днях в Днепропетровском Дворце культуры железнодорожников.

Со всех концов страны съехались на праздник 15 сыновей, дочерей и 36 внуков Екатерины Викентьевны. В числе их инженеры, педагоги, офицеры, партийный работник, учащиеся.

Отвечая на поздравления, Екатерина Викентьевна обратилась с теплыми словами благодарности к родной Коммунистической партии и Советскому правительству, которые помогли ей — скромной вдове машиниста — вырастить такую большую семью.

Председатель исполкома Днепропетровского горсовета Н. Е. Гавриленко преподносит подарок Е. В. Позументщиковой.

Екатерина Викентьевна танцует с сыном Виктором.

Фото Р. Суворова.

→ **ОПЕРА С. ПРОКОФЬЕВА «ВОЙНА И МИР»** вошла в репертуар Большого театра. Над одним из самых значительных своих произведений композитор работал одиннадцать лет, с 1941 по 1952 год. Музыкант говорил: «Мне предстояло написать картины борьбы русского народа, его страданий, гнева, мужества и его победы над неприятелем, вторгавшимся в Россию в 1812 году...» Основной лейтмотив оперы и подчеркнут в спектакле Большого театра.

С. Прокофьев мечтал о постановке своего любимого детища и говорил Дм. Кабалевскому: «Если б вы только знали, как я хочу, чтоб «Война и мир» увидела свет».

Желание композитора исполнилось. Его опера поставлена на сценах ленинградского, московского и киевского театров, а теперь и на сцене Большого театра Союза ССР.

Спектакль поставлен Б. Покровским, оформлен художником В. Рындиным, дирижирует А. Мелик-Пашаев.

Кутузов и Андрей Болконский перед Бородинским сражением. Кутузов — А. Кривченя, Андрей Болконский — Е. Кибкало.

Фото Б. Борисова.

К 60-летию со дня рождения

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Весна Грузии

Из поэмы

Привет вам,
Большие отряды,
С лопатами и кирками,
Долбящие землю и камень
Настойчиво и упорно!
Привет вам,
ГЭСы и горны,
Заводы и каменоломни,
Огонь, полыхающий в домне!

Золото блюминга светом
Наполнит сердце поэта,
Гудок заводской мне расскажет
Правду о нашей жизни,
Чтобы слова моих песен
Людей чистотою пленяли.

Привет вам,
Волны в канале,
Несущие шелест зеленый!
Привет вам,
Долины и склоны
В экскаваторных шрамах!
В недрах ваших таятся
Нефть, и уголь, и руды,
И наша рабочая удаль
Все это исторгнет из вас,
Чтобы воздвигнуть шахты,
Заводы и поселки,
Чтобы край мой богатством
И мощью радовал глаз.

Слиткам прохладного мрамора,
Искри́стым, как зори на́ море,
Полям и виноградникам,
Плантациям чайных кустов,
Шоссейным дорогам вьющимся,
Потокам,
В теснинах бьющимся,
Белым столбам элеваторов,
Могучим спинам мостов —
Привет!

Привет тебе,
Неиссякаемый
Оброк с зеленеющих пастбищ:
Вскипающее в чанах
Холодное молоко!

Привет тебе,
Небо Родины,
Утро фазаньекрылое,
И горизонт изогнутый,
Раскинутый широко́!

Перевел с грузинского
Д. Маркиш.

ГОЛОС РЯДОВОГО АМЕРИКАНЦА

Н. МИХАЙЛОВ

Задолго до поездки Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты американцы проявляли живой и непосредственный интерес к его деятельности.

Зная об этом, одно из издательств США — Интернациональное издательство художественной и научной литературы — выпустило брошюру под названием «Никита Сергеевич Хрущев. В связи с его визитом в Соединенные Штаты Америки».

Книга небольшая, в ней всего 32 страницы, хорошо иллюстрирована. Во вступительной статье говорится:

«...Эта брошюра не претендует на то, чтобы быть завершенной биографией Хрущева, и представляет из себя основную канву различных аспектов политической роли Хрущева в развитии Советского Союза...»

Брошюра разделена на главы, по названиям которых можно судить об их содержании: «Человек из народа», «Работа в Донбассе», «Вступление в Коммунистическую партию», «Деятельность в предвоенное время», «Вторая мировая война», «Глава правительства», «Хрущев и советский народ», «Новые мероприятия, предпринятые Хрущевым», «Повышение уровня жизни», «Расцвет социалистической демократии», «Коллективное руководство».

Рассказывая о послевоенном периоде работы Н. С. Хрущева, авторы подчеркивают, что по инициативе Никиты Сергеевича проведено множество таких дел, которые помогли дальнейшему подъему хозяйства, культуры страны, росту благосостояния народа.

В отдельную главу выделена тема «Борьба за мир во всем мире», в которой есть разделы: «К миру через сосуществование», «Развитие личных контактов», «Позиция разума».

Последняя глава называется «Советский Союз и Соединенные Штаты Америки». Здесь содержатся мысли о дружбе с американским народом; подчеркивается, что для такой дружбы есть все условия.

Книга рассказывает, что Н. С. Хрущев является человеком, наиболее расположенным ко всем проявлениям дружбы между СССР и Соединенными Штатами. Он одобрил визиты А. И. Микояна и Ф. Р. Козлова в Соединенные Штаты и Р. Никсона — в Советский Союз; поддержал обмен национальными выставками обеих стран, одобрил обмен театральными труппами.

«Для нас расстояние между Москвой и Вашингтоном не страшно,— говорится в книге словами Н. С. Хрущева,— мы можем у себя позавтракать, в самолете пообедаем, а в США будем ужинать».

В наши дни, говорят авторы книги, нет иного пути к миру, кроме принципа сосуществования. Брошюра называет такую линию «позицией разума».

Устранить ненормальные факторы в международных отношениях нормальным путем, то есть путем переговоров, независимо от того, насколько трудным это окажется,— вот основной принцип советской дипломатии, «линии Хрущева» в сфере международной политики.

Затрагивая вопрос о связи Н. С. Хрущева с народом, книга выделяет эту сторону деятельности Никиты Сергеевича, называя ее «наиболее характерной». В книге рассказывается, как много времени глава Советского правительства проводит среди советского народа, стремится понять его мысли и настроение. Н. С. Хрущев часто посещает заводы, стройки, колхозы.

«...Эта прочная и совершенно искренняя связь между Хрущевым и советским народом символизирует единство советского народа, Коммунистической партии и правительства.

Его тесные связи с массами помогали ему изучать и приобретать глубокое знание жизни, а также проверять действенность мер, предпринимаемых правительством. По важнейшим государственным делам он советуется с народом и заботится о проявлении инициативы со стороны простых советских людей».

Как встретили книгу в Соединенных Штатах Америки?

Об этом можно судить по письмам, получаемым издательством, выпустившим книгу, и советским посольством в Вашингтоне.

Прислали письма рабочие и бизнесмены, домохозяйки и губернаторы, школьники и профессора, владельцы магазинов и безработные. Авторы их расценивают визит Н. С. Хрущева в США как событие величайшего исторического значения, адресуя теплые, сердечные слова руководителю Советского правительства.

Приведем некоторые письма, являющиеся наиболее типичными.

Большое спасибо за интересную книгу!

Эти слова принадлежат Х. Г. Смиту из города Редлендс, штат Калифорния. Он высоко оценивает достоинство брошюры, которая рассказывает «об этапах большой жизни самого прогрессивного человека, который когда-либо появлялся на этом свете».

«Я,— продолжает Х. Смит,— ветеран первой мировой войны, «молодой человек» 78 лет, вынужденный теперь бороться за то, чтобы как-то прожить на 78 долларов 75 центов в месяц. С юности я противился и противлюсь принципу «человек человеку — волк». Я надеюсь, что господин Хрущев в добром здравии и силах поведет свою страну по ее собственному пути в жизни».

Биолог Джон С. Карнес из города Топика, штат Канзас, пишет:

«Спасибо за брошюру о Хрущеве, я ее высоко расцениваю. Я не полностью согласен с философией Советского правительства, но я также не всегда соглашаюсь с моими соседями и друзьями. Я искренне считаю, что распространение печатных материалов, подобных вашей брошюре, среди народов является самым надежным путем к достижению мира и осуществлению полного всемирного разоружения».

Правда побеждает

Джордж С. Харт из города Балтимора, штат Мэриленд, поблагодарив за брошюру, проявляет трогательную заботу о Н. С. Хрущеве:

«Случилось так, что я достиг возраста 65 лет 15 сентября, в день, когда господин Хрущев прибыл в Соединенные Штаты. Поскольку я заинтересован в развитии мира и сотрудничества, как и господин Хрущев, его приезд, должен признаться, явился для меня замечательным подарком ко дню рождения. Господин Хрущев всего на несколько месяцев старше меня. И я склонен думать, что у него слишком напряженная жизнь для человека его возраста. Господин Хрущев — это само собой ясно — является величайшим в мире руководителем наших дней. Я также благодарен президенту Эйзенхауэру и всем тем, кто пригласил господина Хрущева в Соединенные Штаты. И я особенно благодарен телевидению, позволившему господину Хрущеву изложить факты народу Соединенных Штатов. К несчастью, наши газеты не являются средством общественной информации, каковым они должны являться. Но есть старая пословица: «Правда побеждает». Несмотря на все, что могут сделать газеты, правда действительно доходит до нас теперь».

«Как вы, вероятно, знаете, 97 процентов американского народа не знает ничего, кроме плохого, о России, о господине Хрущеве,— сообщает безработный учитель Лео Нолтимейр из города Сент-Пол, штат Миннесота.— Наша печать, телевидение и радио виновны в этом. Но эта поездка поставила под вопрос всю линию, которую эти органы проводили все последние годы. Поездка господина Хрущева для огромного большинства американского народа оказалась ударом по «промыванию мозгов» и стандартизации мышления американцев стандартами газет, радио и телевидения Америки. Побольше такого опыта для американского народа, и мусорная яма, из которой черпаются эти «средства информации» все последние годы, быстро исчезнет».

За мир!

«Уважаемые друзья, граждане, труженики печати! — пишет Н. Рудсон из Нью-Йорка.— С большим интересом прочел брошюру с биографией Никиты Сергеевича Хрущева... Яркая, исключительных дарований личность. Человек прошел большую жизненную школу, не жалея самого себя, работал для пользы дела в интересах своих граждан... Сила и убедительность его выступлений в том, что он человечен, он говорит то, что хочет его народ и чего хочет он сам. Повсюду народные массы хотят одного — мира и дружбы между народами, сосуществования и мирного соревнования. Предложение Никиты Сергеевича о всеобщем разоружении — что еще может быть лучше? Навсегда освободить народы от непосильных налогов, идущих на военные приготовления... Как расцветет наш земной шар! Как разовьются повсюду искусство и науки!»

Дела советских людей ошеломляющи

Джон Бари из Чикаго пишет:

«Огромное спасибо за вашу брошюру о Хрущеве. Этот мудрый шаг глубоко тронул меня. Более двадцати лет я наблюдаю и изучаю социалистическую систему и выступаю за нее. То, что народы СССР сделали для блага человечества, ошеломляюще. Благодаря советским людям становится зримым полное уничтожение эксплуатации человека человеком. Позиция тех, кто не помогает этому, достойна сожаления. Все больше и больше мы видим, что должны помогать этому, и сами нуждаемся в помощи. Одна из самых важных проблем, стоящих перед прогрессивной Америкой, состоит в следующем: что можно сделать, чтобы положить конец отравляющей атмосфере, созданной реакционерами? И в этой си-

В университете штата Айова Н. С. Хрущев с супругой посетил класс домоводства.

туации опять пришли на помощь великий советский человек Хрущев и советский народ. Нам необходимо ободрение и подталкивание, чтобы мы изучали, учили и обсуждали. Пусть список людей, получающих ваши материалы, растет, и пусть данная брошюра будет не последней, полученной нами. Находите пути ко все большему числу простых и искренних американцев. Мир и добрая воля!»

Прогресс одержит верх

«Некоторые люди сожалеют по поводу визита Хрущева в США,— пишет Д. Влескин из Голливуда.— Другие рассматривают визит как важный и чудесный. К последним отношусь и я. Одна 60-летняя женщина сказала мне, что этот визит дорого стоил Соединенным Штатам: плата за проезд, отели, пищу и т. д. Я ответил ей, что это очень небольшая плата за мир. Один военный самолет стоит дороже. Я верю, что человечество идет вперед, несмотря на тех, кто по различным соображениям против прогресса. История доказывает это. Одни страны движутся быстрее, чем другие. Некоторые страны делают все, чтобы сохранить прошлое. Я искренне думаю, что школьники через сто лет прочтут в учебнике истории, что история осталась верна себе: прогресс одержал верх».

* * *

Надо реалистически подходить к явлениям жизни. Не должно вызывать удивления, что кое-кому визит Н. С. Хрущева в США не понравился, что некоторые зарубежные политики и сейчас не хотят покидать сугробы «холодной войны».

Правда свое возьмет. Никакие морозы, никакие ухищрения дельцов от политики не смогут сохранить эти сугробы. Лед «холодной войны» дал трещины. Климат меняется. Стрелка барометра мира вселяет надежды в завтрашний день, окрыляет человечество в его стремлении к мирной жизни, к дружбе между народами.

Совсем недавно в СССР еще раз вышла на русском языке прекрасная «Песнь о Гайавате», полная глубочайшей человеческой мудрости и истинного гуманизма. Снова мы перечитываем с волнением строки, посвященные Гитчи Манито могучему. На вершине Красных Камней стоит он и курит трубку мира, созывая все народы к совещанию, призывая их покончить с враждой и распрями.

И вот,

Смывши краски боевые,
Вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли,
Погребли в земле доспехи.
Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
Встретил воинов улыбкой.

И в молчанье все народы
Трубки сделали из камня,
Тростников для них нарвали,
Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный —
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Покваны, Трубки Мира.

Мир и добрая воля!

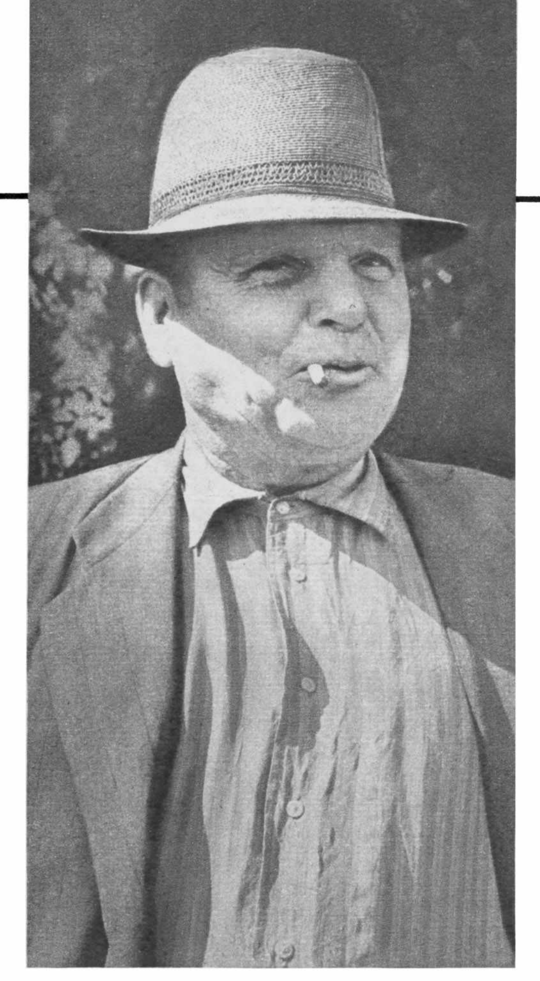
Так говорят, этого хотят простые люди Америки. И как созвучны идущие от чистого сердца их голоса мотивам незабываемой книги Лонгфелло!

В наши дни все сильней раздается могучий призыв к миру, к борьбе против новой войны, за счастье и покой всех людей.

Жители Питтсбурга встречают высокого гостя.

Фото А. Новикова.

Макар Анисимович Посмитный.

КЛАДУ НЕ ЛЕЖАТЬ ПОД СПУДОМ

Макар ПОСМИТНЫЙ, дважды Герой Социалистического Труда

Фото М. Озерского.

Какие проблемы развития сельского хозяйства волнуют вас сегодня больше всего? Что вы считаете самым неотложным?

С такими вопросами наш корреспондент обратился к председателю колхоза имени XXI съезда КПСС, Березовского района, Одесской области, дважды Герою Социалистического Труда Макару Анисимовичу Посмитному. Вот что он рассказал.

У нас, на Одесщине, многие называют кладом большие неиспользованные возможности в развитии сельского хозяйства. Я с этим согласен. Больше того, считаю, что к слову «клад» надо прибавить еще какое-то, чтобы каждый человек мог представить себе неохватную величину этого всенародного богатства и даже почувствовать его, мысленно прикоснуться к залежавшимся и все растущим сокровищам.

Если сказать проще, то сама собой нарисуется любопытная картина: теперешним отстающим хозяйствам, как и целым отстающим районам, просто некуда деваться от накапливающихся резервов. Они все больше оказываются в таком окружении передовиков, что бежать бесполезно, надо перестраиваться, браться обеими руками за то, что до сих пор «топтал».

Приятная картина, не правда ли,— видеть Обломова, из-под которого ускользает мягкий диван.

Даже очень приятная, но, к сожалению, представителям передовых колхозов приходится нередко наблюдать иную картину: лежебока, пролежав один диван, переходит на другой. Ведь есть такие: сидят на сундуке с золотом, ус крутят, нос дерут — знай, мол, наших, вон какое богатство за спиной у нас. А случится в люди выехать — кнут занимают у соседа.

И выходит как-то так, что мы видим прорехи отстающих, хотя специально к ним не ездим, а они у себя под носом этого не замечают. Да и бывая у нас, многие экскурсанты замечают не больше того. Топчут посевы, виноградники, беспокоят животных на фермах, отведают винца, всячески похваливая золотые руки колхозного винодела, а главного, за чем приехали к нам на экскурсию, не замечают, и в свои хозяйства не переносят.

Говорят, что я ворчлив на старости лет. Нет, дело в другом: я хочу, чтобы клад передового опыта действовал, а не лежал под спудом. За мою критику пусть никто не обижается. Не побивши кума, говорят, не пить мировой. Так и с опытом передовиков. Болтунов тут много, и если не устроить им хорошую головомойку, не стащить с трибуны, где они то и знай заверяют, что перестроятся «на базе передового опыта», то дело в некоторых колхозах и дальше будет хромать. Надо не забывать, что пустой колос всегда выше полного, и не пускать на трибуну любителей лишь поговорить о новаторстве. Трибуна — для обмена опытом! Нужно наконец сделать так, чтобы полный колос во всех отношениях стал выше пустого. И тогда мы помиримся с болтунами. А пока — дружба врозь...

Многие нынче сеяли на Одесщине свеклу впервые. Новой эта культура была и для нас. Для того, чтобы первый блин не получился комом, мы с нашим агрономом съездили к хорошим свекловодам, не постеснялись посоветоваться, как и что делать, даже подмагарычили немножко тех, кто с нами поделился своими «секретами». И знаете, высокий урожай свеклы «делали» с полной уверенностью, будто применяли свой собственный опыт! Такое отношение к себе урожай любит, и он нас не обманул: накопали мы сахарной свеклы по 315 центнеров на каждом гектаре и все корни вывезли сразу же, вслед за копкой. На специальном совещании по свекловодству нас, конечно, ставили в пример. Смотри, мол, в такую засуху — и такой урожай!

Или взять хотя бы одну вот эту крупинку из нашего опыта — постоянно высокие урожаи проса. У нас оно дает до 39—53 центнеров с гектара. Многие едут к нам за советом: выручите, мол, покажите, как вы с просом обходитесь! Часто ездят из колхозов имени Ленина, Кирова, 17-го партсъезда, «Победы». Мы, конечно, не таим секретов и времени на семинары не жалеем: дело ведь государственное. Прежде всего подчеркиваем, что сеять просо нужно как можно раньше, в апреле, сразу после овса, обязательно широкорядным, двухстрочным или ленточным способом; говорим, что за лето даем посевам не менее двух ручных прополок и два — три механических рыхления. Обычно высевают на гектар 15—16 килограммов, а мы, хотя сеем широкорядно, норму повышаем до 30 килограммов на гектар.

Нас благодарят, заверяют: «Все сделаем по-вашему». А разъехались — и сеют по-своему: поздно, сплошняком, посевы не обрабатывают. И, конечно, ежегодно пожинают убытки, а не просо.

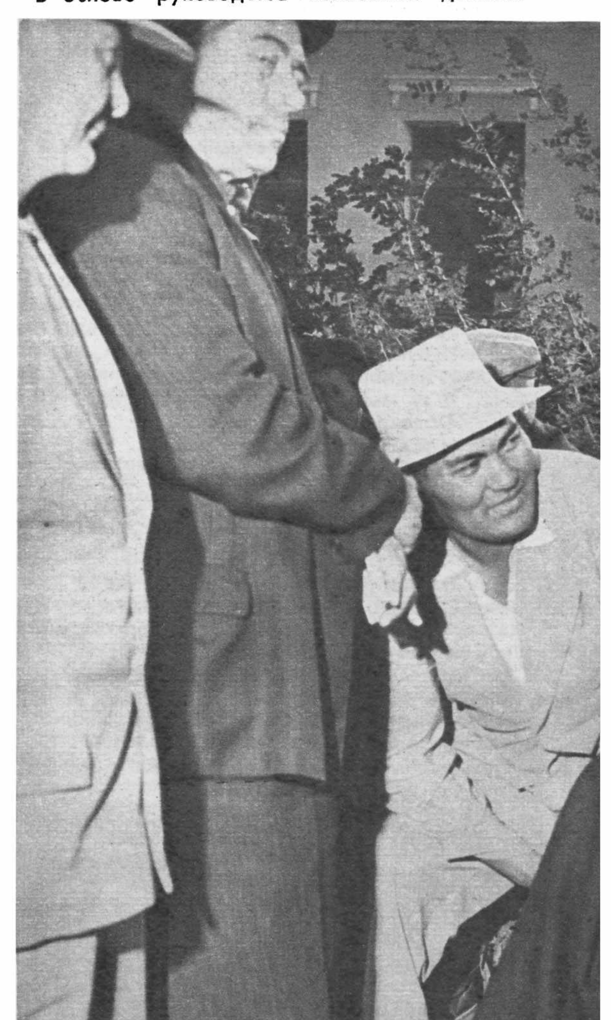
Так случалось и с нашими соседями из колхоза имени Сталина, пока мы их не «зажали» в полное кольцо. Один их участок земли размещается островом среди наших полей. Мы предлагали устроить обмен, чтобы, глядя на этот остров, никто не говорил, что Посмитный бескультурье поощряет. Люди же думают, что это наша земля. Много раз предлагали, но не хотят соседи с «островом» расставаться. Хорошо, сказали мы, тогда не позорьте нас, делайте на этом участке все так, как мы делаем, иначе сгоним с земли, она в конце концов общенародная, и хозяйничать на ней надо так, как народу выгодно. Заметив, что люди у нас принципиальные и, чего доброго, действительно сгонят с «острова», соседи взялись за ум, начали делать по-нашему, и вот нынче они уже сняли хороший урожай. Кое в чем они не только догоняют, а и перегоняют нас. Наука на пользу пошла. Это очень приятно.

Как бы «зажать» вот таким же манером, в кольцо самое тесное, всех отстающих, житья не давать обломовщине, кустарщине, бракодельству, бесхозяйственности! Что бы такое предпринять для возвышения агрозоотехнического комплекса и всех новинок, рождающихся у передовиков и ученых, до уровня государственного закона!

Мы уж слишком переоцениваем такие формы обмена опытом, как семинар, экскурсии. Пусть будут в райкоме партии тысячи «палочек», отмечающих эти «мероприятия», но если в повседневной работе исходить только из количества этих «палочек», то клад передового опыта останется под спудом.

Я считаю, что, например, в нашем районе нет сейчас никаких неясностей, разведаны все дороги к высоким урожаям и высокой продуктивности скота, а многие все же идут по бездорожью. Почему это?

В основе руководства колхозами должны

лежать активные формы пропаганды и внедрения передового опыта, достижений науки. А у нас, к сожалению, в основе — «палочка», во множестве стоящая на бумаге. Это все равно, что сапоги на картонной подошве: вид имеют только до первого дождя.

Внешне во многих районах все идет будто в пользу передового опыта, а присмотришься получше — все вертится вокруг голой сводки, а в детали мало кто вникает. Причем оживление в районных организациях начинается по преимуществу в дни уборки, то есть тогда, когда урожай поспел и на величину его ничем уже не воздействуешь.

Много бывает разговоров о персональной ответственности руководителей за то или иное дело, налагаются всякие взыскания. А поинтересуйтесь: кто наказан за кустарщину и сопротивление передовому опыту? Таких нет! Разве мыслимо в наше время найти сопротивляющихся передовому опыту? А просто не сеют так, как мы.

Нам говорят: ваш опыт хорош, но ведь он не узаконен, нигде не записано, что у передового надо взять вот это и это и, если не возьмете, урежем зарплату или совсем отстраним от руководства. Нет же этого, правда?

Конечно, нет и не будет таких директив. А что же будет? Значит, клад будет лежать под спудом? Значит, по старинке дело будет обстоять так: хочешь — перенимай опыт, не хочешь — не надо?

Нет, передовой опыт — дело обязательное для всех, и если оно где-нибудь плохо прививается, то это значит — попало в плохие руки. Оценивать работу районных и областных организаций нужно прежде всего по тому, как они обходятся с опытом передовиков. Внедрение этого опыта, достижений науки — под личную, строжайшую ответственность руководителей всех звеньев. Вот лозунг дня! Если бы это было везде, тогда на базаре появилось бы, возможно, и молочко получше нашего, и арбузы покрупнее и послаще, и многое другое, чего мы, может быть, еще и не добираем. Это же такая простая вещь: не наступает никто на пятки — и шаг уже короче.

Передовые хозяйства принято называть маяками. Светить они будут все ярче, но пусть только отстающие не жмурятся, не бегут от света, а идут вперед вместе с ними.

Хочешь быть передовым — будь им! Передовой опыт — клад бесценный, действовать ему, а не лежать под спудом.

М. А. Посмитный с делегацией колхозников из Казахстана.

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ЧЕСТИ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

За широкими окнами здания школы-новостройки шумел стремительный июньский ливень, а в празднично украшенном актовом зале шло торжество: выпускникам десятого класса вручались аттестаты зрелости.

...Место, где высится школа, жители Каменска-Уральского называют «Шлагбаум». Когда-то здесь проходила ветка железной дороги и был устроен при переезде шлагбаум. Потом дорогу перенесли в сторону, но название осталось. В старину сказали бы о таком месте емким русским словом: прозор. Да, прозорное место, открытое, высокое. Отсюда видать все. Гористые улицы старинного уральского рабочего городка, прославленного тем, что снабжал повстанческую армию Пугачева ядрами и пушками, а в годы гражданской войны бросил на защиту завоеваний Октября знаменитые отряды «Красных орлов». Гигантские корпуса новых заводов. Сосны и скалы над берегом Исети, перехваченной неподалеку мостом.

Район «Шлагбаума» стал застраиваться не так давно. Первой постройкой явилась школа. А вокруг простирались пустыри... В осеннюю распутицу, в зимние вьюжные дни ребятишкам не так-то просто было пробираться утром на занятия. Да и учителям приходилось не сладко. Но и дети и педагоги — все очень любили свою школу, гордились ею. Ведь вокруг нее должен вырасти центр нового Каменска-Уральского с театром, стадионом, парком, лодочными станциями. Об этом как-то рассказывал на школьном вечере главный архитектор города Валентин Викторович Щипанов, приглашенный директор школы Сергеем Александровичем Стекляновым (оба были товарищами по комсомолу). Чувство будущего прочно поселилось в стенах школы № 10. Молодежь разбила на «Шлагбауме» новый сквер и посадила яблоневый сад. Неподалеку от школы были заложены фундаменты домов нового рабочего поселка. Жилые кварталы как бы пристраивались к высокому светлорозовому стройному зданию школы. И нередко после уроков старшеклассники шли к строителям, поднимались на леса, брали в руки лопаты и мастерки.

Я слышал много хорошего о школе № 10, о ее энтузиастах-педагогах, о ее комсомольцах, которые провели однажды собрание с такой решительно сформулированной повесткой дня: «Неженки и лентяи должны исчезнуть из нашей страны». И потому как-то особенно приятно было получить приглашение сюда на выпускной вечер.

Наверно, и вам приходилось бывать на таких вечерах. Все шло по известному церемониалу. Директор сказал прочувствованную речь. Потом торжественно назывались фамилии, юноши и девушки поднимались на сцену, ответно жали руку директору и, бережно приняв аттестат и подарок, под туш оркестра возвращались сияющие на свои места.

Но когда вручался аттестат сыну заводской уборщицы, скромному кареглазому пареньку Виктору Казакову, я вдруг услышал нечто такое, что было для меня и ново и волнующе.

— Мы все знаем Витю,— сказал директор.— Он первый пошел на стройку домов... А когда школу попросили помочь строительству железнодорожной ветки, Витя был послан туда бригадиром, и вы знаете, что его бригада заслужила благодарность. Так разрешите мне... от имени нашей комсомольской организации... вместе с аттестатом вручить Вите Казакову «Поручительство чести».

Зал грохнул аплодисментами. Хлопали и ребята, и девушки в белых передниках, положив на колени букеты цветов, и родители, и педагоги.

— Даже не обидно, что Витя получил, а я нет,— жарко прошептал мне на ухо сидевший рядом юноша.— Достоин! Ничего не скажешь!

В тот вечер я переписал в записную книжку текст «Поручительства чести»,— мне кажется, самый дух этого документа выражает моральный облик нашей сегодняшней молодежи и знаменует рождение новой традиции в ее жизни — традиции благородной и поэтической:

«Честью комсомольского коллектива своей школы ручаемся: Казаков Виктор — лучший наш товарищ. Он учился на совесть, трудился в полную силу, всегда стремился приносить пользу родной стране. Наш товарищ честен, справедлив к людям, он никогда не запятнает чести коллектива. Он достоин быть членом бригады коммунистического труда».

Прошло два месяца. Как-то я снова был в районе «Шлагбаума» и решил заглянуть в знакомую школу. И в классах и в коридорах виднелись еще следы незаконченного ремонта. Мне повстречался руководитель того класса, который закончил Витя Казаков, коммунист-педагог Алексей Григорьевич Поротников.

— Вы помните, тогда шел сильный дождь,— напомнил Поротников о выпускном вечере.— На школьном дворе был подготовлен котлован под ленточный фундамент для здания школьных мастерских. Нам эти мастерские вот как нужны! А тут от потоков воды обвалились стенки траншеи. Пропала вся работа. И директор и все мы, конечно, опечалились. Витя заметил это и сказал мне: «Не расстраивайтесь, Алексей Григорьевич». После концерта начались танцы. Дождь между тем утих. Вся молодежь пошла на берег Исети встречать зарю. В Москве рассвет встречают на Красной площади, а у нас — на Исети... И вдруг — это было уже в десятом часу утра,— смотрю, возвращается в школу Виктор и ведет за собой товарищей. «Алексей Григорьевич, где лопаты?» Так они начали первый день своей жизни после школы. Котлован был приведен в полный порядок.

— Где Витя сейчас?

— На заводе. Учится на слесаря-сборщика. Вчера навестил его дома. Мать довольна: рабочие цеха хвалят Витю, старается парень, скоро на разряд сдаст, сразу на четвертый. Берут его в бригаду коммунистического труда. Успел за эти месяцы и в заочный институт подготовиться,— принят на первый курс. Я ему обещал с учебниками помочь... Знаете, это для нас, учителей, большая радость, когда выходят из школы такие, как Витя. Недаром дали ему поручительство чести. Он оправдает его всей своей жизнью, я в этом нисколько не сомневаюсь.

Виктор Казаков — слесарь-сборщик со своим бывшим классным руководителем Алексеем Григорьевичем Поротниковым.

Фото И. Тюфякова.

Хорошо ли вас обслуживают?

Охота за приданым

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Речь тут пойдет отнюдь не об алчных женихах, ищущих богатых невест, а о том, как переиначили старую пословицу про семь нянек.

Новый вариант этой пословицы случайно привелось услышать в небольшом московском магазине. Молодая женщина, любуясь красивой коробкой с набором белья для новорожденного, сказала:

— Выпишите дюжину...

— Дюжину комплектов? — удивилась продавщица.— Вы собираетесь сразу стать матерью-героиней?

— Так я же из Ростова-на-Дону! — был неожиданный ответ.

— Ну и что?

— Подруги и знакомые упрашивали привезти: у нас ведь этого не купишь.

— У вас полно швейных фабрик и артелей,— вмешался я в разговор.— Неужели некому позаботиться о младенцах?

Покупательница, обернувшись ко мне, с ехидцей протянула:

— Значит, вы не знаете нашу пословицу: «У семи нянек ребенок без пеленок».

Подумалось: «Не преувеличивает ли словоохотливая ростовчанка?» А вскоре представилась возможность проверить это.

Ширма системы оверлок

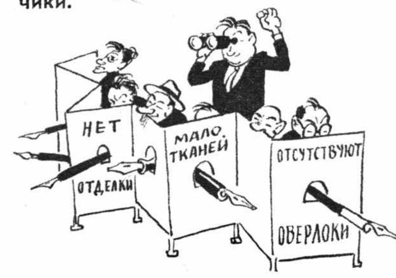
С десяток промтоварных магазинов объездил я в припортовых кварталах, в районе завода «Ростсельмаш», в поселке Чкалова. Почти всюду недоумевали, словно я требовал выложить на прилавок допотопный кафтан или камзол.

— Комплекты? В красивых коробках? Мы уже забыли, когда видели их.

— Почему?

— Мало шьют. Говорят, у швейников не хватает оверлóков.

Даже в центре города, в самом крупном ростовском универмаге на улице Фридриха Энгельса, для младенцев припасли только... чепчики.

— Но чепчиками не заменишь ни распашонок, ни пеленок, ни простынок.

— Что поделаешь: детское приданое получаем от случая к случаю.

— Но дети рождаются каждый день.

Опять:

— Что поделаешь!..

— Может быть, комплекты залежались на складе?

Позвонив туда, получили исчерпывающую справку:

— В наличии ноль.

— Разве нельзя добиться, чтобы этот товар был в продаже всегда?

— Нельзя: у швейников не хватает оверлоков.

Как по сговору, в торговых организациях, на предприятиях тоже поясняли:

— Когда для младенцев шьют белье, обрубать края обычной строчкой не разрешается. Края обметывают на специальных машинах системы оверлок, а их очень мало.

— Если эти машины дефицитны, то нельзя ли в крайнем случае несколько штук изготовить на месте?

— А их и делали у нас раньше,— вспомнил старый торговый работник.— Сейчас дам вам телефон одного человека, сможете у него уточнить...

Позвонил этому человеку, главному механику Дома моделей А. В. Муратову. А он:

— Верно, в первые послевоенные годы мы сами мастерили оверлоки на швейной фабрике, где я тогда работал. Только теперь не те времена, кустарничать незачем. Для шитья детского белья обзавестись оверлоками не так уж трудно...

В Москве, в «Союзглавмаше» при Госплане СССР, потом подтвердили, что ростовский механик прав.

Для отвода глаз

Еще за одну ширму, бывает, прячутся:

— Тканей мало.

А с тканями, как с оверлоками: никто всерьез не старался получить их вдосталь. Ведь факт, что швейники не раз увиливали от заказов, когда ткани им предлагали, прямо навязывали.

— Десять процентов товарных фондов мы имеем право отдавать в переработку,— рассказывает И. П. Борисов, коммерческий директор универмага на улице Фридриха Энгельса.— Но местная промышленность и промкооперация не хотят готовить приданое даже из нашего материала. Сами мы мастерских не имеем, и только две работницы шьют кое-что из остатков тканей, а это капля в море...

Перейдем через дорогу, наискосок, и поговорим в «Детском мире» с заведующим секцией швейных изделий Х. М. Поповым.

— Четыре года существует наш универмаг, и четыре года мы мучаемся, добывая комплекты. Очень удобны конверты, спрос на них огромен, но их тоже не хотят делать. Нет и «ползунков». А то, что получаем, не всегда хорошего качества. Артель «Красное знамя» поставляет нам одеяльца, которые колются, лезут. Какая мать захочет кутать своего малыша в такую дрянь? Артели же и заботы мало: мол, не нравится — не берите. Удивляться нечему, ведь наши заказы принимают без охоты, для отвода глаз, чтобы значилось: план поставок выполнен. Но чаще всего фабрики и артели вовсе отказываются в наших просьбах. Многие матери требуют, чтобы распашонки, пеленки и другие вещички были покрасивее. Ну, хотя бы с кружевами. Предприятия отнекиваются: кружев нет. Мы пошли на то, что сами купили. и вот они, видите, пачки? В них «елецкие кружева». Лежат себе мертвым грузом. Никто не пожелал выполнить наш заказ...

Исключение во всем городе — или даже во всей области — представляет собой артель «Лекало», технорук которой О. П. Юфатова слывет среди торговых работников «доброй душой».

О чем спорят...

Ни для кого не тайна, почему швейники пылают упорной нелюбовью к младенцам: обшивать крохотных потребителей «невыгодно». Выполнить финансовый план куда легче, если делать дорогие вещи, а не грошовые распашонки. Это делячество прочно укоренилось. И, как ни странно, с ним примирились, его поддерживают.

Чтобы убедиться в том, заглянем в учреждения, которыми руководят «семь ростовских нянек»: заместитель председателя облисполкома С. И. Кислин, председатель облплана Р. А. Мамин, начальники облместпрома и горместпрома С. Ф. Письменский и И. И. Гура, председатель облпромсовета П. П. Ивлиев, начальник облторга С. Р. Бурменский, управляющий базой «Росторгодежды» Н. И. Куринной.

Пока жительницы городов, поселков и станиц области мытарятся, охотясь за детским приданым, «семь нянек» совещаются,

спорят. О чем? Совсем не о том, как обуздать деляг. Скорее, наоборот. Я видел множество бумаг, в которых запротоколированы совещания, выведены в цифрах итоги споров. Эти документы стоят того, чтобы вкратце пересказать их содержание. База «Росторгодежды» потребовала на третий квартал восемь с половиной тысяч комплектов приданого. Облместпром, оберегая швейников-деляг, согласился дать только полторы тысячи. Что решил арбитр — облплан? Он целиком стал на сторону облместпрома, поставив в трудное положение семь тысяч мам и малышей. В четвертом квартале понадобилось девять тысяч комплектов. А пообещали с согласия облисполкома в шесть раз меньше. Не лучше удовлетворяются и заявки облторга.

— А что сулит будущий год?

— Хорошего мало,— подосадовали в облторге.— Нам нужно белья для младенцев на четыре с лишним миллиона, а заказы удалось разместить лишь на один миллион шестьсот тысяч рублей.

— Что же вы предпринимаете?

Разводят руками.

Торговые работники поступают так слишком часто. Поспорят и, не добившись цели, пассивно разводят руками:

— Что поделаешь!..

А Министерство торговли РСФСР не учит своих ростовских подчиненных подлинной боевитости. Оно и само порой подает плохой пример. Как-то в Москву пожаловались: в городах и шахтерских поселках Ростовской области не достать детского приданого. Министр Д. В. Павлов откликнулся резкой телеграммой № 7862-56Т, в которой отметил, что явление это недопустимое: пусть начальник облторга лично разберется в причинах и сообщит о необходимых мерах. Облторг отправил подробное письмо: надо предпринять то-то и то-то. И что же? Министерство не ответило ни через неделю, ни через месяц, ни через три месяца...

* * *

Московские магазины продают детского приданого в несколько раз больше, чем требуется населению столицы. Значит, сюда за комплектами, за распашонками и пеленками приезжают не только из Ростова-на-Дону. Значит, и в некоторых других местах «ребенок без пеленок». Очевидно, пора потревожить и тамошних «семь нянек», чтобы они как следует заботились о мамах и малышах.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Отсюда, из села Кривцы, где расположен колхоз «40 лет Октября», по этим дорогам перевезли сотни тонн молока, десятки тысяч тонн мяса. Давно перевыполнены годовые нормы.

У молоконасоса приемщица Мария Семеновна Могалева.

Они из села Кривцы

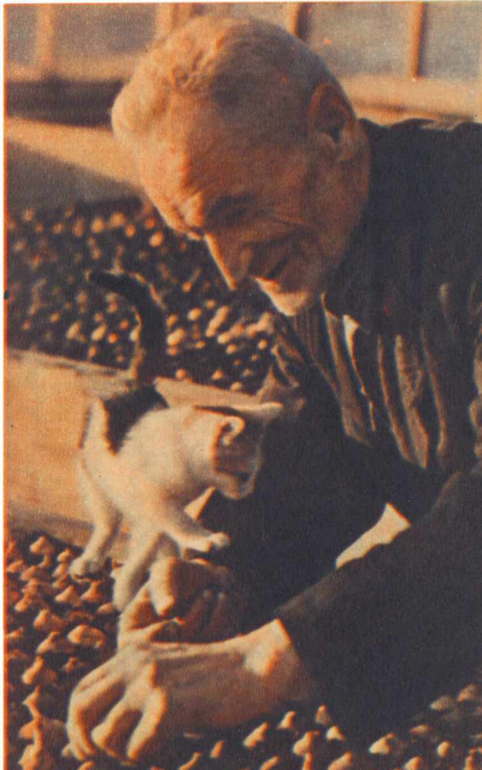
На нашей вкладке мы показываем людей из колхоза «40 лет Октября», Люберецкого района, Московской области.
Их много в колхозе, хороших, умелых и работящих. Разве без них мог бы колхоз так быстро разбогатеть? Именно эти люди дают своим честным трудом каждый год все больше и больше зерна, мяса, яиц, молока.

Много молодежи трудится в колхозе. А вот ее вожак — заместитель секретаря комсомольской организации Люся Карташова.

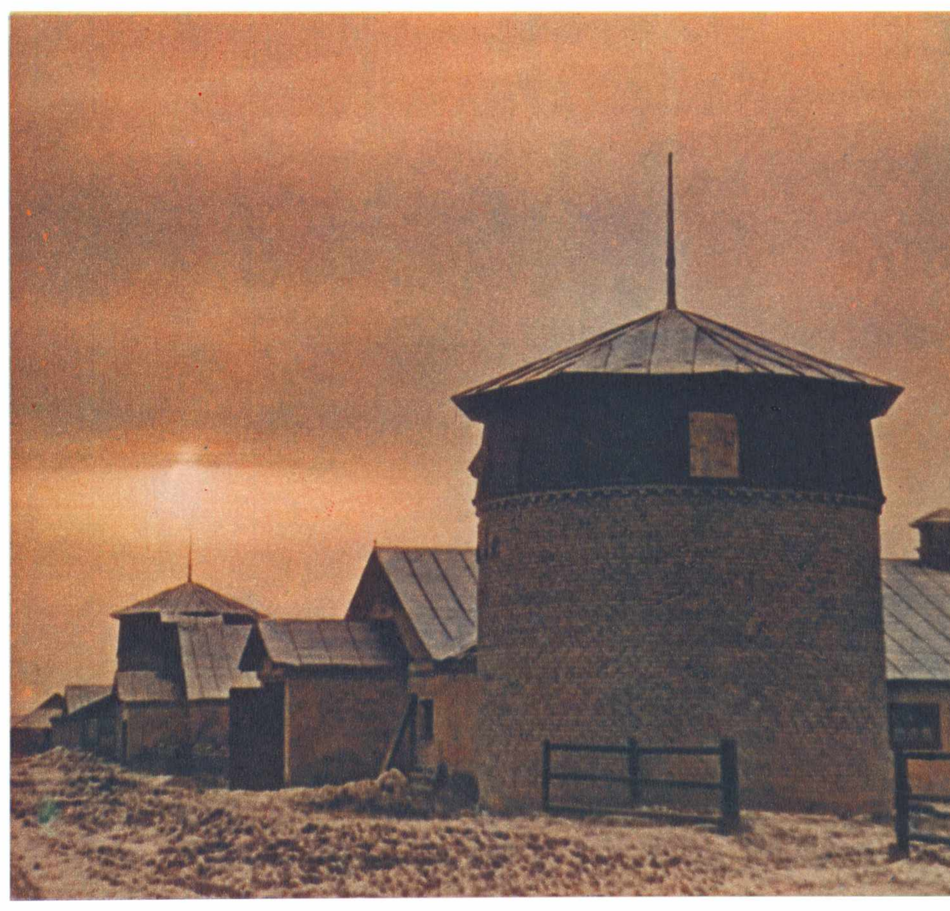

Лучшая птичница Люба Морозкина.

Немало лет члену правления колхоза Василию Ивановичу Малышеву, но и сейчас он трудится не покладая рук в теплице.

Это лишь небольшой участок колхозной фабрики мяса, молока, яиц. Сейчас здесь спокойно: перерыв в работе.

В клуб, на вечер.

Полевод Рая Акифьева (в центре) забежала на минутку к своим сестренкам свинаркам Лиде и Вале. «Ну и хорошие же у вас поросята!»

Гречка в сферах

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

I

Третий год по весне и по осени живу тут, под большим южным городом, и, что ни день, слышу одну фамилию — Гречка.

Все у нас Гречкино. Так и говорят: «Гречкин колхоз», «Гречкина дорога», «Гречкины хутора», «Гречкин базар». Даже рака, что водится у нас в Тербушинке,— и его окрестили «Гречкиным раком»...

А выйдешь спозаранку на станичный базар, смешаешься с пестрой толпой и обязательно уловишь в шумном разноголосье:

— А наш Антон Гречка завод купил.

— Это как же?

— А простесенько: один-разъединственный консервный завод получили на область, и Гречка его в один момент обротал.

— В кредит?

— Будет он связываться! Наличностью выложил три миллиона. Только что не сказал, как в магазине: «Заверните в бумажку».

— До-обре вам жить за Гречкой.

— Еще б не добре! Двадцать пять карбованцев на трудодень. А баня, а театр, а стадион, а хлебный завод, а интернат для ребятишек!.. А хаты? Позавчора Варьке Иванченковой сам Гречка ключи привозил, там не хата, а что-то особенное... В рассрочку!

Каждый день вижу я Гречку Антона Прокофьевича. По обличью это горожанин до мозга костей. На областных совещаниях среди председателей-степняков, одетых то в кителя, то в мешковатые черные пиджаки, то в гимнастерки, он выглядит первым щеголем. Носит ярчайшие пиджаки от лучших московских портных; на толстых его лодыжках едва не лопаются узкие, моднейшие брюки. Рубаха, галстуки, шляпы — все у него нарядное, все в «стиле».

Несмотря на внешнюю элегантность, Гречка—председатель старой формации, «практик». Смолоду ему не удалось поучиться, и только шесть лет назад ездил он на двухгодичные курсы и привез оттуда диплом младшего агронома. Теперь, заполняя анкеты, он в графе «образование» пишет «н.высшее». «Н» — значит незаконченное. И когда Гречка вписывает в анкету это деликатное «н», он непременно вздыхает.

— Вы чего вздыхаете, Антон Прокофьевич?

— Та вот видишь, образование...

— Да вы же его имеете.

— Та имею. Высшее имею, чертей ему в печенку! Высшее, понял? А среднего нема...

И вздыхает еще горестнее, а люди переглядываются: «Ну, и мастер же прибедняться! Нема у него среднего... Да он же пятерых академиков обведет вокруг пальца!»

По утрам я по нему проверяю часы. Ровно в пять двадцать светлобокая «Волга» проносится под нашими окнами. Это Гречка отправляется в утренний «облетный» вояж. Вояж — по всей «епархии». Дважды, а то и трижды в неделю я участвую в этих «облетах» и наперед знаю всю их программу.

Первым делом «Волга» домчит Гречку до хутора, где строится консервный завод. Это для него Антон Прокофьевич «в один момент обротал» за три наличных миллиона полный комплект самоновейших автоматов. Нынче завод — первейшая забота и главная утеха Гречкиной неуемной души, такое же главное направление Гречкиного удара, каким вчера был Дворец культуры, а позавчера виноградники, а до них птицефабрика (сегодня она готовенькая стоит над асфальтовой трассой во всей своей белостенной красе).

Ох, как же он любит строить, Антон Прокофьевич! С замахом, с блеском, со звоном на всю округу! И без всякого «крохоборства». И в это утро, поднявшись на леса, он пошутит с каменщиками, потом козырьком приставит ладонь к покатому лбу, защищаясь от несмелого утреннего солнца, и глянет окрест. Выслушает небритого захлопотанного прораба и тут же нахмурится, узнав, что прораб собирается на скорую руку покрыть заводской корпус толем. Выпрямившись, отрежет:

— Не крохоборничать! Шифером кройте...

— Нету шифера.

— Гарантирую! — объявит Гречка, сходя с мостков.

Это любимое Гречкино «гарантирую», непременно с ударением на последнем слоге, известно всем. Оно выражает, так сказать, высшую степень Гречкиной предприимчивости и поражает именно потому, что произносится, кажется, в самых безвыходных положениях. Помнится, прошлым летом вызвали Гречку в облисполком, сказали:

— Мысль была, Антон Прокофьевич, провести у тебя осенью большой ученый совет. Академиков позовем. Да ведь места у тебя нет для большого собрания.

— Как это нет? А Дворец культуры?

— Так ты ж только фундамент заложил.

— А когда совет? Осенью? Ну что ж, гарантирую.

Прошло три месяца, съехался ученый люд, и все ахнули, войдя в прохладный, еще пахнущий свежей краской, отделанный «под шелк» просторный зал.

Пока прораб с каменщиками будут восторженно смаковать Гречкино «гарантирую», кокетливая «Волга» вынесет Гречку в сады. Кипенными зубами он с хрустом разгрызет яблоко, потреплет по мосластому плечу старого садовника и помчится на виноградники. Потом «Волга», прошумев по узкой аллейке в кукурузном лесу, вынырнет из нее на берегу речки. Распугав многотысячное гусиное стадо, машина, отфыркиваясь и взметая по дороге пух, домчится до огородов... Взревут по Гречкиной команде двенадцать серо-пепельных дизелей, двенадцать хоботов, как стволы зениток, устремятся в пыльное небо, и двенадцать цветастых радуг повиснут над степью — это Гречка пустит дождевальные установки. Только с минуту полюбовавшись радугами, он нагнется, сорвет крепенький неяркий помидор, помнет его пальцами, скажет:

— Зеленоват! — И прикажет красивой огородной бригадирше: — Не жалейте воды!

А через полчаса на ферме он остановится у входа в коровник, глянет под ноги на небольшую лужу, которую так-таки и не засыпал после вчерашнего нагоняя забывчивый бригадир.

— Сюда, сюда ступайте, Антон Прокофьевич! — захлопочет бригадир, показывая на дощечку, проложенную через лужу.

Но Гречка не ступит на дощечку. Резко повернувшись, он зашагает к машине. И уедет, ни одним словом не попрекнув бригадира,

а тот, пунцовый от стыда, тотчас же схватит лопату и примется засыпать лужу.

В тот же день — и это отлично знает Гречка — пустячное происшествие у лужи будут как анекдот передавать из бригады в бригаду. Передавать и причмокивать: «Ну и Гречка! Ну и дает прикурить!»

После завтрака шофер моет и надраивает «Волгу», а в полдень она вырывается на асфальт. Гречка отправляется в город, как он говорит, «на раздобутки».

Город рядышком. Его дома сомкнулись с колхозными хатами, так что Гречке нужно не больше получаса, чтобы добраться до городского центра.

Сколько я ни ездил с Гречкой, всегда перед «раздобутками» он высаживал меня из машины: вероятно, в этом щекотливом предприятии ему решительно не требовались свидетели. Поэтому я ничего не могу сказать о «раздобутках». Не могу даже сказать, где именно проводит их Антон Прокофьевич: на заводах, на стройках, на базарах, в магазинах или на базах — город велик! Знаю только, что с «раздобуток» он является обычно поздно вечером и от него, человека, в общем, непьющего, слегка попахивает вином. Наутро по Гречкиным следам в город отправляются пустые грузовики, а возвращаются они с цементом, трубами, шифером, стеклом, проводами и иной всячиной. И Гречка, подбоченясь, встречает их у ворот просторного, как стадион, хозяйственного двора.

II

Но бывают и такие дни, когда никто не ведает, где именно обретается Гречка. Правда, накануне он предупреждает бригадиров:

— Ну, тузы, вы мне глядите тут, в сфере производства! Чтоб полный ажур. А я исчезаю. Окунусь в сферу обращения. Гроши нужны...

«Сфера» вошла в Гречкин лексикон с легкой руки колхозного инженера Ильи Куприянова. Как-то Гречка посылал его на Урал за проволокой, просил заодно «разнюхать ситуацию» насчет цены на репчатый лук, но инженер возразил с достоинством:

— Торговля не мое дело, Антон Прокофьевич! Давайте условимся раз и навсегда: я действую в сфере производства, а уж в сфере обращения вы орудуйте без моего участия.

Инженера Гречка оставил в покое, но «сферы» ему чрезвычайно понравились, и он немедленно пустил мудреное словечко в широкий оборот.

Только огородная бригадирша Марфа Ивановна Шевчукова еще не привыкла к этому слову. Стоит только Гречке сказать, что он «окунается в сферу», языкастая Марфа переводит это на свой язык:

— Махлевать поехал!

Впрочем, у Гречки к Марфе Шевчуковой особое отношение. По колхозу даже прошел слушок, будто бы Антон Прокофьевич без памяти влюблен в красавицу-бригадиршу.

Я не знаю, правда ли это. Но если правда, участь нашего председателя весьма печальна. Марфа Шевчукова и тут, под городом, держится так же неприступно, как и в дальней станице Рубежной, где я ее знавал лет пять подряд. Там, в Рубежной, в Марфу Ивановну были влюблены по крайней мере шесть самых видных мужчин района и даже прокурор Сидор Матвеевич Танцюра, мужчина в высшей степени строгих правил, и он, не щадя репутации, предлагал ей свою суровую руку. Но и самые злые рубежанские сплетницы не отваживались говорить что-нибудь дурное о Марфе. Только переглядывались, когда она, статная, полногрудая, вскинув крупную голову, проходила по улице. Переглядывались и судили: «Да кого же в конце-то концов ждет эта тридцатипятилетняя переборчивая вдова?»

Когда прошлой зимой в Рубежной сократили по невыгодности огороды, Марфа Ивановна перебралась в подгородную станицу, и тут-то, как говорят, за ней начал ухаживать Гречка и опять-таки, как говорят, получил отпор и был даже высмеян. Не знаю, так ли оно было на самом деле, но теперь Гречка позволяет себе только одно: смотрит на видную огородницу и вздыхает втихомолку.

А работают они необыкновенно согласно. Марфа Ивановна деятельна, беспокойна, щедра на выдумки, и Гречка понимает ее с полуслова.

Не далее, как на прошлой неделе, я был свидетелем такого разговора.

На машине мы возвращались из города, ехали мимо городской электростанции. Гречка и Марфа смотрели в окно, и обоим пришло на ум одно и то же соображение.

— Ишь, парует! — заметила Марфа, кивая на облако, поднявшееся над градирней.

— Парует, — согласился Гречка.

— Слушай, председатель! А может, приспособим?

— Под теплицу?

— Вот именно!

— Дело! А что, Марфуша, электрики с нас того... грошей не возьмут на пар?

— Не думаю! Он же отработанный.

— Добре! — потер руки Гречка.— Значит, поедем на даровом пару?

— Вам лишь бы на даровом! — усмехнулась Марфа.

— Люблю все даровое, Марфуша!

Перемигнулись, очень довольные, засмеялись, а воротившись в контору, Гречка позвал строителя и механика и с ходу заказал им проект теплицы.

Правда, есть один пункт, на котором согла-

сие Антона Гречки и Марфы Шевчуковой всякий раз дает трещину.

Происходит это, когда на огороде что-нибудь поспевает.

— Готово! — говорит Марфа, кладя на Гречкин стол красный, налитой помидор, или небольшой бородавчатый огурец, или крепенький вилок капусты.— Можете забирать продукцию! Давайте команду своим спекулянтам!

Бог ты мой, какой бы поднялся переполох, какой бы разразился скандал, если б кто-нибудь другой назвал спекулянтами Гречкиных подручных по торговле! Но Марфе все прощается.

— Хорошо, Марфуша! — миролюбиво говорит Гречка.— Я дам команду спекулянтам, как ты их называешь, хотя они такие же честные люди, как мы с тобой. Заберут твою продукцию!

— А куда вы ее погоните? На Северный полюс?

— Хотя б и на Южный. То не твоя печаль...

— Махлюете вы что-то...

Гречка не обижается и на «махлюете». Что с нее взять, с Марфы, если она приехала из степной, неторговой станицы? Не привыкла!

III

Впрочем, это и я заметил: на Гречкиной «сфере обращения» лежит некая печать таинственности.

О том, что делается в «сфере производства», то есть об урожаях, надоях, привесах, постройках и прочем, Гречка во весь свой зычный голос рассказывает на собраниях, пленумах, сессиях и во все тонкости этой сферы охотнейше посвящает и гостей и корреспондентов. О том же, что делается в «сфере обращения», Гречка никому не рассказывает. А когда к нему является главный помощник по торговле Харлампий Семенюта, Антон Прокофьевич выпроваживает посторонних и отпускает собачку дверного замка. С Харлампием он беседует с глазу на глаз.

И этой-то секретности не выносит Харлампий Семенюта.

Между прочим, дома он совершенное дитя, этот Харлампий. Третий год я снимаю у него комнату и вижу, что болезненный, неуклюжий хозяин, кажется, самой природой не приспособлен к трудовым занятиям. И с коровой, и с гусями, и с курами, и с садом, и с огородом, и с виноградником, и даже с пчелами — со всем управляется дебелая, как монумент, Раиса Герасимовна. А когда рядом с ней оказывается Харлампий, ко мне в комнату доносятся ее строгие окрики: «Да сиди ж ты на месте!», «Ой, лышенько, перетоптал всю рассаду!», «Геть отсюда, Харлампий, а то пчелы покусают!». Глядя на сутулую, непредставительную фигуру Харлампия, я никак не могу представить, что это именно он главный подручный самого Гречки. И в чем? В миллионных операциях!

Правда, миллионные дела он вершит далеко от дома. Все время он в разъездах, а возвращается такой замурзанный, как будто ехал на паровозе, и Раиса Герасимовна тотчас вкатывает в хату высокую кадушку, наливает горячей воды и вталкивает в нее нескладное тело мужа. Моет его, как маленького, скребет костистую спину жесткой мочалкой, а Харлампий только посапывает от удовольствия.

После омовения Семенюта принимает добрую чарку водки, слегка хмелеет и неожиданно впадает в минор.

И тут оказывается, что в хилом теле нашего хозяина живет честолюбивейшая, необыкновенно жадная до публичной славы душа.

О терзаниях этой души мы узнаем всякий раз, когда садимся обедать. Приходит Марфа Ивановна — она уже с месяц столуется у Семенюты,— затем из чуланчика появляется сам хозяин, и начинается...

— А, бог коммерции! — приветствует его Марфа.

— Какой там бог! — сокрушенно говорит Харлампий, откупоривая бутылку с домашним вином.— Распоследний я человек, Марфа Ивановна!

— Пей, распоследний! — смеется хозяйка.— Опять тебя что-то укусило.

— Распоследний! — повторяет Харлампий, поднося к вислому носу хлебную корочку.— Утром иду из конторы, а пацанята кричат: «Махинатор пошел! Махинатор пошел...»

— На кого обижаешься? Пацаны, они и есть пацаны.

— Нет, погоди, Раиса! Они правду говорят. Кто я есть перед станицей? Махинатор и есть. И полеводов, и садоводов, и трактористов, и вас, Марфа Ивановна, хвалят открыто, при всем народе, а про меня кто на людях сказал доброе слово? Одна ревизионная комиссия докладает про Семенюту...

Я пробую утешать его:

— Брось горевать, Денисович! Честность твоя известна...

— Че-естность! — невесело тянет он, и я понимаю, что ему мало честности. Надо, чтоб люди вслух восторгались его талантами, чтобы не унылые ревизоры, а веселые корреспонденты проникали в тонкости его нелегкой службы.

— Семенюта полколхоза кормит! — говорит он о себе в третьем лице.— Полколхоза! Вы это понимаете, Марфа Ивановна?

— Та не слухайте вы его! — машет рукой хозяйка.— Полколхоза он кормит! Поставь бутылку, Харлампий! Хватит с тебя!

— Полколхоза! — упрямо говорит Семенюта.— Вы подсолнушки не забыли, Марфа Ивановна? Помните, как газета писала? Трактористы, мол, провели механизацию и сэкономили на подсолнухах сто тысяч... Трактористы дали на подсолнухах сто тысяч, а я-то на них дал три миллиона! Не верите? Открою секрет: двести тонн отправил на Камчатку — вот вам и три миллиона чистеньких на одной разнице в ценах. Дворец культуры, считайте, построен на мои гроши!

Нет, это кажется чистейшей небылицей, что Дворец культуры построен на деньги, добытые Харлампием, но Марфа Ивановна не смеется. Отставила тарелку, катает по столу хлебный шарик и так пристально смотрит на Харлампия переливчатыми серыми с зеленинкой глазами, точно хочет залезть в его душу. Отшвырнув шарик, спрашивает:

— Так, значит, это вы делаете Гречкины миллионы?

Но Харлампий великодушен. Зачем обижать огородницу?

— Вы делаете! — важно говорит он.— Кабы не производство, чем бы торговал Семенюта? Выходили вы раннюю капустку? Спасибо! Но какая ей, дозвольте спросить, казенная закупочная цена? Рубль за кило? Добрая цена — отдаем по рублю все, что положено, но то ж только третья часть вашей капусты. А еще две части куда определим? Их по рублю?

— А куда же? На базар?

Страшным презрением наливаются Харлампиевы глаза.

— Какой базар, Марфа Ивановна? Мы лоточники? Мелочники? Да мы же оптом торгуем. Вагонами! Нет, не на базар, а на Север гоню я вашу капусту. Загоняю аж в город Никель. И беру по десяточке за кило. За перевозку, за комиссию, за то, за се скинем по троячку. Сколько останется? Шесть рублей, чистенькие, как вода. Честно, законно, без всякого махлевания... Теперь киньте на счеты, кто сделал миллионы? Вы, огородники, дали, как бы сказать, колхозу свой производственный рубль, и рублем бы он и остался, кабы не Семенюта. Сдали б капусточку на месте, взяли по рублю — и квит! А я расстарался и накинул на ваш рубль еще шесть торговых рублей. Вот вам и сфера обращения. Ясно?

Он осушает полный стакан вина, крякает и жалуется:

— Одно горе: какую-то тайность напустили на торговое дело. Чего таиться? Да я б объявил в районе соревнование экспедиторов. Чем мы хуже вас, Марфа Ивановна? Миллионы даем! Соревнование... Кто ловчей торганул, тому премия и карточка в газете.

Мы переглядываемся и несколько ошалело смотрим на Харлампия. Нет, он еще не сильно хмелен! Как говорится, в доброй памяти. Поднимается из-за стола, подмигивает:

— Карточка, а? Добре б было...

И уходит в свой чуланчик отсыпаться до нового вояжа.

IV

А наутро Раиса Герасимовна жалуется, что Гречка, узнав о Харлампиевых «лекциях», дал ему «прочуханки» и Харлампий с неделю ходит, как нашкодивший кот, и больше с нами не откровенничает.

Впрочем, нам и не до него. В субботу к Гречке приезжает гость.

Правда, это у нас не диво. Колхоз богатый, от города рукой подать, дорога великолепная... Едут!

Гостей важных и иностранных Гречка принимает сам. «Лично и персонально»,— так говорит Харлампий Семенюта. Сам водит их по колхозу, кормит обедами на веранде новой гостиницы и поднимает бокалы за их здоровье. Только поднимает и пригубливает. Не пьет. Если ему пить со всеми гостями, то когда же работать? Не успеешь протрезвляться...

Гостей обыкновенных принимают Гречкины помощники. Обедами этих гостей не кормят, провожают в чайную. Если кормить обедами всех обыкновенных гостей, растают Гречкины миллионы...

Тот гость, что приезжает в субботу,— особенный гость. Открывается дверь, и на пороге глыбой встает старший брат Гречки, Степан Прокофьевич, или Гречка-степной, как зовут его в отличие от подгородного Гречки. Степной — потому что председательствует Степан Прокофьевич в Рубежной, а лежит эта станица на севере, посреди безводной степи, вдали от городов и надежных путей сообщения.

В Гречке-степном все сверх меры: и рост, и необъятные плечи, и голос, и огромные руки с подушечками на пальцах, словно бы искусанных пчелами. Несмотря на жару, он в сапогах и диагоналевых галифе — провинциал! И ворот расстегнут: Гречка-старший не выносит галстуков. Осторожно, чтобы не выпачкать братнину шляпу, он вешает рядом на гвоздик свою пыльную, выцветшую фуражку полувоенного образца — таких теперь не шьют городские портные. Острижен Степан Прокофьевич на «полный бокс»: подслеповатый станичный парикмахер наголо отделывает его затылок машинкой-нулевкой, оставляя лишь на макушке кружок огненно-рыжих волос. Издали всегда кажется, что могучая стриженая голова старшего Гречки покрыта медной тарелочкой.

Братья обнимаются. Антон Прокофьевич, поднявшись на носки, чмокает брата в щеку, пониже виска, и говорит растроганно:

— Спасибо, что проведываешь, не забываешь.

— Дела! — как бы извиняясь, басит старший Гречка.

И я уверен, что неспроста Степан Прокофьевич отмахал сегодня двести километров. Не такой он человек, чтобы объезжать родню в жаркую сенокосную пору. Видно, опять какая-то горькая нужда погнала его на поклон к младшему брату.

И снова, как это бывает всегда, когда я вижу их рядом, острое ощущение несправедливости бередит душу. Ну, почему, спрашивается, умный, смелый и сильный Степан Прокофьевич должен всякий раз кланяться подгородному брату?

Сам Степан Прокофьевич говорит об этом так: «Что попишешь! Антону все бабки ворожат».

Что верно, то верно: ворожат, хотя сам подгородный Гречка в этом решительно не виноват. Вовсе не он, а государство, или, как говорит Антон Прокофьевич, «казна», провело через его земли канал, и теперь тут водой хоть залейся: хватит ее и на помидоры, и на капусту, и на виноград, еще и останется... И та же «казна» понаставила в степи столбов высоковольтной передачи, и подгородный Гречка запросто «снимает» с них электричество. И опять-таки та же «казна» подвела к станице городской трамвай. Но зачем же, скажите, младшему Гречке трамвай, если из города через его поля расходятся асфальтовые дороги, и стоит Гречке взять телефонную трубку, как появятся городские машины и, если нужно, поднимут на колеса и самого Гречку и колхоз со всеми потрохами?

И всех этих удобств начисто лишен степной Гречка. Воду он достает из колодцев и цистернами возит на дальние хутора. Электричество добывает сам — сорок прожорливых движков стучат в Рубежной. Что же до путей сообщения, то от Рубежной до ближайшей станции восемьдесят километров проселка. Как ударит осенняя непогодь, так я и слышу от Гречки-степного, что капуста вот-вот «ляснет», помидоры «накроются», а свекла, вероятней всего, пойдет под снег, «нехай мыши пьют чай вприкуску»... И хотя все это редко случается, но что ни осень, то в огненных волосах старшего Гречки прибавляется седина, а когда его жена, Анна Лукинична, горюет над мужниной сединой, он оправдывается:

— Что попишешь, Нюра? Такие у нас условия.

— Антону бы твоему такие условия! — в сердцах говорит Анна Лукинична: она терпеть не может удачливого деверя.

— А мне от этого легче будет? — резонно замечает Степан Прокофьевич.

Нет, насколько я знаю, старший Гречка не завидует младшему, и смущает его лишь то, что приходится одолжаться у Антона Прокофьевича. Просить же что-нибудь у младшего Гречки — процедура мучительная...

Вот и сейчас Антон Гречка догадывается, что брат приехал с какой-то просьбой, и заранее готовит плацдарм для отступления.

— Все! — решительно говорит он, усаживая Степана Прокофьевича в кресло.— Перехожу, Степа, к натуральному хозяйству. Гвозди буду делать из кукурузы, а водопроводные трубы — из подсолнушков. В точности как пишут в газетах: используем местные ресурсы...

Черта с два он перейдет к натуральному хозяйству! Черта с два будет делать гвозди из кукурузы! Поедет на «раздобутки» и достанет хоть вагон гвоздей — такие у него связи и такие у него деньги. Решительная фраза о натуральном хозяйстве нужна ему, чтобы вовлечь брата в разговор о трудностях снабжения.

— Плохо тебя снабжают? — участливо спрашивает Гречка-старший.

— Хуже некуда. Буду завод соломой крыть.

Я не могу сдержать улыбки: вчера Гречка достал вагон шифера. Забыл он, что ли, об этом?

— Соломой! — повторяет он.— Нарочно накрою, нехай начальство любуется. Где взять шифер?

— А район?

— Господи милосердный! Да кабы не я, они б померзли в своих кабинетах! И уголь им достаю, и лес, и трубы вчера обещал для больницы. И у вас, Степа, такая районная власть? Грамоту дать могут, выговор влепить могут — двух гвоздей дать не могут... Один ответ: «Сам доставай». Структура!

Но Степану Прокофьевичу не до «структуры». Он услыхал о трубах и торопится:

— И я к тебе насчет труб, Антон. Пособи...

Гречка морщится. И как оно вылетело, неосторожное слово!

— Вот что,— говорит он, подумав.— Ты мне мясом пособишь?

— При чем тут мясо?

— Сдай за меня в заготовку полсотни бычков, а я тебе трубы...

— Того неможно, Антон! Как это я сдам за тебя бычков? Что мне район скажет?

— Боишься? — обрадованно кричит Гречка-младший.— А я? Ты думаешь, я те трубы по разнарядке получил? Дулю я получил по разнарядке! Они, может, ворованные...

— Ворованные?!

— А черти их нюхали! Может, и неворованные. Но без-на-ряд-ные, понял? Кому-то мой экспедитор мазу дал, кого-то подсластил, то меня не касается,— я получил трубы. Но кто-то же их выписывал! Незаконно! А ну-ка он поймается, тот посредник между городом и деревней. Кого возьмут за шкирку? Меня? И я рискую... Каждый день рискую!

Теперь Гречка-младший смотрит на брата гордым мучеником. Голова его вскинута, в голосе надрыв. Степан Прокофьевич вздыхает:

— Д-да, компот получается со снабжением!.. Ну, ладно, трубы я, может, и сам достану, а грошами подсоби. Дай тысяч сто на месяц...

— Опять без грошей сидишь?

— На помидоры расчет держал, а они погорели. Поливать нечем...

— Сто тысяч на месяц,— соображает Гречка.— А бычков сдашь?

— Ну, ты и жмот, Антон! — качает головой Гречка-старший.— В кого уродился? Ладно, сатана с тобой, сдам за тебя бычков? Все едино — в один котел...

— Степа, золотко, с тобой можно иметь дела! — заливается Антон Прокофьевич, хлопая брата по коленке. На бычков он совсем не рассчитывал, хотел просто покуражиться над братом и неожиданно добыл мясо. Еще и трубы сохранил! Потирая руки, ласкается к Степану: — Пойдем-ка, братуха, позавтракаем...

Но Степан Прокофьевич спешит в город. Антон провожает его. Во дворе стоит самосвал, груженный ящиками. В ящиках краснобокие, крупные, отборные помидоры. У машины Харлампий Семенюта. Он в очках, съехавших на кончик носа. За ухом карандаш. В руках бумаги.

— Далеко отправляешь? — спрашивает Степан Прокофьевич.

Антон перед братом не таится.

— В Воркуту...

— Самолетом?

— Ага!

— Больши-ие гроши возьмешь! — вздыхает Степан Прокофьевич.

— Что там за гроши! — отмахивается Антон.— Копейки...

V

Днем прифранченная Марфа забегает к нам, о чем-то шепчется с Раисой Герасимовной, исчезает, а к ужину приводит Степана Прокофьевича. Вид у него смущенный. Марфа тянет его за руку, частит скороговоркой:

— К себе не зову, дядько Степан, извиняйте, пусто у меня в хате!

— Все монашествуешь?

— Монашествую...

Она заметно переменилась, наша огородница. В Рубежной, помнится, говорили, что у нее «раннее зажигание», имея в виду ее привычку к скорым решениям и необдуманным выводам и еще то, что мысль, еще не успев опериться в Марфиной голове, уже стекала на ее острый язык. Тут же она ходит какая-то сосредоточенная, молчаливая, только вслушивается в разговоры и не высказывает свое мнение. Даже Антон Прокофьевич посматривает на нее с сомнением: подозрительна ему сдержанность Марфы.

За ужином она усердно потчует гостя, подливает ему вина, а сама не притрагивается к еде. Тихо в комнате. Хозяйка у соседки, а Харлампий отдыхает в своем чуланчике, шуршит газетами. Марфа было прикрыла к нему дверь, но любопытный Харлампий протянул клешнятую ногу, тихонько толкнул дверь, устроил щелочку.

— Дядько Степан! — говорит наконец Марфа, подпирая щеку загорелым кулачком.— Я что попрошу, дядько Степан! Заберите меня отсюда...

— Вот тебе раз! — Степан Прокофьевич кладет в тарелку обглоданную кость, обтирает губы. —Сама же ты рвалась сюда, Марфуша! Сама жаловалась, что в Рубежной нету тебе простору. Оно и правда: какой у нас простор для огородницы? Ни воды, ни рынка... А тут? Да тут же вы миллионы снимаете!

— Вот именно, снимаем! — с горечью говорит Марфа.— Кабы вы знали, как мы их снимаем, дядько Степан...

Я всматриваюсь в спокойное лицо огородницы, вслушиваюсь в ее ровную, без всплесков, только чуть тронутую горчинкой речь, и по мере того, как она рассказывает, начинаю понимать, что совсем не зря была она такой сосредоточенной все это время. Не зря слушала Харлампиевы лекции и, оказывается, вовсе не для ревизии, как судачили в станице, вечерами засиживалась в бухгалтерии. Она раскрывает Степану Прокофьевичу Гречкину «сферу обращения» с такой доскональностью, как будто сама побывала во всех Харлампиевых вояжах. Выговорившись, вздыхает:

— Поняли? Нехорошо у нас тут, дядько Степан. Какие-то они не такие, наши миллионы!

— Только и дел? — удивляется Степан Прокофьевич.— Торговля тебе не по нраву? Тогда иди в совхоз, там не торгуют. А колхоз, дорогая Марфуша,— это же кооперация! Тут ничего не попишешь. Торгуем. Разрешенная вещь...

— Все так говорят! — вспыхивает Марфа.— Когда наши подсолнухи отправляли на Камчатку, я в райкоме пожаловалась. Что мне секретарь сказал? «Не можем мы этого запретить, товарищ Шевчукова». И что же получилось? Соседи, федоровцы, все подсолнухи, до грамма, на месте сдали, а мы двести тонн на Камчатке продали и против федоровцев выгадали три миллиона рублей... Это что же, трудовые три миллиона? Правильные? Что же, выходит, дядько Степан, хозяйство наше плановое, а доход стихийный? Нет, по-моему, надо так постановить: все колхозы должны

продавать продукты по одной цене. Тогда будет равноправие...

Я вижу, что Степану Прокофьевичу в эту минуту особенно нравится Марфа, но он не соглашается с ней. Качает головой:

— Ох, не глубоко ты копаешь, Марфуша!

— Как это не глубоко?

— А так! Возьми-ка на штык поглубже... Ну, допустим, если хочешь знать мое мнение, так мне тоже эта ваша камчатская торговля не по душе. Было б лучше, кабы нас совсем освободили от торговли. Мы-то хлеборобы, производственники, к чему же нам еще сфера обращения? Вот если б была поразворотливее торговая система, пусть бы она и покупала весь наш продукт под метелку. На месте б покупала, чтобы я, производственник, не заглядывал на дальние базары — нечего мне там делать. И чтоб ваш Антон знал одно: все его миллионы тут, в земле, а не на рынках...

Скрипит дверь, и я вижу, как в щель просовывается вислый, в рябинках нос Харлампия Семенюты. Он уже не на кровати, а сидит на скамеечке, приставил ладонь к хрящеватому уху. Но ни Марфа, ни старший Гречка не примечают его.

— Так и я же про это! — говорит Марфа.

— Нет, ты про другое, Марфуша. Ты думаешь, если я и Антон будем продавать продукты по одной цене, это уже и будет равноправие?

— А как же!

— Не будет равноправия! У вас-то чернозем, а у нас суглинок, а у кого-то на Севере подзолы. И у вас солнца больше, все раньше поспевает. И еще канал, дождевание, урожай, как бы сказать, гарантированный, а нас через два года на третий засуха бьет. Какое же тут равноправие?

— Но этого же не переменишь, дядько Степан! Природа! Так и при коммунизме будет: у одних черноземы, а у других подзолы.

— Природу менять — то длинная песня, а равноправие бы устроить следовало,— задумчиво говорит Степан Прокофьевич.— Вы-то живете, как говорится, на ренту! Природа вас сделала богачами, из-за нее, природы, и Антон гремит.

— Антон работает! — неожиданно вступается Марфа за Гречку-младшего.— Наш Антон себя не жалеет...

— Какая заступница! — настораживается Степан Прокофьевич.— Ты мне, гляди, монашка, не приголубь его часом! У него жинка...

Озорная улыбка кривит полные Марфины губы.

— Жинка — то не вещь, дядько Степан. Кабы мне одни жинки мешали! Нет, извиняйте, когда оно придет, так никакая жинка...

Но тут хлопает дверь, раздаются шаги в чулане: видимо, Харлампий не выдержал, убирается подальше от непотребных речей...

VI

День воскресный, и мы со Степаном Прокофьевичем застаем младшего Гречку на базаре. Он стоит в толпе и с величайшим вниманием следит за тем, как у его ног однорукий разбитной мужичок по дешевке торгует счастьем.

— Счастья на рубль! Счастья на рубль! — бойко выкрикивает однорукий, поднимая над головой тупоносую жирную морскую свинку.

Подходит моложавая нарумяненная казачка; не заметив Гречки, развязывает узелок носового платка, кладет рубль в фуражку однорукого и склоняется над реестриком, напечатанным на картонке. В реестре извечное: «Любит или изменяет?», «С кем век доживать?», «Сойдемся ли опять?»,— но есть и вопрос, так сказать, злободневного свойства, обращенный, видно, к десятиклассникам: «Что вас ждет после учения?». Женщина, совестясь, указывает пальцем на верхнюю строчку; однорукий мгновенно тычет свинкиной мордой в ящик, набитый бумажками, и ловко выхватывает записку с ответом.

Гречка трогает женщину за плечо.

— На что гадаешь, Катря? На Федькину кралю?

— Ой, господи, Антон Прокофьевич!

— Не на то гадаешь! — строго определяет Гречка.— Ты б лучше спытала у судьбы, что твоему Федьке будет за кукурузу! На бюро ему в пятницу...

— Я на это не гадаю! — пугается однорукий.

— Ну и дурный! На это самое и надо гадать! Учти дислокацию: против райкома сидишь...

В толпе смеются. Гречка замечает нас и вдруг орет на однорукого:

— А ну геть отсюда, хиромантия! Ишь, расселся, опиум народа!..

Струхнувший торговец счастьем, подхватив ящик, скрывается в толпе.

— Победил опиум? — улыбается Степан Прокофьевич.

— Вот ревность клятая! — ругается Гречка-младший.— Эта же Катька Карпенкова, она же золото жинка! Просвещенная, на слеты ездит! А перемигнулся ее Федор с фельдшерицей, и Катькин ум как ветром выдуло. Видали, к хироманту понеслась, чертова баба! Ревность... Выдумали еще бабы себе на погибель! А что она делает с нашим братом! — Он оборачивается, с ехидцей, с вызовом смотрит на Степана Прокофьевича и, качнувшись к нему, спрашивает негромко: — И как же ты рассудил, Степа? На даровщинку я живу? На чужие миллионы? И ты, значит, заревновал?..

Степан Прокофьевич багровеет, моргает белыми ресницами: не может понять, откуда брату известно про его разговоры. А я вспоминаю щель в дверях и вислый, в рябинках нос Харлампия Семенюты...

Мы выходим на главную улицу. Антон Прокофьевич одергивает зеленый пиджак, подбочениваеτся.

— Как переулочек, Степа? Хороший?

Что и говорить, она великолепна, наша главная улица! Напротив базара старинный особнячок райкома и райисполкома, а дальше все новое: белостенная колхозная контора, розовый Дворец культуры — камень для него Гречка возил откуда-то из-за Кавказских гор,— двухэтажный детский сад, а за ним хлебозавод, а напротив, в саду, Дом ветеранов, и дальше все новые дома под черепицей, под шифером, и палисадники, и тополя над асфальтовыми тротуарами.

— Хорошо строите! — одобряет Степан Прокофьевич.

Гречка-младший берет брата под руку, говорит наставительно:

— По нашим доходам, дорогой Степа, я мог бы сегодня дать людям и сорок карбованцев на трудодень, а то и все полсотни... Но я же так не делаю! Четвертную на трудодень достаточно, а остальные миллионы я гоню вот сюда, на строительство, на общее дело. Скажешь, неправильная политика? Нет, извини, Степочка, самая правильная! Я знаешь, чего хочу? Я хочу, чтоб еще при моей службе наша станица коммунизма нюхнула. И нюхнет, не будь я Антон Гречка!

Знаешь, что мне секретарь обкома сказал: «Сделай, Гречка, чтоб через год мы приехали и не узнали, где тут кончается город и начинается станица. Сровняй межу!» Межу сровнять! Ты понял, Степа, какое задание? А я не того хочу! Я хочу, чтоб осталась межа! Чтоб взошел на нее человек и сказал: «Вот он где начинается, Гречкин коммунистический городок!..»

— Так-таки Гречкин?

— Ну, не Гречкин, суть не в названии. Коммунистический! Вот она в чем, основная суть! И ты думаешь, я город не обгоню? Еще и как обгоню! Слава богу, не на бюджете живем, когда каждый рубль сверху отпускается! Колхоз! Сколько со своей земли ни добыли грошей, все наши, до копеечки! Захотели — и дадим своим людям полный комплект для коммунизма! А что? Работников у нас много и оплата высокая,— да я же могу раньше, чем в городе, предоставить им шестичасовой рабочий день! И двухмесячный зимний отпуск могу оплатить! Понял наши ресурсы? И будет наш человек жить в хорошем доме, с садочком и виноградничком, и будет у него и ванна, и вода горячая, и вода холодная, и все такое прочее... И пацана своего он отдаст в садик, а когда пацан подрастет, отведет его в интернат на полное наше обеспечение, а потом на нашу же стипендию хлопец в институт поступит... И хлебозавод у нас есть, и ресторан для колхозников откроем: не хочешь с горшками возиться, будь ласка, заказывай обед в ресторане без всякой наценки! Да я уже хлеб даю бесплатно, и молоко в расчете на едока, и виноградный сок ребятишки бесплатно пьют... И ты скажешь, Степа, не верная моя цель?

— Нет, почему ж? Завлекательная...

— Верная! А раз она верная, я и добываю для нее гроши. Всей силой добываю! И в производстве и, как говорится, в сфере обращения. Ни там, ни сям не даю промашки. Нет, не буду брехать, другой раз и посомневаешься. Когда подсолнушки на Камчатку отправляли, еще какие были сомнения! Вроде и нехорошо это — наживать гроши на разнице климата. Да и не стоили того подсолнушки, что мы за них взяли на Камчатке, считай, миллиончика три получили чистой прибыли. И Марфуша, вот она, меня спекулянтом назвала, и в районе крутили носом, а я что себе самому сказал? Я сказал: «Антон, ты куда эти

миллионы пустишь? На распыл? Себе в карман положишь? Нет, ты их в верное дело вгонишь,— чего же ты боишься? Продукт твой, а не купленный, торгуй смело!» А теперь, смотри, какой дворец стоит из тех миллионов! И зараз надо мной район смеется, что я, видишь, и шашлычную открыл, и раками торгую, и вениками не брезгую... Пускай смеются! И веник — вещь, когда он прибыль дает. Посеяли по-над дорогами просо, посадили ветхих старушек вязать веники, а продукцию — в Вологду, туда, где просо не растет. Тоже, скажешь, спекуляция? Как хочешь говори, а от веников мне полтораста тысяч уже очистилось. Нет, я, Степочка, копеечки не упускаю...

— Не упускаешь! — подтверждает Степан Прокофьевич, вероятно, вспомнив бычков.— То верно, не упускаешь...

— Зато у нас у первых будет тут коммунистический городок! У первых, понял?

— Понял!

— Ну, а раз понял, то пойдем завтракать. Вот наше новое заведение. Не видел?

Этого и я еще не видел. Над полуподвальчиком нового дома сверкает цветастая вывеска. Два барана, столкнувшись лбами, держат на рогах бочку. По окружью надпись: «Колхоз «Слава Юга», — а понизу другая: «Шашлык арабский».

— Почему арабский? — удивляется Степан Прокофьевич.

— Для шику! — смеется Гречка.— У всех шашлыки кавказские, а у нас арабский.

— А на самом деле какой?

— А черти его нюхали! Хороший в общем. Э, кабы дозволили, я б в Москве ресторанчик открыл! Колхозный! Фирменный! Шашлыки и прочее такое... Сто очков вперед дал бы вашему «Арагви». Не дозволя-яют! — жалуется он, спускаясь по ступенькам. Взяв за локоть подбежавшего официанта, командует: — Три шашлыка, вино сухое!..— И, провожаемый почтительными взглядами из-за столов, проходит по узкому залу в крохотную комнату, скрытую темной занавеской...

VII

— Ты, Антон, лекции не читаешь в районе?

— Про что?

— Про это самое... О возможности построения коммунизма в одной станице. Как говорится, в отдельно взятой южной подгородной станице.

— При чем тут южная и подгородная?

Спор идет уже больше часа. Шашлыки съедены. Вино выпито. Официант хотел было заменить опустевший графин, но Антон Прокофьевич так повел глазами, что официант мигом испарился, понял: людям не до выпивки. Братья сидят за пустым столом, накрытым чистой скатеркой. Сидят друг против дружки, положив на стол крупные руки. И я впервые замечаю, что у них одинаковые подбородки: упрямые, резкой чеканки — и две впадинки, продольная и поперечная, буквой «т», впечатались в них.

— Так при чем тут подгородная, Степа?

— Да это же твой конек! Особые условия... Откинь их, и будет ваш колхоз обыкновенным среди хороших. Ничего же выдающегося! Землю ты не удобряешь, и в технике нет новинок, а на фермах, как при царе Паньке, доярочки вилами сено разносят. А гремишь! За счет чего? Да за счет тех же бабок, что тебе наворожили. Как по заказу, сошлось: и чернозем, и жаркое солнце, и дожди в свою пору, и канал, и город близко, и для теплицы есть даровой пар. Жаль, геологи нефти тут не нашли, ты б и ее подстегнул к бюджету. Керосин бы грузил на Север...

— Не мели глупостей!

— Какие глупости? Что есть нефть? Природное богатство? А чернозем не такое же богатство? А климат? Кто им хозяин, здешнему чернозему и климату? Один ваш колхоз? А не общее это достояние? И ты доход от этого общего достояния до копеечки себе в кассу кладешь... А тот смоленский колхозник, какой вгоняет в свои подзолы по тридцать тонн торфу, не должен он иметь какую-то долю от вашего чернозема?

— Нет, извини-подвинься, милый Степочка! — вскипев, поднимается Гречка.— Я вижу, куда ты клонишь! Опять подшефных мне хочешь на хвост нацепить? Бедненьких? Мало Гречка за них хлеба сдавал, и мяса, и семена им дарил — и опять брать на буксир?

— А ты как хотел подходить к коммунизму? Эшелонами? По климатическим поясам? В первом эшелоне вы, подгородные и южные колхозы, за вами — мы, степняки, за нами — черноземные края, а, допустим, те, кто на подзолах живет, на болотах, на засушливых супесях да под неласковым солнцем,— те в последних рядах? Ты будешь дворцы из армянского камня строить, а где-то на Смоленщине или на Рязанщине, у таких же, а может, еще у лучших трудяг не будет и обыкновенного клуба?

Антон Прокофьевич встает, сильными короткими шажками меряет комнату.

— Этого я и боялся, Степа! — говорит он взволнованно.— Вот этого самого: ревности

вашей... Так и думал: как только выскочим поперед других, так и найдут причину, чтобы нас осадить...

— Не понимаешь! — сердится Степан Прокофьевич.— Разумный человек, а не понимаешь! Не ревность наша, а время другое пришло. То были обязательные поставки, продукцию у тебя забирали почти подчистую, и МТС тебе и пахала и сеяла опять же за натуроплату: рубль не играл особой роли. А зараз-то рубль в ход пошел! Ты не сдаешь продукт, а продаешь! Вот оно и показалось, неравноправие между колхозами! Ты при полном благоприятствии условий миллионничаешь, а другой со своими подзолами что ни день, то дальше от тебя отстает. А люди? Наш тракторист вспашет гектар, и ваш вспашет такой же гектар, а что они получат? Ваш-то больше получит! За что ему привилегия? За то, что он в таком месте живет, где томаты раньше поспевают? Премия за выбор местожительства? Или, допустим, в тех теплых местах, где и хлопок, и чай, и лимоны родятся,— там-то до сорока рублей гатят на трудодень! А там, где один хлеб и картошку садят, еле по десятке выходит в хороших колхозах. За что же такое неравноправие?!

— Ох, как тебе хочется нас притормозить, Степочка! Жаль, бодливой корове бог рог не дает...

— Не дает?! — Гневный Степан Прокофьевич неторопливо расстегивает пиджак, запускает руку в боковой карман, достает тетрадку, так же неторопливо находит очки. Расправляет тетрадку, откашливается: — Слухай, что про тебя написано!.. Излишек дохода, получаемый от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступает на общественные нужды в распоряжение органов Советской власти...

Гречка-младший озадаченно смотрит на брата.

— Это что? Проект решения?

— Закон! — торжественно говорит Степан Прокофьевич.— Владимир Ильич подписал! Как в воду глядел, что с тобой воевать придется...

— Ленин подписал?

— Ленин!

...Перед вечером мы провожаем Степана Прокофьевича. По деликатности и щадя самолюбие брата, он больше не заговаривает о равноправии. Стоит у машины и расспрашивает брата о семейных делах. На крылечке конторы сидит Марфа Ивановна Шевчукова. Она в короткой жакетке, облегающей высокую грудь. Левую ногу подобрала, а правую выставила; косится на острый носок модной туфли.

— Харлампий улетел? — спрашивает Степан Прокофьевич.

— Завтра летит,— говорит Гречка и берет брата за пуговицу.— Слухай, Степа, как ты думаешь, с нас таки возьмут эту ренту? А как возьмут? Ценой?

— Можно и ценой.

— Да-а, это б нас подсекло, Степочка! Ох, как бы подсекло!..

— А давай поменяемся! — весело предлагает Степан Прокофьевич.— Езжай в Рубежную, а я твое место займу!

— И ренты не побоишься?

— А чего ж ее бояться? Она-то не за границу пойдет, а в народный кошелек. Отдадим сколько положено за природное благоприятствие и еще миллионов наживем. Ты сколько томатов берешь с гектара? Пятнадцать тонн? Ты же и земли не удобряешь, чертов баловень! А мы бы тут с Марфушей помозговали и сорок тонн взяли бы. Вот тебе и миллионы!

— Это и я могу с Марфушей...

— А чего же боишься? На урожай нажмешь, на механизацию, удешевишь свой продукт... Или ты тут разъелся на даровых миллионах, что руки на агрономию не поднимаются?

Степан Прокофьевич смотрит на брата с отеческой снисходительностью, и тот отводит глаза, говорит:

— Ладно, прощевай, Степа. До осени наведаешься?

— Навряд ли.

— Про бычков не забудь!

— Уже забыл!

— Как это?

— Да так: не буду сдавать за тебя бычков. Передумал! Тебя баловать — только портить.

— Сте-епа!..

Но Степан Прокофьевич машет рукой и садится в машину.

Антон Гречка смотрит вслед тряскому, пыльному «газику», пока он не сворачивает на главную трассу. Пожимает плечами.

— Вот же чудак человек этот Степа! Подумаешь, нужны мне его бычки... Но было ж договорено! Пойдем, Марфуша!

Марфа сходит с крыльца, отряхивает юбку, и они шагают по улице, сминая тополиный пух. Гречка берет Марфу за руку, и она не отнимает руки. Что это означает? Не знаю... Тут особая сфера Гречкиной жизни, и о ней как-нибудь в другой раз...

Путешествия расширяют кругозор

Два месяца путешествовал я по бесконечной Сибири и по трем крупнейшим советским республикам Средней Азии. Я снял несколько сот метров узкопленочного фильма для чехословацкого телевидения и в Москве несколько дней сидел на полу, окруженный змеями кинолент, раскладывая по пластмассовым коробкам свой фотоурожай.

У меня сотни фотографий, связанных с необычайно ясными и живыми воспоминаниями. Но и кроме них — тысячи волнующих переживаний. Голова моя подобна улью с роем разбуженных пчел, почувствовавших весеннее солнце и стремящихся как можно скорее разлететься по свету. Я сажусь за пишущую машинку, и мысли тотчас же начинают роиться над листом бумаги, как над большим цветком, в нетерпении готовясь приземлиться.

«С чего начать?» — вот немалая проблема, всегда встающая при первом отборе литературного материала. И сейчас она кружит около, неотвратимая и беспокоящая. Но меня успокаивает хорошо знакомый внутренний голос моего старого опыта: «Начинай с людей, не ошибешься!» Я знаю, что он прав. Итак, начинаю...

Чехословацкая деревня на Байкале

Я знаю, что в Советском Союзе тысячи деревень, в которых у Чехословакии есть искренние друзья. Но одна деревня особенно «чехословацкая». Она лежит на южном конце волшебного байкальского серпа и называется Култук. После основания Общества советско-чехословацкой дружбы вся деревня вступила в него. Инициатива родилась в рыболовецком колхозе, во главе которого стоит образованный и очень энергичный председатель, коммунист Виктор Демин.

Колхоз небольшой, и, тем не менее, его продукция значительна. Несколько рыболовецких бригад с весны и до осени ведут лов великолепного байкальского омуля, колхоз развивает овощеводство, разводит скот и водоплавающую птицу. Колхозники живут зажиточно в солидных сибирских домах с резными наличниками и крыльцом, с блестящими окнами, за которыми растут лимоны, фикусы, красные примулы. Так сибиряки делают южным свой домашний микроклимат...

Когда в Култук приехала одна английская делегация, ее угостили там настоящим холодным пльзенским пивом. Англичане ахнули:

— Возможно ли это? Бутылка пльзенского пива — ведь это редкость даже и на Даунинг-стрит! Откуда же взялось пльзенское в «диких степях Забайкалья»?

Колхозники только хитро прищуривались.

— У нас возможны и другие чудеса! Мы сумели своим друзьям в Прагу послать омуля свежего посола. Понимаете, что это значит?

— Не может этого быть, — говорят англичане.— Ведь отсюда до Праги несколько тысяч километров! Когда вы здесь встаете, пражане только ложатся спать. Такая даль!

— Это вам только кажется, — смеются колхозники, — мы с Чехословакией очень близки. Знаете что, выпьем за их здоровье!

Англичане перестали качать головами и подняли бокалы. Как же иначе! Ведь в них прославленное пльзенское пиво, которое так отлично идет к байкальскому омулю.

Голодная степь

Еще не так давно это название вызывало мурашки на коже и представление о бесконечных просторах выжженной солончаковой степи, которая тянется от горизонта к горизонту за камышовой порослью на левом берегу Сыр-Дарьи. В этой степи, богатой солнцем, но не дождем, не могли прокормиться даже самые нетребовательные животные: овца и осел. Голодная степь — красноречивое название. Но сегодня оно звучит безнадежным анахронизмом. Советские люди превратили этот богом заброшенный край в настоящий райский уголок, где жители вполне обходятся без аллаха, но уже не могут жить без библиотеки и телевизоров.

Култукские рыбаки.

ВСЮДУ ДРУЗЬЯ

Иржи ПЛАХЕТКА,
чехословацкий журналист

Фото автора.

Виктор Демин.

Я беседовал с Юсупом Ходжибековым, председателем колхоза, годовой доход которого составляет 11 миллионов рублей. Десять лет назад он приехал сюда и вместе с ним несколько других семей — ядро нового колхоза в новой, орошаемой части степи. Десять лет назад он начал с того, что выкопал себе землянку в просоленной, неурожайной почве. Сегодня он угощал меня виноградом, каждая кисть весила по меньшей мере два килограмма, огромными румяными персиками, вкуснее которых я не ел ни в Греции, ни в Италии, нигде на Ближнем Востоке да, пожалуй, ни в Калифорнии, ни в Индонезии, и объяснял мне сложные экономические проблемы колхозного хозяйства. В прошлом году колхоз купил на 700 тысяч рублей сельскохозяйственных машин. Затраты труда на производство одного центнера хлопка снизились с семи трудодней в 1957 году до трех трудодней.

Я исписывал свою записную книжку в поте лица, а со всех сторон меня овевал приятный холодный ветерок. Мы сидели с председателем в прелестной беседке, несколько напоминающей китайские павильоны. Она высилась на сваях посреди искусственного озера, примерно в том месте, где председатель десять лет назад копал свою землянку.

А потом за нами пришел Бекке Саидов, бригадир хлопководческой бригады, Герой Социалистического Труда. У него красивое лицо, проницательные, хитроватые глаза, педантично подстриженная седая бородка. Я спрашиваю:

— За что вы получили звание Героя?

Он улыбается своими чистыми глазами.

— Я сдавал много хлопка.

Я попросил Бекке Саидова показать мне его хлопок и был обстоятельно посвящен в весь сложный процесс возделывания этой капризной культуры.

— Забот немало, да? — Бекке Саидов снова улыбается. — А где обойдешься без забот? У меня восемь детей: одна дочь и семеро сыновей...

Я понимающе киваю головой и думаю при этом о старом узбекском обычае, который обязывает отца поставить дом каждому из своих сыновей.

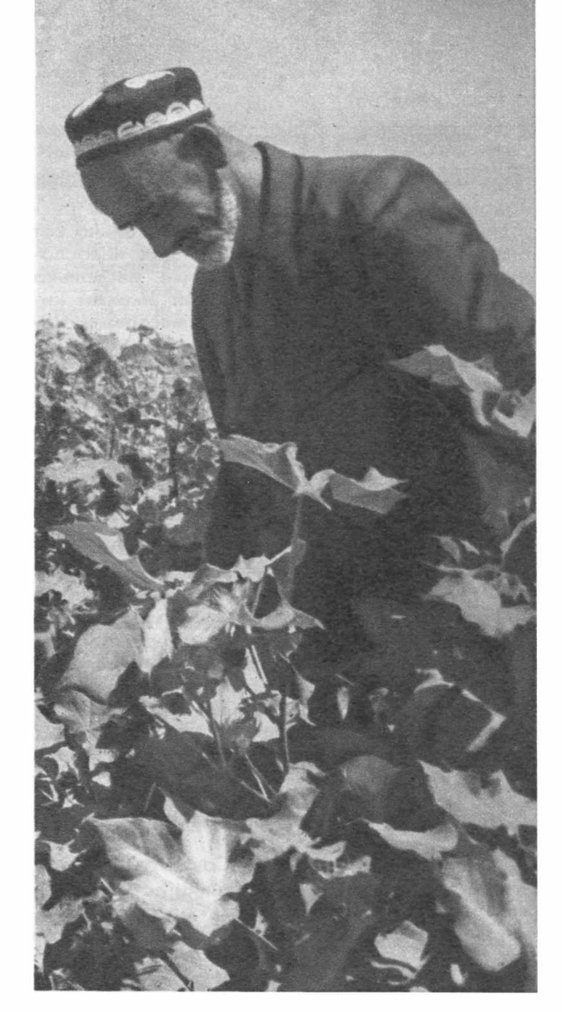
— Вы уже начали строить?

— Два дома я построил, ставлю третий, — отвечает он и щурит глаза.

В прошлом году он один заработал на хлопке тридцать одну тысячу рублей, получил шесть тонн зерна и другие продукты.

— Все приносит заботы, — смеется Бекке Саидов. — Куда мне было девать столько зерна?

Вот вам и Голодная степь!

Бекке Саидов.

Здравствуйте, земляки!

ТАКИЕ встречи всегда впечатляют и остаются в памяти. Я помню, словно это произошло сегодня: стоял ненастный день, в моих ботинках хлюпала грязь, за воротник текла вода. И тут я увидел его. Он стоял, расставив ноги, на берегу Ангары и поднимал с ее дна ковши гальки.

Земснаряд «Е-2310» — «Шкода»! Здравствуй, земляк!

На строительстве Иркутской гидроэлектростанции их было восемь штук, и они отлично показали себя. Шесть миллионов кубических метров грунта насыпали они при строительстве плотины. Экскаваторщик Василий Федорович Покорский и его сменщик главный машинист латыш Аркадий Карлович Кирштейн перебросили за месяц 40 тысяч кубических метров земли.

— Это уже старик, — улыбается Покорский. — Он трудится здесь с пятьдесят первого и выдержал до сих пор без капитального ремонта. — А через минуту добавляет: — Как и мы.

Приятно слышать, когда хвалят наших. Я не мог умолчать об этом.

Другая встреча состоялась на Енисее. Я встретился здесь с большим речным пароходом чехословацкого производства «А. П. Чехов» и его капитаном Петром Георгиевичем Ескиным, который дважды был в Чехословакии и считается у нас своим. Капитан Ескин — опытный моряк, воды Енисея он бороздит уже двадцать два года. До этого плавал на Оби.

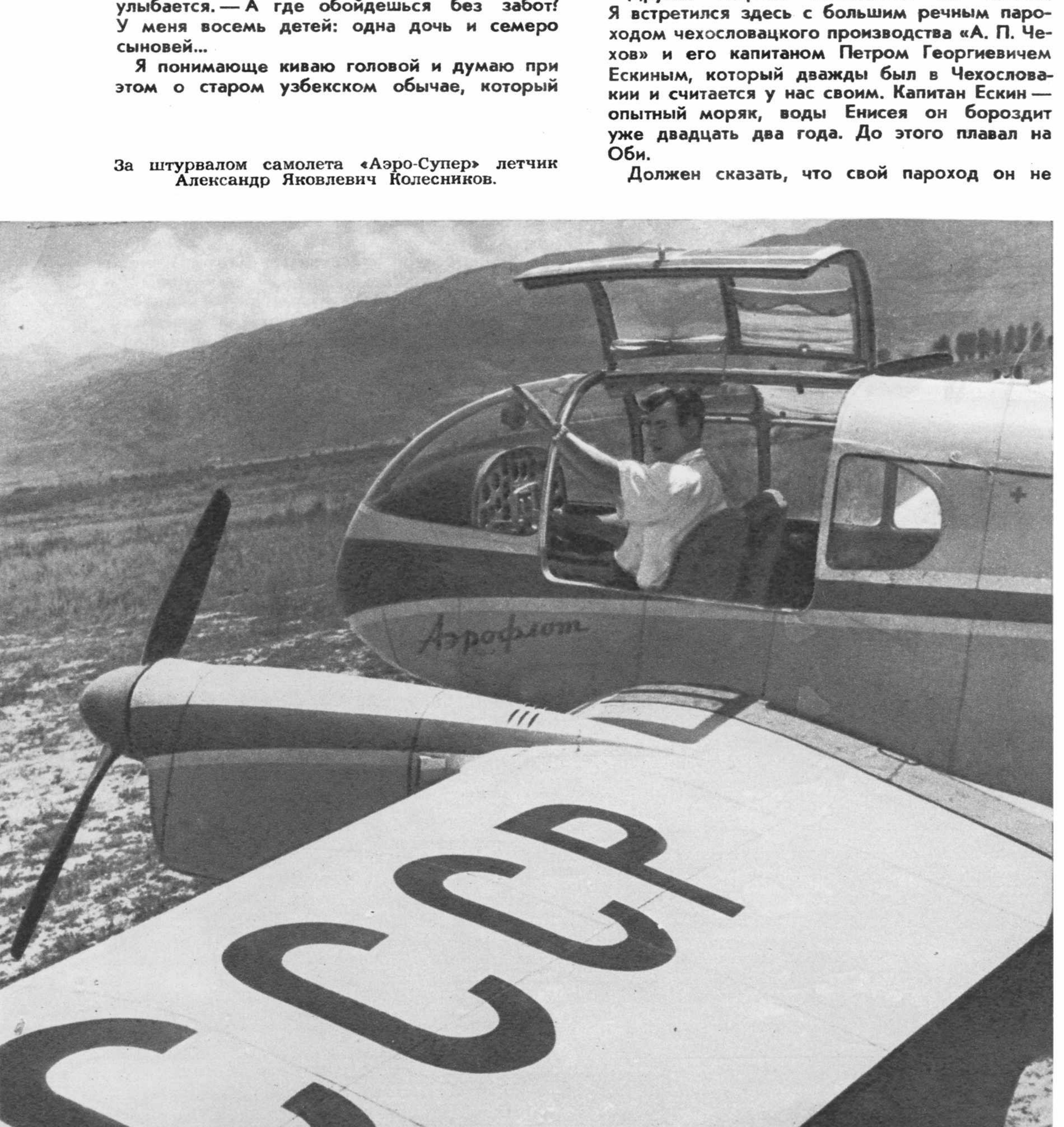
Должен сказать, что свой пароход он не дает в обиду. Тут нечему удивляться: он вложил в него частицу своего жизненного опыта, когда помогал нашим строителям в Комарно при организации производства этих речных колоссов. Немало он пережил и позже, когда вместе со всем караваном переправлял его на Енисей с Дуная, через Черное и Азовское моря, Дон, Волгу, через каналы на Северную Двину, в Архангельск, а оттуда через Белое, Баренцово и Карское моря в Енисейский залив. Двенадцать тысяч километров составляет этот далекий путь.

С третьим земляком я столкнулся в Алма-Ате. Он ревел, когда я подошел к нему. Это был четырехместный двухмоторный серебрекрылый самолет «Аэро-Супер», известный в мире под названием «Аэротакси-Прага». Я не обращал внимания на его недружелюбный рев и перелетел на нем через высокие горы Киргизии, на берег сказочного озера Иссык-Куль, в Пржевальск. Это был прекрасный полет, очень спокойный благодаря искусству опытного летчика Александра Яковлевича Колесникова. В Пржевальске пилот, прощаясь со мной, погладил крыло самолета и сказал:

— Хороший у вас земляк! Привет землякам!

Потом поднялся в небо...

За штурвалом самолета «Аэро-Супер» летчик Александр Яковлевич Колесников.

* * *

...Я ПРОЕХАЛ много тысяч километров по Советскому Союзу. Я слушал людей, говорящих на многих языках. Благодаря знанию русского я легко объяснялся со всеми, отлично понимал сотни своих друзей, с которыми познакомился в пути. У нас общие радости и общие заботы. Все мы братья, и одна и та же красная кровь течет в наших жилах.

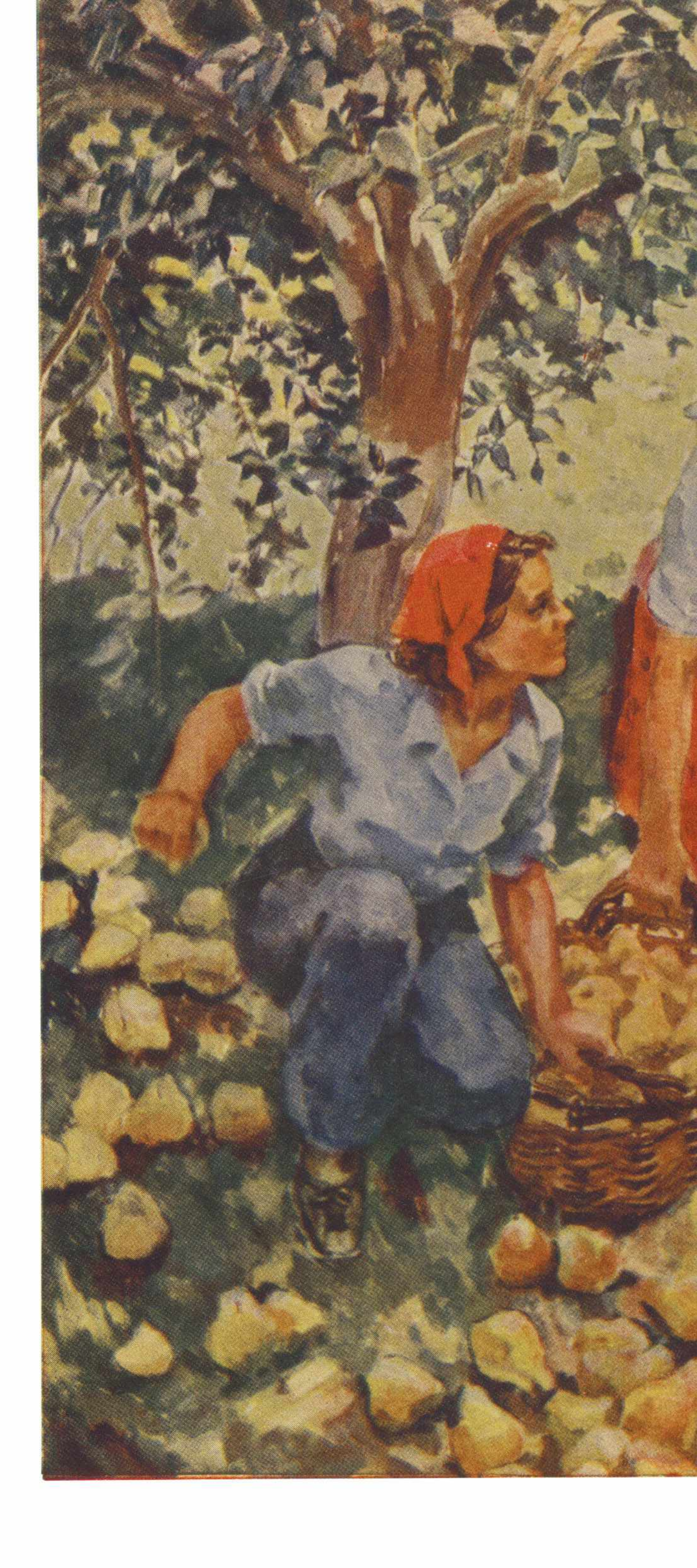
Я видел сотни строек. Вся советская земля строится и растет, поднимаясь этаж за этажом, темпами, которые не знают себе подобных. Рассказать о гигантских созидательных стремлениях, которыми охвачен советский народ, выразить романтику этих славных лет, которую мы всюду ощущали в конкретных человеческих судьбах, в конкретных фактах, — вот нелегкая задача, которая ждет меня в будущем. Я возьму пример со своих советских друзей. Постараюсь рассказать о них так же хорошо, как хорошо они сегодня воплощают в жизнь ленинский план построения коммунистического общества.

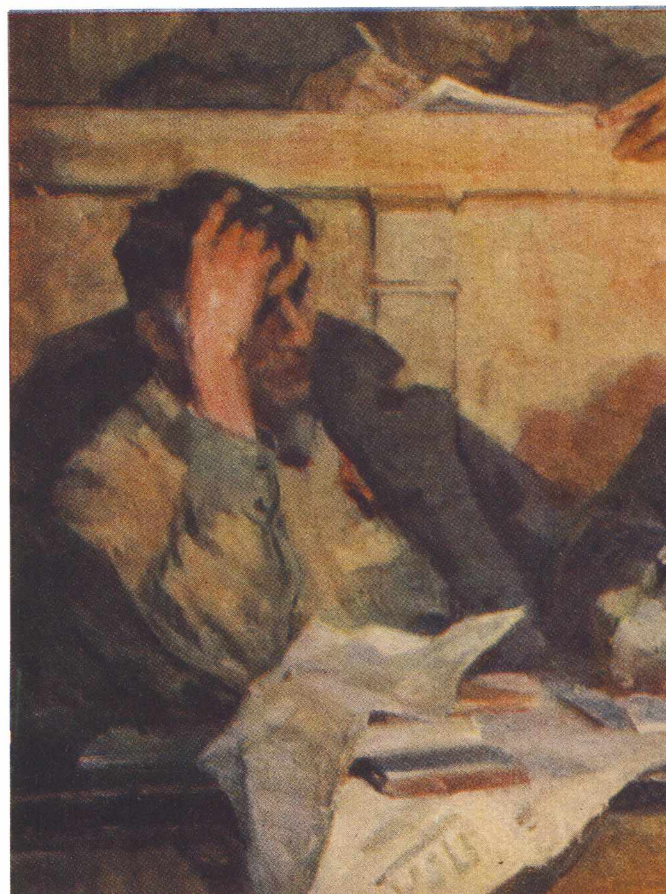
Р. Г. Атоян. В КОЛХОЗЕ.

Седьмая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР

Г. У. Кравченко. ПОРТРЕТ ПЕРЕДОВИКА ХЭМЗа С. Ф. ШЕРЕДЕГА.

Вверху справа — **Д. В. Журавлев.** САД.

Л. Г. Кривицкий. РАБФАК.

79

80

М. А. Короткова. НА ФЕСТИВАЛЕ.

Поэма

Часть третья

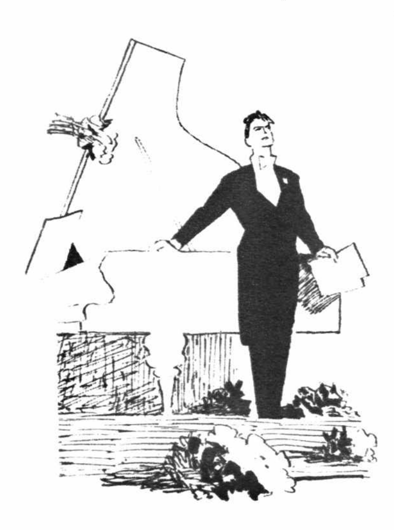
Сергей СМИРНОВ

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Пел артист
с большой московской сцены,
Пел, пожалуй, лучше соловья.
Красоту мелодии бесценной
Слушал зал, дыханье затая.

Каждый зритель словно стал
моложе.
Вал
оваций
хлынул, как река,
Из рядов правительственной ложи,
Из партéра, из-под потолка.

Перекатный,
необыкновенный,
Этот вал стихал и снова рос,
А потом на середину сцены
Полетел стихийный ливень роз.

И во власти данного примера
Я решил
с Поэзией вдвоем,
Что Коммунистическая эра
Не отвергнет
Розу с Соловьем!

* * *

Есть в натуре русских женщин
Склонность жертвовать собой,
Брать от жизни
много меньше,
Чем отмерено судьбой,

Не сгибаться от работы,
А кручиниться в тени.
Попадают в круг почета —
И конфузятся они.

Но, желая быть детальней
У запева на заре,
Мы вернемся
к госпитальной,
Нам известной медсестре.

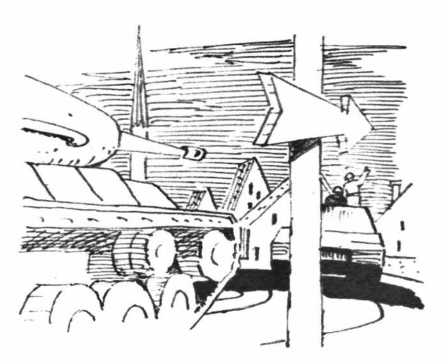
В свежевымытом халате,
От усталости бледна,
Снова ходит по палате
Возле раненых она.
Смотрит,
чувства их читая,
А сама — еще светлей:
Словно осень золотая
С первым кликом журавлей;
Словно грусть об отчем доме
С материнским светом глаз,
С дорогим теплом ладоней,
С обожаньем без прикрас...

Но увечные герои
Не учли
за долгий срок,
Чтó творится с медсестрою,
С героиней наших строк.

Одиночество,
ты хуже,
Горше каторги любой...
Нет и нет
вестей от мужа.
Где ты, Коля?
Что с тобой?..

Вспоминает, как рассталась,
Сокрушается о нем.
А усталость
на усталость
Набегает
День за днем...

И когда
весна двойная
Устремилась на Берлин,
Сталью танков проминая
Грунт обугленных долин,
И когда ушла в траншеи
Грязь под натиском тепла,—
Вся планета,
хорошея,
Очевидицей была,
Как метнулся недруг лютый
Наутек,
на Запад свой...

А рассветы!
А салюты
Над красавицей-Москвой!..

И тогда
до боли зримо
В вешних заревах побед
Стала чувствовать Марина,
Почему ей
писем
нет...

Вся какая-то другая,
Чем была еще вчера,
Пустоту превозмогая,
Погрустнела медсестра;
Но опять с больными вместе
Смену,
две
и даже три...

«Николай пропал без вести...» —
Вторит сердце изнутри.

Сердце женское,
ты живо,
А внутри печаль-змея.
И уму непостижима
Неподатливость твоя.
Самому себе же вторя,
Бьешься, трепетное, ты,
Если даже горечь горя
Жжет острее кислоты...

Но подобная нагрузка
Не проходит без следа:
Сердцу душно,
Сердцу узко,
Сердцу тяжко.
Вот беда!
И нетрудно сбиться с курса,
Если ноша такова...

У сестры
в момент дежурства
Закружилась голова.
Встала женщина сутуло,
Духоту вдохнула ртом,
Пошатнулась возле стула —
И... не помнит,
что потом.

...А потом
пришла в сознанье.
Тишь...
Больничная кровать...
Ей,
Марине,
шепчет няня:

— Ради бога, не вставать!

Не поверила сначала,
А, подумав, поняла:
Сердце,
сердце подкачало...
Невеселые дела...

* * *

Нам ясна печаль Марины,
Всем заботам вопреки:

Без нее
поплыли льдины
По воде Москвы-реки,
Без нее взошла рассада
Цветника,
и в тот же срок
Молодую зелень сада
Забаюкал ветерок.

А рванул
салют Победы,
Дали свет прожектора! —
И в присутствии соседок
Прослезилась медсестра,
Огорчилась беспредельно:
— Там весна,
а мы лежим...
И ругнула свой постельный
Обязательный
Режим.

* * *

Потянулась
длинно-длинно
Череда больничных дней.
Врач беседует с Мариной,
Откровенничает с ней,
Что, леченью помогая,
Надо гнать
печаль-тоску:
— Вам придется, дорогая,
Жить
в бессрочном отпуску...

Разговор, как говорится,
Откровенный и прямой,
И она
из стен больницы
Переехала домой.
Отыскала ключ от двери,
Одинокая моя...
И в домашней атмосфере
Точит грудь
печаль-змея.

На стене, как жизнь былая,
Фотокарточка видна:
Это возле Николая
Ты — беспечна и юна;
Он — по-юношески светел,
Чубчик вьется по виску...

Как же дальше жить на свете,
Жить
в бессрочном
отпуску?..

Окончание. См. «Огонек» №№ 35 и 45 за 1959 год.

* * *

Посетил однажды летчик
Героиню наших строк,
Без ненужных проволочек
Лихо
взял под козырек,

Положил перед Мариной
Узел,
грузный, будто воз.
— Я из города Берлина
Вам подарочек привез!..

А она, хозяйка дома,
Мыслит:
«Это не к добру...»
Говорит:
— От незнакомых
Я подарков не беру.

Но не зря промолвил кто-то
С чувством юмора на «ты»:
— Не такой народ пилоты,
Чтобы пятиться в кусты!..

— Дело в том,—
сказал военный,—
Что в давнишние года
Я, бывало, после смены
Часто хаживал сюда.

...И в коротком разговоре
Дал понять,
что под огнем
Вспоминал
Московский дворик
И цветы,
цветы на нем,
Что о нашей доброй фее
Помнил он в лихие дни.

— А теперь
привез трофеи;
Полюбуйтесь, вот они!..

На полу, как на базаре,
Появился перед ней
Сразу
будущий розарий
С мягкой тяжестью корней;
Клу́бней радужная груда,
В упаковке — семена...

И на это, как на чудо,
Не насмотрится она.
Помолчала,
оглядела
Содержимое узла.
— Да-а...
Цветы — другое дело!..
Улыбнулась —
и взяла.

* * *

День Москвы,
Необозрима
Вся твоя повестка дня.

— Чем же занята Марина? —
Спросят люди у меня.

Я, живой ее историк,
Резюмировать готов,
Что она
глядит на дворик,
Как на ярмарку цветов,
Что сидит она больная
Возле каменных громад.
Все цветы,
об этом зная,
Излучают аромат.

Ей союзниками стали
Домуправ и детвора.
И колдуют
над цветами
Всеми силами двора.
И легко, по-человечьи,
Посреди цветов и трав:
Тут
не значится
дощечек
С популярным словом
«Штраф».
А семидесятилетний
Афанасий Колосков
Тут
куда авторитетней
Всех карающих свистков!..

Он работал на заводах
Сорок лет
и потому
Получил законный отдых —
Вышла пенсия ему.
Но, живя пенсионером,
Скуповат на похвальбу,
Он каким-то там манером
Вник
в Маринину
судьбу.
И, растроганный сугубо,
Полупраздный человек
Превратился
в цветолюба,
Одержимого
Навек...

Он с подчеркнутой бравадой
Выдал шутку «на-гора́»:
— Рая нету
и не надо —
Вот он, рай, среди двора!

Ходит-бродит
верным стражем,
Несмотря на седину.

И не дай вам боже, скажем,
Срезать розу,
хоть одну!
Он с достоинством и весом
Развернется, как судья.
Ради общих интересов
У него
мораль своя:

— Виноватого к ответу
Привлекай и так суди:
Срезал веточку —
за это
Сотню новых посади!..

В этом ка́пельном примере,
В буднях общего двора,
Есть
своя в какой-то мере
Целина
И Ангара...

* * *

А столица
смыла копоть
Маскировки фронтовой.
Веселее стали топать
Каблуки по мостовой,
Многоцветней стали парки,
Неприметней пустыри;
И от звезд электросварки
Хоть на небо не смотри!
Время
стройки и ремонта
Засучило рукава...

Лишь молчанье да дремота
Не к лицу тебе, Москва.
Но
молчат твои поэты,
Плотно сжаты их уста.
Не раскрыта,
Не воспета
Городская красота...

* * *

Шел я ночью со свиданья,
Шел, мечтательно куря.
Вижу:
нежное созданье
Плачет возле фонаря.
Грусть-печаль в наглядном виде,
На лице следы от слез...

— Кто вас, девушка, обидел,
Извините за вопрос?

И, не в силах скрыть конфуза,
Мне ответила она:

— Я не кто-нибудь, а муза,
Но... поэтам не нужна.
К одному
на два — три слова
Прорывалась в кабинет,
Но поэт сказал сурово:
— Не стучитесь —
Темы нет.
Ко второму
захотела
Заглянуть и... тоже зря:
Как на камень, налетела
На его секретаря.
Третий встал, как столб, у входа
И признался от души,
Что любые переводы
И без музы хороши!..

Не успела оглядеться —
Ночь, прохладна и темна.
Как мне быть?
Куда мне деться?..—
И заплакала она.

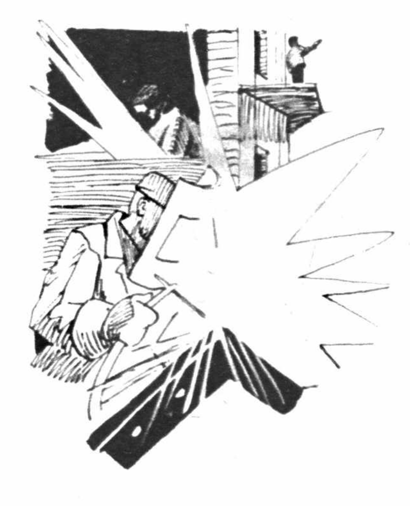
Я в ответ:
— Мужайся, муза,
И пойми в конце концов:

По Советскому Союзу
Сколько хочешь есть творцов,
Не сидящих по скворешням,
Не воркующих в тени,—
На полях, под солнцем вешним,
На строительствах они.
Им отрада
и награда
Каждый час и день труда...

Вот к кому стучаться надо.
Мчись немедленно туда!
Всех маститых
навести ты,
Где бы ни были они.
От маститых к немаститым
Непременно загляни.
Не робей,
входи без стука,
Объявляйся напрямик!..

Муза мне пожала руку
И умчалась в тот же миг.

Эй, шахтер, скажи на милость,
Не к тебе ль пришла она?
Не к ученому ль явилась
И осталась допоздна?

Может, сварщик рядом где-то
С ней восходит на леса?..

Нам дают ответ на это
Всех событий голоса!..

* * *

Время,
нашенское время,—
Друг грядущим временам!
Как в бесспорной теореме,
Ты доказываешь нам,
Что да как
творится в мире,
Отчего и почему
Новый день ясней и шире
Дней, предпосланных ему.

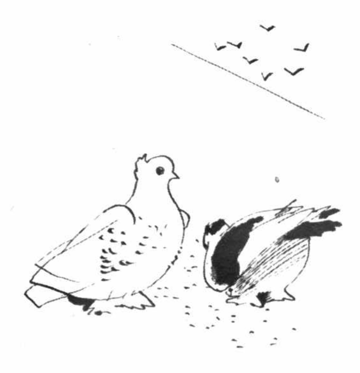
Ты металлом и бетоном
Взяло дебри в оборот.
Ты огнем краснознаменным
Осенило мой народ...

* * *

Время наше молодое!
Без шумихи показной
Ты берешь в свои ладони
Обновленный
шар земной.
Пред тобой
Одна Шестая
И соседи — вместе с ней —
От Кореи и Китая
До Европы наших дней.
Это мы!
И нам не страшен
Сердцем избранный маршрут.

«Все теперь —
мое и наше!» —
Говорит Ударный Труд.

Под рукой воркует птица.
Мы священно чтим ее.

Лишь вдали
еще кружится
Коршунье да воронье,
Да в косых лучах заката
На избитый старый лад:
«Все мое!» —
бормочет злато
И сжимает злой булат...

* * *

Время!
Словно личным счастьем
Восторгаюсь и горжусь,
Что к делам твоим
причастен,
Что в служивые гожусь,
Что лопатой и киркою
Тоже действовать могу,
Что не ведаю покоя
Перед Родиной в долгу.
Пусть не сразу, к сожаленью,
Воспитался
и — шалишь! —
Допускаю отступленья,
Но лирические лишь...

Чувство юмора,
Ты светишь,
Входишь в замыслы и в быт,
Ты с души снимаешь ветошь
Мелкотравчатых обид.
Словно верное кресало,
Ты при мне из года в год.
Сколько раз меня спасало
Ты от жизненных невзгод,
От надутости зловещей,
Если где-то сплоховал,
От критических затрещин,
От язвительных похвал!

В сфере ямба и хорея,
Честно действуя пером,
Не построю на Пахре я
Сногсшибательных хором.

Пусть охáет
кто-то
где-то
Всю продукцию мою;
Я и сам
не всех поэтов
За поэтов признаю.
Перед сильным не елозя,
Мыслю, сам себе глава,
Что иной писатель в прозе
Сотворит романа два —
И, бесспорно,
это гений...
У другого ж иногда
Девяносто сочинений —
Та-ак... сезонная вода...

...Сколько их,
больших и малых,
Примелькавшихся давно
В эпицентрах литскандалов,
Будто в проруби... бревно...

Не поймешь,
к чему трезвонят,
Вьются, каркают, снуют:
«Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?..»

Не гурману-сумасброду,
Критикану-лихачу,
Нет!
Товарищу-Народу
Я понравиться хочу.

А с любым, отдельно взятым,
Работягой по стиху
Рассуждаю, как с собратом,
Признаюсь, как на духу:
Дорогой кудесник слова,
Не беру тебя в отцы,
Для меня как таковового
Есть
повыше образцы...

И тому, кто час за часом
Обрастает сединой
И начальствующим басом
Изъясняется со мной,
Говорю,
и в этом грешен:
— Дорогой, протри очки:
Очень просто
из старейшин
Покатиться... в старички...

* * *

Был я в качестве туриста
В малой
западной стране.
Там, за дамбой каменистой
С серым морем наравне,
Простираются угодья,
По которым разлиты́,
Как цветное половодье,
Иностранные
цветы.

Благодать, определенно.
Но такую благодать
Продают
с аукциона,
Чтобы вновь перепродать.
Продают в букетах броских,
Продают во всех местах:
На крикливых перекрестках,
На дорогах,
на мостах.

И никто не мыслит даже
В этом мире суеты,
Что
от купли
и продажи
Обесценены
Цветы...

* * *

Был я в роли делегата
На земле
другой страны.
Там застенчиво и свято
У шоссейной быстрины
Встали розы перед нами,
Разновидности любой:
То похожие на пламя,
То на пепельный прибой...

Где лежали
горы гáри
И струилась кровь не раз,
Там устроили розарий
Люди всех племен и рас.

Горожане и сельчане
Проходили между роз.
И в торжественном молчанье
Я по-русски произнес:
—Нам
сквозь годы
видятся
Кровь и пепел
Ли́дице...

Произнес,
и с новой силой
Просияла предо мной
Красота России милой —
Нашей гордости земной!

Чужеземцы всех регалий,
Людоеды-палачи
По полям твоим шагали
Вроде черной саранчи,
Пулей, бомбой и снарядом
Разоряли города.
Ты была
со смертью рядом,
Непреклонна и горда.
Вся в отметинах металла,
Опаленная кругом,
Ты их планы
растоптала
Пехотинским сапогом.

И любой из нас
отныне
Одарить тебя готов
Не букетом,
а сплошными
Континентами цветов!..

* * *

Но присмотримся к Марине.
Что же с нею? — вот вопрос.

Появился первый иней
В густоте ее волос,
Заплетенных за плечами
И завязанных узлом...
Притягательно-печален
Смоляных бровей излом,
И глаза
красивы очень;
В них, светящихся внутри,
Что-то есть
от белой ночи,
От предутренней зари,
От сплошных
рабочих буден,
От «сегодня» и «вчера»,
От приветливости к людям
И желанья им
добра...

* * *

Рядом, чуть не под рукою,
Есть поэты — будь здоров! —
Группа,
общество такое
Цветолюбов-мастеров.

И вот именно они-то
За весьма недолгий срок
Вовлекли в свою орбиту
Героиню наших строк,
Присоседили упрямо
К будням нового поста.
И теперь ее программа
Грандиозна и проста:
Землю школьного фасада,
Новой набережной нить,
Клумбу сквера,
Грядку сада,
Каждый двор
озеленить!

...И раздвинулись
границы
В ясном образе своем.
Так струя живой криницы
Попадает
В водоем...

* * *

Я читательским вниманьем
Вряд ли злоупотреблю,
Если сделаю признанье,
Что и сам
цветы
люблю,
Красоту их принимаю,
Полдень века вижу в ней,—
Это музыка немая,
Буйство красок и теней,
Мир содружества
и роста,
Где внедряется в сердца —
Нет! — не стронций-90,
А цветочная пыльца...
И сильней всего на свете
Я приветствовать готов,
Что в цветах играют дети,
Как цветы
среди цветов!

Вот я вижу дом старинный.
Под окном стоит скамья.
На скамье сидит Марина
Николаевна моя.

Изумляется захожий
Улыбающийся люд,
Что цветы ее похожи
На немыслимый салют,
Словно мать-земля сырая
Чувства выразила в нем,
Он пылает, не сгорая,
Круглосуточным огнем
И сияньем искрометным
Утверждает, смерть поправ,
Что цветы
нужны не мертвым,
А тому,
Кто жив и здрав...

Но приветственного слова
Не придумываю я...

Ах, Марина Соколова,
Николаевна моя!
Я-то знаю,
что украдкой
Ты листаешь свой альбом —
Неказистую тетрадку
В переплете голубом,—

Где под каждой точной датой
Письма,
отзывы друзей,
Кто почтил твои пенаты,
Словно редкостный музей.

Письма, отзывы...
живая,
Безыскусственная речь...
Я все силы призываю,
Чтоб в стихи
ее
облечь,
Чтоб слова себя держали,
Как в короткой фразе ТАСС,
Чтоб не глохло содержанье
От формальных выкрутас.

Чей-то почерк неразборчив,
Но до сердца он проник:
«От строительных рабочих
Благодарность
за цветник!..»
Пишет воин:
«Вместе с вами
Я цветы люблю и чту,
Потому что воевали
Мы за эту красоту...»
Вот письмо другого рода:
«Я теперь лишь поняла,
Что такое
«храм природы»
И цветы вокруг села.
Утеряй родные вязы,
Поле,
ландышевый бор —
Жизнь, пожалуй, станет сразу
Однотонной,
как забор...»

Бабка с внуками явилась
И от имени детей
Тоже отзыв сочинила,
Как заправский грамотей:
«Вы
пленили
наши души!..»
А концовка такова:
«Миша, Маша и Андрюша.
Место жительства — Москва...»
Там же,
только чуть пониже,
Афоризм уже готов:
«Я грядущего не вижу
Без обилия цветов!..»

Невозможно перечислить
Этих отзывов подряд,
Но они, в хорошем смысле,
Убежденно говорят
То, что цель у нас едина,
Хватит дела на веку,
Что живет моя Марина
Не в бессрочном отпуску.
И сюда, дорогу зная
(Журналисты помогли!),
Мчится почта заказная
С четырех сторон земли.

Люди требуют совета,
Как налаживать дела,
Чтоб в Алтайском крае где-то,
Скажем, роза расцвела,
Или где-нибудь за Доном,
Или на Неве-реке,
Или там, в новорожденном
Казахстанском городке.

Пишут кратко и пространно
Первоклассники-юнцы,
Трудовые ветераны,
Деды, матери, отцы;
Пишет,
полная накала,
Продолжателей семья...
Ты для них примером стала,
Беспокойная моя!
Пусть тебя
в заздравных одах
Не прославили пока —
О цветах,
О цветоводах
Будут
Пленумы ЦК!..

* * *

Проза жизни современной,
Ты — Поэзия сама
С постоянным,
с непременным
Въездом в новые дома,
С твердой заработной платой,
С дружбой, крепкой, как дубы,
С красотой
отдельно взятой
Человеческой судьбы,
Со страной кремлевских башен,
С миролюбием ее,
С громогласным словом «наше»,
Со стеснительным — «мое»,
С необъятностью заданий,
С пробой сил на целине,
С крупным шагом в мирозданье,
С русским текстом на Луне,

С новой
новью дня и часа,
С пониманьем — путь суров,
С полосой
взаимной трассы
Между двух
Земных миров!..

* * *

Здравствуй, прелесть начинаний!
Здравствуй, огненность труда!
Здравствуй, избранная нами
Жизни
светлая страда
С устремленьем —
год от года —
Одолеть любой предел...
С непременной
каплей меда
В общий
улей
наших дел!..

Мы, умельцы,—
это сила.
Мы прольем хоть сто потов,
Чтобы каждому хватило
Счастья, песен и цветов.
Слово
«мы»
не мало значит:
— Эй,
планета,
погляди:
Там
Грядущее
Маячит,
С красной розой
на груди!

СПОТЫКАЯСЬ

Александр СЕРБИН

О запуске этого спутника американская печать говорила уже давно. В сентябре журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» многозначительно сообщал: «Сегодня Соединенные Штаты обладают возможностью попасть в Луну так же, как это сделала Советская Россия». Журнал «Ньюсуик» предсказывал, что США запустят ракету «Атлас-Эйбл» уже в октябре и что у Соединенных Штатов «будет шанс занять место в космосе». Накануне запуска американские планы стали еще более ясными. Агентство Ассошиэйтед пресс оповестило, что американские ученые с помощью ракеты «Атлас-Эйбл» рассчитывают «превзойти все, что было сделано русскими». На орбиту вокруг Луны предполагалось вывести спутник весом в 375 фунтов, изготовленный в форме шара из металла и пластмассы. Спутник должен был сделать фотографии Луны, включая фотографии ее невидимой стороны, и произвести ряд других исследований, данные о которых должны были быть переданы на Землю по радио. Дата запуска была выбрана с учетом предстоявшей поездки американского президента по зарубежным странам.

...Когда в ночь с 25 на 26 ноября 1959 года стрелки на часах американской ракетной базы на мысе Канаверал показали 2 часа 26 минут (в Москве в это время было 10 часов 26 минут утра), четырехступенчатый «Атлас-Эйбл» взял старт. Через три минуты в темном, безоблачном небе было видно только неясное пятно. Это действовала еще первая ступень ракеты — «Атлас». Вторая ступень, «Эйбл», «исключительно надежная», как охарактеризовало ее агентство Юнайтед пресс интернейшнл в первом сообщении с мыса Канаверал, должна была включиться через четыре с половиной минуты после старта. Корреспонденты, присутствовавшие при запуске, ждали новостей о дальнейшем движении ракеты. Но сообщать им пришлось слова представителя Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства, который сказал, что с верхними ступенями ракеты что-то случилось. Позже агентство Ассошиэйтед пресс передало заявление Управления: «Следует предположить, что вторая ступень не воспламенилась».

За последние пятнадцать месяцев это была шестая неудачная попытка Соединенных Штатов запустить ракету в направлении Луны. «Угнетающая неудача», «Тяжелый провал» — комментировали газеты США происшедшее на мысе Канаверал. «Луну мы знаем все еще из вторых рук» — озаглавила статью, посвященную этому событию, «Нью-Йорк геральд трибюн». В статье говорилось: «Остается в силе тот факт, что то, что Советскому Союзу удалось осуществить с великолепной точностью свыше двух месяцев назад, нам все еще недоступно». В таком же уныло-раздраженном тоне писала о ракете «Атлас-Эйбл» и «Нью-Йорк таймс»: «Те, кто хотел успокоить наше общественное мнение после советских успехов в сентябре и в начале октября этого года, ссылаясь на надежды, которые возлагались на запуск ракеты «Атлас-Эйбл», теперь увидели, что эти надежды оказались развеянными немногим более чем через минуту после того, как гигантские ракеты взмыли в небо на мысе Канаверал».

* * *

В 1950 году некий официальный представитель, имя которого не сообщалось, заявлял: «Мы в любое время могли бы запустить ракету на Луну, если бы к этому были хоть какие-нибудь основания». А в феврале 1957 года генерал-майор Бернард Шривер, отвечавший за программу создания баллистических ракет дальнего действия, утверждал, что мощность «Атласа» годится, чтобы вывести за пределы земного притяжения груз в несколько тысяч фунтов. Система управления ракет, по его словам, была «достаточно точна для попадания в цель, гораздо меньшую, чем Луна».

Но эру покорения космоса открыл 4 октября 1957 года не американский, а советский спутник. В эту эру Соединенные Штаты вынуждены были войти под лозунгом «Догнать СССР!». Американские официальные лица очень неохотно признали свое отставание и всячески пытались преуменьшить значение советского научного подвига. Именно тогда из уст одного высокопоставленного политического деятеля США раздалось утверждение, что американский спутник «будет лучше с научной точки зрения», чем советский. Это утверждение до недавних пор продолжало оставаться в арсенале американской пропаганды, которая продолжала повторять, что оборудование американских спутников превосходит оборудование советских.

Когда же наконец несколько американских спутников вышло на орбиту вокруг Земли, печать США поспешила оповестить мир, что Соединенные Штаты выигрывают «космическую гонку». «В космосе ведут Соединенные Штаты: следующая цель — Луна»,— гласил, например, заголовок в апрельском номере журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» за 1958 год. Номером раньше этот же журнал, ссылаясь на официальные источники, опубликовал «Расписание попадания в Луну». «Расписание» выглядело так:

«В течение нескольких месяцев ракета, изготовленная на базе су-

В КОСМОСЕ

ществующих ракетных установок, сможет попасть в Луну.

В течение года космический корабль сможет обогнуть Луну по орбите и послать на Землю сообщения о научных исследованиях невидимой стороны Луны.

В течение трех лет спутник с человеком сможет выйти на орбиту вокруг Земли...

В течение 10—12 лет американец может быть высажен на Луне и потом возвращен обратно на Землю».

Сейчас, почти через два года, расписание это выглядит довольно занимательно. Особенно если иметь в виду то, что, как сообщал тогда же журнал, «Пентагон хотел бы предотвратить, если это возможно», чтобы советские ракеты попали на Луну первыми.

А недавно американцы прочитали в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» следующее: «Возможно, что Советская Россия сохранит пока ведущую роль в эффектных действиях в космосе, так как Соединенные Штаты должны сконцентрировать свои усилия на ракетах, предназначенных для военных целей».

Жалуясь, что США вынуждены довольствоваться «вторым местом», американская печать много писала о спорах и соперничестве между различными видами вооруженных сил, занимающихся ракетами. В последнее время с обвинениями и контробвинениями друг против друга выступили демократы и республиканцы. Сенатор-демократ Ричард Рассел возложил главную ответственность за отставание США на президента Эйзенхауэра. Журнал «Тайм», в свою очередь, объявил, что корни этой отсталости надо искать в «неспособности научных советников Гарри Трумэна еще в середине сороковых годов предвидеть будущее управляемых снарядов».

Это объяснение стало особенно модным. Американские газеты и журналы за последнее время вовсю старались убедить читателей, что «русские начали раньше» и лишь выигрыш во времени позволил им уйти вперед. Насколько это далеко от истины, говорит тот факт, что в США уже с 1945 года работало более сотни вывезенных из Германии специалистов по ракетостроению, а их первый спутник был запущен с помощью ракеты, созданной под руководством небезызвестного Вернера фон Брауна.

В поисках причин отставания США от нашей страны американские газеты и журналы боятся заглядывать глубже. «Почему Соединенные Штаты Америки, богатству и развитию науки и техники которых все удивлялись, почему же эта страна сейчас пытается несколько раз запустить ракету к Луне, но она не идет к цели, а падает на дно морское! — говорил Н. С. Хрущев.—Ведь дело не в том, что у них не хватает долларов. У них долларов много, они богаче. Дело не в том, что у них нет материалов. Материалы есть. Дело не в том, что у них нет ученых. Ученые тоже есть. Чего же у них нет? У них нет такого строя, какой существует у нас».

По оценкам американских ученых, сообщенным газетой «Уолл-стрит джорнэл», Соединенные Штаты в космосе отстали от Советского Союза на пять лет. Американские специалисты считают, что советские космические ракеты обладают вдвое большей мощностью по сравнению с американскими ракетами. Доктор Герберт Йорк, директор отдела оборонных исследований и техники в Пентагоне, признал, что в течение нескольких лет «русские будут всегда иметь возможность запустить в космос нечто большее», чем США. Все это наводит американскую печать на довольно грустные размышления. Журнал «Ньюсуик» недавно напечатал статью, озаглавленную «Как проиграть космическую гонку». В ней говорилось: «В течение двух лет всегда находился какой-нибудь способ, чтобы объяснить советский триумф в космосе. Когда спутники взмыли ввысь, нашлись официальные лица, которые легко сбросили их со счетов, как «куски железа» в сравнении с нашими элегантно оборудованными «Авангардами»... В январе этого года, когда Россия сообщила, что она послала ракету в сторону Луны с выходом на орбиту вокруг Солнца, этот подвиг был сначала поставлен под сомнение, а потом низведен до минимума, как слишком простой в сравнении с прямым попаданием в Луну. Русские попали в Луну лунником № 2. Последовало быстрое объяснение, что попадание в Луну ничто в сравнении с выводом спутника на сложную лунную орбиту, что планируют Соединенные Штаты. Затем последовал взрыв американской ракеты во время наземных испытаний, и как раз около того времени, когда эта ракета должна была взлететь, лунник № 3 был запущен на орбиту вокруг Луны и Земли.

Времени — и космического пространства — остается все меньше. Спросите ведущих американских ракетостроителей и американцев, занятых проблемами космических исследований, какая страна первой поразит следующие большие космические цели. Их ответы будут отрезвляющими. Первый человек в космосе? Наиболее вероятно — русский. Миссия на Марс? Русские не упустят в следующем году этого шанса. Первый человек на Луне? Он повезет с собой серп и молот».

Американский обозреватель Эрнест Линдли, характеризуя отношение официальных представителей США к советским достижениям в космосе, писал: «...Тенденция преуменьшать советские успехи принадлежит главным образом, но не целиком, прошлому». И действительно, еще совсем недавно уходящий в отставку руководитель управления новейших исследовательских работ министерства обороны США Рой Джонсон, по язвительному замечанию журнала «Тайм», не мог предложить ничего лучшего, кроме создания «департамента психологической войны», чтобы «ответить» на «советские победы в космосе». Еще недавно американский вице-адмирал Риковер противопоставлял советским успехам то, что США... обладают «единственной беременной космической обезьяной». (Обезьянка Бейкер была поднята в космос в носовом отсеке одной из американских ракет.) Правда, позже выяснилось, что США не обладают этим «чудом»: сообщения о том, что Бейкер ждет потомства, были опровергнуты.

Последний неудачный запуск ракеты «Атлас-Эйбл» на мысе Канаверал сделал оценки собственных достижений США более осторожными, а успехов Советского Союза — более объективными. Газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан» отмечает: «Наше начинание было фактически обречено на провал, и неблагоприятные шансы дальнейших аналогичных попыток в ближайшем будущем остаются колоссально большими. Дело в том, что мы не имеем мощных ракет для запуска спутников, которыми обладает Советский Союз, и мы, вероятно, не будем их иметь в течение ближайших трех лет или около того».

Надеждой США становится сейчас так называемый «проект Сатурн». О нем больше всего пишет американская печать. Этот проект предусматривает соединение восьми ракет типа «Юпитер» в одну мощную ракету. Над «Сатурном» работает все тот же Вернер фон Браун. Как заявил Рой Джонсон, эта ракета выведет на орбиту вокруг земли спутник с человеком. Она будет готова не раньше конца 1963 года. По словам Эрнста Штулингера, одного из коллег фон Брауна, «Сатурн» будет лучше, «чем все, что сделали пока русские». Однако он добавил: «Но мы должны, конечно, признать, что русские не стоят на месте. К тому времени, когда у нас будет «Сатурн», они будут далеко впереди того, где они сейчас».

Штулингеру нельзя отказать в трезвом взгляде на вещи.

APRIL 4, 1958

Vol. XLIV No. 14

U. S. News & World Report

U. S. TAKES LEAD IN SPACE: NEXT TARGET—THE MOON

Earth satellites are in the horse-and-buggy age of space explora-

instruments in a package similar to the Explorer satellites. This moon-shot requires adding an extra solid-fuel rocket

4 апреля 1958 года журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» напечатал статью, которая называлась «В космосе ведут США: следующая цель — Луна»...

OCTOBER 19, 1959

Vol. XLVII No. 16

U. S. News & World Report

THE SPACE RACE: HOW U. S. BECAME NO. 2

Is Russia now to win out in project after project in space—with men in orbit, manned spaceships, trips to outer planets?

Official answer: "Yes, probably." Reason: a five-year lead for Russia in development of

with double the power of any American rocket. For use in weapons, the power of U. S. rockets is described as adequate.

Where U. S. lost ground. Decisions made in 1949 and in 1954 caused the United States to fall behind in the race into outer space.

In 1949, the U. S. rocket-development program, begun at the end of World War II, was cut back as an economy

rocket that was used to launch heavy earth satellites and to propel three space vehicles to or near the moon. The U. S., in contrast, has just proved out its Atlas rocket, with 300,000 pounds of thrust. The U. S. has been using rockets with 150,000 pounds of thrust for its attempted moon probes.

"Acutely embarrassing" is the way Dr. Herbert F. York, in charge of all military

...А заголовок статьи в номере этого же журнала от 19 октября 1959 года гласил: «Космическая гонка: как США сделались «номером вторым».

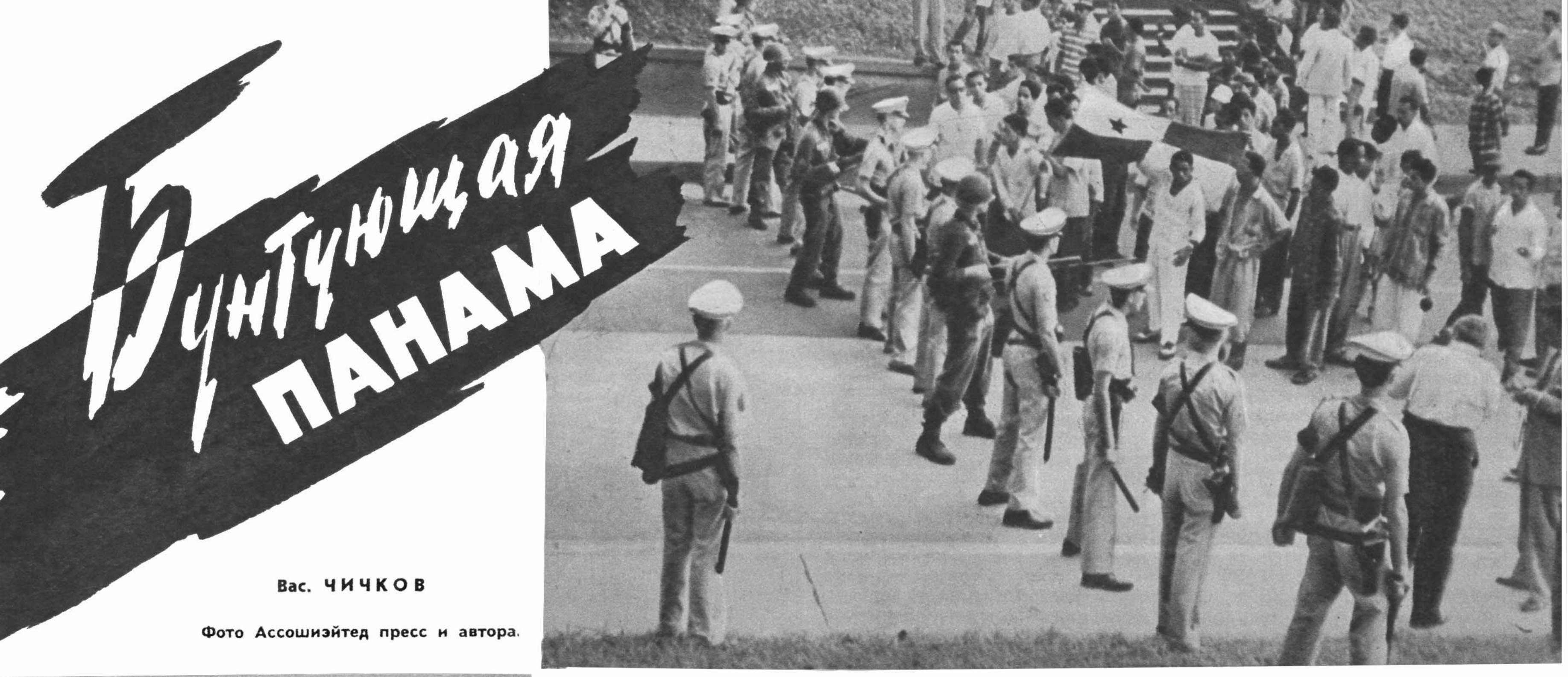

Среди американских специалистов по ракетам:

—...Если сравнить наши успехи с советскими, то наши — это просто капля в море.

Карикатура из английской газеты «Дейли уоркер».

Бунтующая Панама

Вас. ЧИЧКОВ

Фото Ассошиэйтед пресс и автора.

Депутат Национальной ассамблеи Панамы Аквилино Бойд требует от американского полицейского офицера пропустить демонстрантов в зону канала.

О маленькой республике Центральной Америки — Панаме — в последнее время часто пишут в зарубежной печати. На первых страницах многих газет появляются крупные аншлаги: «Война в Панаме!», «Острые события в Панаме», «Панама бунтует».

Сообщения иностранных корреспондентов, живущих в этой тропической стране, напоминают военные сводки. «Десять тысяч американских солдат,— по-военному рапортует корреспондент мексиканской газеты «Новедадес»,— размещенных в зоне канала, развернувшись в боевую линию за проволочным заграждением, с пулеметами наготове отражают натиск. Слезоточивые бомбы с маркой «сделано в США» рвутся в столице Панамы. Народ изливает свой гнев, разбивая стекла в конторах североамериканских компаний, действующих в Панаме».

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Поль Кеннеди передает из Панамы:

«Мятежники спустили флаг США на флагштоке перед посольством, разорвали его в клочья и вместо него вывесили панамский флаг, распевая гимн Панамы».

Суть событий — борьба панамцев против засилья североамериканских монополий, за суверенитет над Панамским каналом, главной жизненной артерией страны.

Внешне Панамский канал довольно скромно выглядит: две ленточки воды, заключенные в бетон, широкий мост с железными перилами.

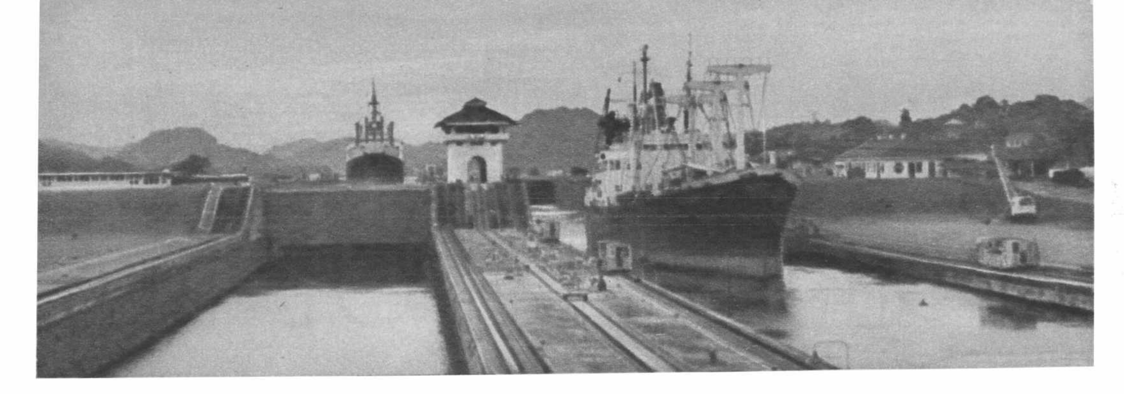
Американские войска преграждают путь демонстрантам-панамцам, направляющимся в зону Панамского канала, чтобы поднять там национальный флаг.

Оттуда видно, как заполняются водой шлюзы, как маленькие электровозы натужно тянут по каналу большие океанские корабли. По обе стороны канала раскинулись мирные зеленые поляны и перелески.

Панамцы охотно рассказывают приезжему печальную историю этого сооружения, относящуюся еще к первым годам нашего столетия. Набирающий силы американский империализм поставил в то время задачу подчинения всего Западного полушария. Для этого нужен был кратчайший путь из Атлантики в воды Тихого океана. С помощью штыков и угроз США завоевали «право» использовать на вечные времена зону канала.

Строили же канал панамцы. Их сгоняли на работу из деревень, городов, заставляли от зари до зари под палящим солнцем вгрызаться в землю. Тропическая лихорадка и голод косили людей. Больше 60 тысяч рабочих погибло на строительстве нового водного пути. Не зря в Панаме поется: «Каждый метр канала — это жизнь панамца».

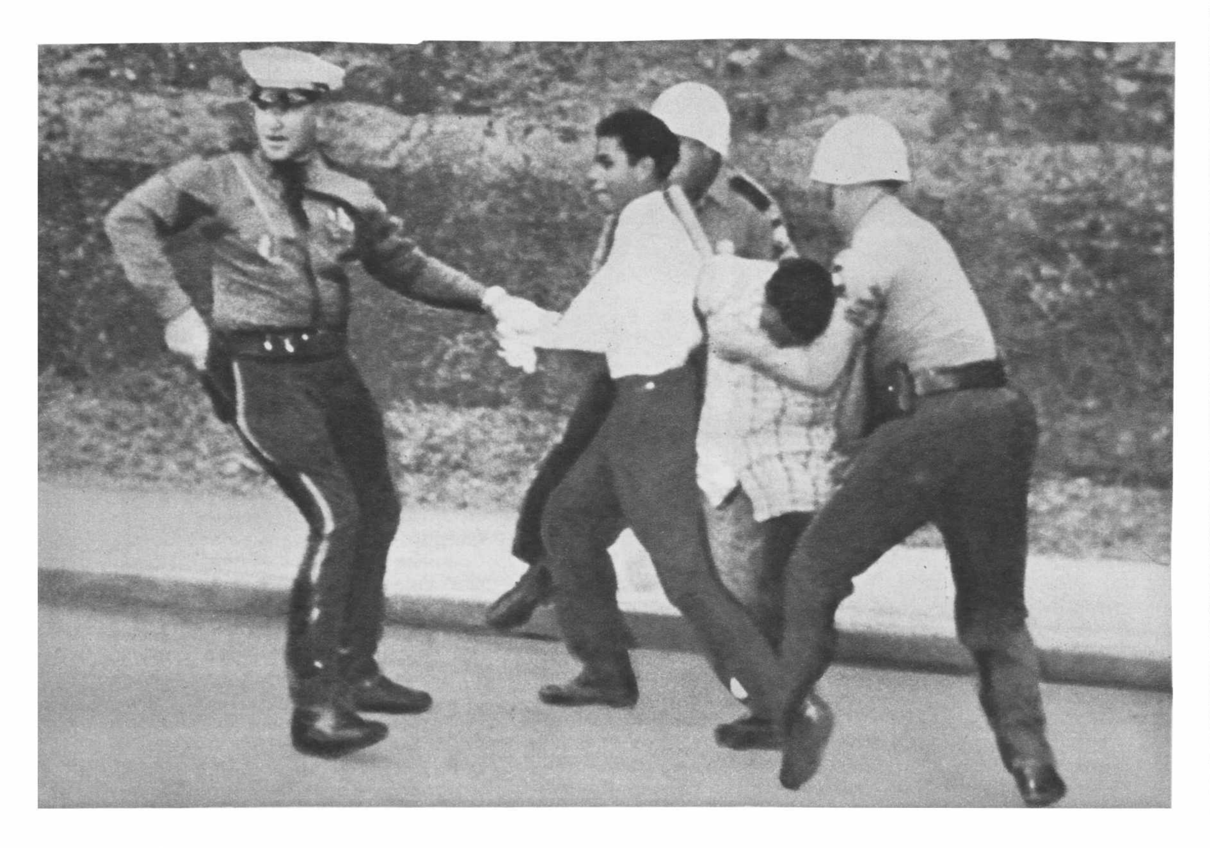
Американская полиция создает завесу из слезоточивых газов перед входом в зону канала.

Панамский канал.

Теперь через канал проходят десятки кораблей в день. Каждый корабль оставляет в кассе управления канала доллары. В год компания Панамского канала получает 100 миллионов долларов прибыли. Но из этих денег Панаме перепадает только 1 миллион 900 тысяч долларов — меньше, чем одна пятидесятая часть.

Монополии Америки подчинили себе экономику Панамы. Одна из таких компаний, «Юнайтед фрут», захватила гигантские площади лучших земель на Тихоокеанском побережье и теперь каждый год вывозит 155 тысяч тонн первосортных бананов. Другая компания, «Синклер Панама ойл», получила в свои руки разведку и добычу нефтяных богатств Панамы сроком на 90 лет.

Полиция зоны канала арестовывает панамцев — участников демонстрации протеста.

Многоэтажные здания американских казарм выстроились, как часовые, вдоль канала. Десять тысяч американских солдат живут в этих казармах. В любую минуту по приказу губернатора зоны канала генерала Уильяма Поттера они готовы к защите власти доллара в Панаме.

Есть в Панаме еще одна американская армия — 5 тысяч инженеров, служащих и рабочих США. Они живут в той части столицы, которая отгорожена от панамцев специальным забором. Здесь вдоль прохладных улиц, в тени высоких пальм раскинулись двухэтажные белые особняки. У входов в «американскую зону» города Панамы можно видеть вывески: «Панамцам вход воспрещен». По зеленым улицам не спеша прогуливаются двухметрового роста американские полицейские.

В Панаме фактически два государства, две столицы, две отличные друг от друга жизни. Здесь есть даже официальный термин «зарплата золотая», «зарплата серебряная». За равную работу компания платит американцам в 3 раза больше, чем панамцам. До сих пор еще сохранились рестораны и разные увеселительные места, над входами в которые написано одно слово: «Золото».

Сотни миллионов долларов пожинают каждый год американские компании в Панаме, а панамцы остаются на своей земле без хлеба, без образования, без медицинской помощи. Здесь каждый десятый ребенок умирает, едва увидев свет. В стране, где живет более миллиона человек, всего лишь 200 врачей. Треть населения страны неграмотна.

Может ли так продолжаться впредь?

Панамцы все чаще заявляют, что они должны стать хозяевами богатств страны, в том числе Панамского канала. Такой взгляд господствует и в Национальной ассамблее страны, которая недавно провозгласила:

— Мы не успокоимся, пока панамский флаг не будет поднят на территории зоны канала.

Американские казармы.

Читатель «Унита» в украинском колхозе

В село Ходорково, Попельнянского района, Житомирской области, почтальон аккуратно приносит газету Итальянской компартии «Унита». Здесь живет постоянный ее читатель Пьетро Канова. Односельчане зовут его Петром Францевичем. Это искусный столяр, плотник, мастер на все руки. Немало красивых домов в селе построено его руками.

Сорок шесть лет назад Пьетро Канова оставил родную деревню в Италии и отправился за океан, где, по слухам, ходившим среди бедноты, «каждый при желании может стать миллионером».

Двадцать лет Канова не хотел расстаться с этой мечтой; он разгружал пароходы в Нью-Йоркском порту, варил мыло в Сан-Франциско, работал пекарем в Филадельфии, лесорубом в лесах Дальнего Запада, батрачил на колорадских фермах, собирал хлопок в Оклахоме... Нищета гнала эмигранта-итальянца из города в город, из штата в штат.

Когда друзья-коммунисты предложили Пьетро ехать в Россию, страну, строящую социализм, он, не задумываясь, ответил:

— Поеду!

На Украине, в сельскохозяйственной артели «Большевистская заря», Канова и его друзей-эмигрантов из Америки встретили хорошо. Они получили удобное жилье, работу по специальности. Пьетро женился на украинской девушке Галине, стал Петром Францевичем. Семья у них теперь большая — двух сыновей и двух дочерей воспитали супруги Канова. Сын Франц второй год служит в Советской Армии. Дочь Ида работает свинаркой в комсомольско-молодежной бригаде животноводов. Галина Филипповна Канова вместе с младшей дочерью Антониной трудится в звене свекловодов. 1 700—2 000 трудодней вырабатывает семья Канова ежегодно.

Л. МАЗУР

Судьба знамени и людей

В апреле 1954 года вместе с группой токарей Тбилисского паровозоремонтного завода я был командирован в Полтаву в школу скоростников. Приехали мы в воскресенье, зашли в Краеведческий музей. Там среди экспонатов я увидел портреты Ульяны Михайловны Белоград и ее дочери Марии, награжденных орденами за спасение знамени танкового полка.

На следующий день в литейном цехе паровозоремонтного завода я встретил девушку в спецовке. Лицо ее мне показалось знакомым. Это была Мария Белоград.

Девушка оказалась застенчивой, в ответ на мои расспросы сослалась на рассказ Бориса Полевого «Знамя полка»:

— Это про нас.

Читатели, вероятно, помнят эту быль о судьбе воинского знамени. После тяжелых боев в тылу врага от всего полка осталось только восемь человек. Они стали партизанами и захватили с собой полковое знамя. Затем четверых воинов убили эсэсовцы. А знамя удалось спрятать в доме колхозника коммуниста Павла Трофимовича Белограда в селе Попивна. Эсэсовцы схватили Белограда вместе с его братом Андреем и замучили обоих.

Жена Белограда, Ульяна Михайловна, героически вела себя, когда немцы угоняли в Германию троих ее детей — Любу, Петра и Ивана. Так и не открыла она, где спрятано знамя, и с помощью младшей дочери Марии почти два года хранила заветный сверток.

Когда село освободили советские войска, там появились те четыре танкиста, что остались в живых. Знамя было возвращено им.

На этом кончается рассказ Б. Полевого. От Марии Белоград я узнал его продолжение. В Попивну дважды приезжал командир возрожденной танковой части. Он вручил Ульяне Михайловне и Марии благодарственное письмо командования и ордена Отечественной войны.

После войны старшие дети Ульяны Михайловны — Люба, Петр и Иван — возвратились из фашистского плена в родное село, отстроили дом, завели хозяйство. А Мария после работы в колхозе поступила на Полтавский паровозоремонтный завод.

Мне очень захотелось поехать в Попивну и познакомиться со всей этой славной семьей. Для этого я использовал тогда свой отпуск.

Прошло пять лет. И вот совсем недавно, будучи по служебным делам в Полтаве, я зашел на завод повидаться с Марией. Она продолжает работать в том же цехе. Железнодорожники узла избрали ее депутатом в Совет Ленинского района Полтавы. Показала мне Мария свою новую квартиру в заводском доме. Как раз в это время у дочери гостила Ульяна Михайловна.

Мать с дочерью часто вспоминают тех четырех танкистов, которые приняли от них полковое знамя: Никиту Яковлева, Льва Насонова, Николая Ожерелова и Александра Савельева.

Где-то они теперь, друзья-однополчане?

Инженер С. ТЕР-ОГАНЕСЯН

Тбилиси.

СВАДЕБНЫЙ ДВОРЕЦ

В. ЛЕВИДОВА,
К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Е. УМНОВА.

Молодежь часто спрашивает и спорит о том, какие обряды и обычаи, оставшиеся нам от прошлого, украшают нашу жизнь, помогают воспитанию нового советского человека и какие мешают. Интересный диспут на эту тему был проведен комсомольцами Ленинградского педагогического института имени Герцена. В числе других вопросов разговор зашел о брачных обрядах.

— Конечно, старые обряды нам не годятся, но нужно вводить новые, чтобы наши свадьбы были торжественными и веселыми, — утверждали одни.

Другие возражали:

— Кое-что из старых брачных обрядов следует все же сохранить. Ведь это будет чисто внешнее сходство. По существу же новые обряды принципиально отличаются от старых, дореволюционных.

В меньшинстве оказались те из выступавших, кто считал, что торжественность при бракосочетании не нужна вовсе.

Заговорили о первом в стране Дворце бракосочетания, открывшемся недавно в Ленинграде. Были высказаны даже опасения, что «простые парни и девушки, комсомольцы в него не пойдут». И вот мы на набережной Красного Флота, 28, в одном из красивейших в городе особняков. Вывеска: «Дворец бракосочетания». Впрочем, название это пока не привилось. Ленинградцы чаще называют его «Свадебным дворцом».

Швейцар распахивает массивные двери, впуская и выпуская посетителей. Веселый смех, шутки, песни. В вестибюле пришедших встречает приветливая девушка в голубом платье и приглашает пройти налево. Там две комнаты — для невест и для женихов.

Примкнем сначала к одной из групп. В центре ее — Людмила Каневская, техник-конструктор проектного института. Мы входим в нарядно обставленную комнату. В широкие окна видна Нева. Она необычно красива даже сейчас, уже скованная льдом, затянутая легким туманом.

А вот и комната для женихов. Там товарищи окружили Бориса Малахова — будущего мужа Людмилы. Он сейчас решает, какое шампанское заказать — сухое или полусухое...

— И то и другое, послушайся молодоженов со стажем! — весело советует Анатолий Митрофанов.

Его «семейный стаж» исчисляется одним днем. Только вчера Анатолий зарегистрировал свой брак с Татьяной Елизаровой в этом же дворце. Вчера Людмила и Борис были их гостями, а сегодня роли переменились: гостями стали Анатолий и Татьяна. Вместе учились в институте, а вот теперь почти одновременно женились. Молодых приглашают наверх, следом за ними по широкой мраморной лестнице идут родные, друзья, гости.

В зале торжественной регистрации брака фрезеровщица Любовь Федорова и инженер-технолог Михаил Назаров.

Зал, где происходит регистрация брака, пожалуй, самый красивый из всех залов этого дворца. Лепные потолки и стены, масса света, яркие люстры, зеркала, огромные окна.

Девушка-администратор открывает дверь зала, приглашает войти. Раздаются звуки свадебной песни, специально написанной к открытию дворца композитором В. Сорокиным на слова А. Чуркина.

Гости садятся в кресла, а молодые подходят к большому столу. И вот наступает торжественная минута, когда Клара Леонидовна Емельянова — она заведует дворцом — просит молодых расписаться в книге регистрации браков. Уже вручена голубая книжечка — «Свидетельство о браке». Уже сказаны добрые, душевные слова депутатом горсовета. Теперь друзьям разрешено заключить молодоженов в объятия... Сейчас и Емельянова не по долгу заведующей, а по праву давнишней знакомой крепко пожимает руку Малахову. После окончания университета она несколько лет работала в райкоме комсомола, часто бывала в институте, где учился Борис. И вот какая неожиданная встреча!

Молодоженов поздравляют друзья, родные, товарищи по работе. Спустя несколько минут их голоса слышны уже из банкетного зала, где подняты бокалы с шампанским.

А в тот зал, который окрестили «залом торжественной регистрации брака», уже приглашены Мария Степанова и Геннадий Анчишкин с их гостями.

Мария — служащая библиотечного коллектора, Геннадий — мастер завода «Геологоразведка». Скоро и они появляются в банкетном зале. Кто-то провозглашает тост: «За крепкую семью!» Геннадий, как молодой, «начинающий» муж, уже совершил первую оплошность в семейной жизни: назвал Марию невестой.

— Какая я тебе невеста? Я уже жена! — внушительно поправляет Мария.

— Он не привык еще, — шутят приятели.

Раздались звуки аккордеона. Это где-то там, внизу, у подъезда дворца из легковых машин и автобуса вышли молодые рабочие завода «Электросила». Впереди комсорг инструментального цеха Захар Славутин. Он в роли распорядителя. Захар побывал во дворце несколько дней назад, обо всем договорился, во всех деталях уточнил ход празднества.

Инструментальщица Петра Новикова и техника-конструктора Ольгу Брускову любят на заводе. Многие пришли поздравить молодоженов. Был среди них и директор «Электросилы» Анатолий Васильевич Мозалевский. Вручив большую корзину цветов и пожав руку невесте, обнял жениха.

— Хочу пожелать вам семейного счастья и новых успехов в жизни.

Петр Новиков и Ольга Брускова с друзьями не заходят в банкетный зал, не пьют шампанского. Тосты будут провозглашаться в заводском Доме культуры. Там уже накрыты столы, там ждут гости — рабочие цехов, где работают Петр и Ольга.

Порядок регистрации браков единый в нашей стране. Но в Свадебном дворце она проходит иначе: торжественнее, веселее. Во дворце есть комната, где продаются цветы, ювелирные изделия, парфюмерия, фрукты. Здесь можно сфотографироваться на память, заказать красивое оформление праздничного стола, где бы ни справлялась свадьба — в ресторане или дома.

Каждый сам решает, как отметить замечательный день в своей жизни. Одни покупают кольца, другие отказываются от них. Одни фотографируются во дворце, другие этого не делают. А в банкетном зале можно, ничего не покупая, просто посидеть, поиграть на баяне, потанцевать, попеть песни. Свадьбы тут не похожи одна на другую.

Дворец еще совсем молод. Многое будет меняться, улучшаться. Может быть, именно в этом дворце будут складываться новые брачные обычаи и обряды. Но то, что уже сделано, вызывает одобрение комсомольцев, молодежи. Нам показали письма со штампами других городов — это советы, вопросы. А недавно во дворец пришли юноша и девушка.

— Мы с Украины. Только что прилетели на «ТУ-104», — сказали они.— Просим вас...

Нелегко Кларе Леонидовне выполнить просьбу гостей: хотя бы один из них должен иметь ленинградскую прописку. А тут жених — харьковчанин, невеста — киевлянка.

— Что заставило вас отправиться в такое путешествие? — спросили молодых.

Жених ответил:

— Зашли мы в Киеве в загс — небольшое помещение, неуютное. Рядом со столом, где регистрируют брак, выдают удостоверения о смерти и разводе. Грустно нам стало. А день такой радостный.

Ну как тут было отказать молодым! В зале собрались сотрудники дворца. Постарались сделать все, чтобы «путешественники» не чувствовали себя одиноко в незнакомом городе.

— Долго ли вы погостите у нас? — спросили их.

— Нет, мы через два часа улетаем. Дома нас ждут.

Клара Леонидовна рассказала нам об этом случае с опаской.

— Вот напишете, и начнут приезжать к нам из других городов, а мы не успеваем регистрировать даже браки ленинградцев. Уже пришлось продлить работу на час...

В комнате невесты. «Скорей, скорей!» — торопит невеста Людмила Каневская.

Геннадий Анчишкин, мастер завода «Геологоразведка», скрепляет своей подписью вступление в законный брак с Марией Степановой — комплектовщицей библиотечного коллектора «Ленкниготорга».

Подобрать обручальные кольца надо сегодня: завтра заниматься этим некогда. Завтра тут же, в этом дворце, у шоферов Юрия Куликова и Людмилы Соколовой свадьба.

В банкетном зале звенят наполненные шампанским бокалы. Провозглашаются тосты за здоровье и счастье молодых — Геннадия Анчишкина и Марии Степановой.

В торжественной обстановке происходит регистрация брака.

Молодые супруги студенты Нина Иванова и Борис Барканов.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Фото Р. Лихач.

Автомобиль для школьников

Недавно внимание москвичей привлек такой случай: по Автозаводской улице уверенно двигался маленький автомобиль. Подъехал к станции метро, развернулся и скрылся в потоке грузовых машин. Немного позже машина-малютка остановилась у ворот автомеханического техникума, и ее сразу же обступили прохожие. Обращал на себя внимание необычный внешний вид автомобиля: «курносая» передняя часть, скошенное внутрь заднее стекло, крылья динамичной формы, сливающиеся с кузовом, четыре двери, открывающиеся вверх вместе с частью крыши. Рядом с «Москвичом» машина выглядела малюткой. За рулем был юноша лет шестнадцати. Еще трое счастливых ребят сидели в машине, победоносно посматривая на окружающих. Юные автомобилисты имели все основания гордиться: они ехали на машине, которую построили сами.

...Эта история началась года полтора назад, когда я окончил МВТУ имени Баумана и пришел на автозавод имени Лихачева. Комсомольцы нашего конструкторского бюро рассказали мне, что получают много писем от ребят, желающих изучать автомобиль и научиться управлять им. А учебные автомобили имеются далеко не в каждой школе. И вот автозаводцы решили сделать подарок школьникам — спроектировать автомобиль, столь простой в изготовлении, что его можно было бы построить в любой школе силами учащихся. Вместе с тем машина должна быть и надежна в эксплуатации, удовлетворять всем требованиям ГАИ, чтобы на нее можно было получить государственный номерной знак.

Приступили к разработке проекта.

Комсомольцам помогали, их поддерживали опытные работники завода: помощник директора В. И. Крымов, заместитель главного конструктора Г. А. Феста, помощник начальника экспериментального цеха завода Г. А. Матеров. Регулярно устраивались совещания конструкторов, которые в шутку называли «малыми техсоветами».

Кузовные работы вели комсомольцы Лев Великовский, Аркадий Черняев, Рудольф Казаков. Шасси конструировали Витя Агейкин, Юрий Ткаченко, Леня Кербиков. Мне была поручена общая компоновка машины.

Когда проект был закончен, его передали для исполнения в средние школы №№ 494 и 499, в детдом № 1, в ремесленное училище и автомеханический техникум при автозаводе. Между учащимися завязалось соревнование. Нашлось дело каждому по душе: «токарям» и «слесарям», «художникам» и «обойщикам», «столярам» и «электромонтажникам».

Сейчас, когда работа подходит к концу, можно назвать лучших. Это коллектив автомеханического техникума. Там под наблюдением руководителей практики М. Н. Горностаева и П. Е. Леднева отлично работали Слава Рогозин, Виталий Коротношевский, Феликс Гросман, Слава Баженов, Слава Щелочков и Гриша Ювачев. Они не только справлялись с чтением чертежей и изготовлением деталей, но и сами иногда давали дельные советы заводским конструкторам. К 42-й годовщине Октября были проведены ходовые испытания машины-малютки.

Автозаводцы предполагают издать массовым тиражом описание и чертежи школьного автомобиля, чтобы любая школа могла построить свою машину.

В. ВАНДЫШЕВ,
конструктор завода имени Лихачева

Комбайн «Караганда» в шахте.
Фото Н. Шутова.

Со стенда в забой

В Карагандинском бассейне ежегодно прокладывается свыше 300 километров подземных ходов. Многие из них должны иметь сечение 12—16 квадратных метров, а существующие комбайны могут применяться лишь на выработках меньшего сечения.

— Создать для Караганды свой проходческий комбайн — такую задачу поставила промышленность перед нашей лабораторией,— рассказывает сотрудник Угольного научно-исследовательского института Николай Петрович Юдин.

Начались поиски нового. Изучались отечественные и зарубежные проходческие машины, сравнивались их технические характеристики.

Юдину немало помог и опыт его прежней конструкторской работы под руководством талантливого изобретателя-самоучки лауреата Сталинской премии С. С. Макарова.

Сначала в чертежах рождался эскизный проект. Предложенная Юдиным конструкция была признана оригинальной, и автору выдали изобретательское свидетельство. А вскоре в экспериментальной мастерской был изготовлен проходческий комбайн «Караганда».

Чтобы проверить надежность принятой конструкции в горных условиях, комбайн поставили на проходку выработки в шахте.

Результат превзошел все ожидания. Вентиляционный штрек длиной 1 151 метр был пройден за 181 смену; 34 метра в сутки, 15 метров за 6-часовую смену — такова максимальная производительность комбайна «Караганда» во время испытаний. Это намного превышает показатели других проходческих агрегатов.

Опытный образец комбайна передан для промышленной эксплуатации. Действующая модель «Караганды» экспонируется на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства в Москве.

А. ЖЕРЕХОВ

ЛЕС ВЕЗУТ ПО ВОЗДУХУ

Через стекло кабины пилот вертолета Иван Васильевич Крупко видит поросшие лесом горы. Никаких признаков присутствия человека. Вдруг прямо по курсу над деревьями появляется дымовой сигнал. Это на лесоразработках ожидают прибытия вертолета. Никаким иным путем, кроме воздушного, туда не добраться.

Летчик уменьшает обороты мотора, и вертолет зависает на малой высоте над поваленными стволами деревьев. К земле опускаются стальные тросы. Рабочие закрепляют ими дерево, летчик дает газ моторам — и огромная пихта поднимается в воздух, словно сказочный богатырь на бороде Черномора. Вертолет летит к деревообделочному заводу у поселка «Горячие ключи», оставляет там свой громоздкий груз и снова берет курс к лесоразработкам.

В горах Кавказа в изобилии растут дуб, бук, граб, лиственница, пихта и другие деревья ценных пород. Вывозить их чрезвычайно трудно, постройка дорог в горах обходится дорого. И вот на помощь лесной промышленности пришла авиация. В Научно-исследовательском институте Аэрофлота разработали способ транспортировки древесины с помощью вертолета. Руководитель этих работ инженер К. Н. Макаров рассказывает:

— Древесину вывозили и в виде кряжей, то есть разделанных бревен, по пять — шесть штук в связке, и хлыстами — стволы без сучьев, и целыми деревьями, вместе с кроной.

Вертолет не только удешевляет вывоз древесины, но и облегчает труд лесорубов. Им теперь не надо подолгу жить в лесу, вдали от дома. Воздушным путем они доставляются к месту работы и возвращаются обратно.

А. ГОЛИКОВ

Воздушный лесовоз за работой.
Фото К. Макарова.

РИЖАНЕ — ГОСТЕПРИИМНЫЕ ХОЗЯЕВА

Молодой матрос из ОАР Адель Абдель Салям с парохода «Звезда Суэца» попал в Ригу впервые. Все интересовало его в этом городе: и красивые улицы, и чудесные парки, и архитектура зданий. Вечером, когда экипаж судна пригласили в интернациональный клуб моряков, мы встретились с Аделем.

Это произошло в библиотеке. Гость стоял перед книгами на русском, латышском, польском, английском, немецком, шведском, финском и других языках. Смущаясь, он обратился к библиотекарю Людмиле Вицинской:

— Могу ли я получить книжку Горького в английском издании?

— Пожалуйста!

Завязалась беседа. Оказывается, Адель любит русских писателей, очень интересуется историей России, нашим балетом.

Прервав на минуту беседу, Вицинская вручила гостю богато иллюстрированную книгу о Галине Улановой — тоже на английском языке. Адель был в восторге. Ему очень хотелось сейчас же приняться за чтение, но вежливость мешала оставить своих собеседников.

Аделю предложили осмотреть клуб, потанцевать.

— О, спасибо! — ответил он.— Но я тогда не успею прочесть книги. Ведь их, наверное, надо скоро вернуть, а наше судно через несколько дней уйдет из Риги.

— Пусть вас это не беспокоит,— улыбнулась собеседница,— латвийские моряки дарят каждому своему гостю книги, которые им понравятся. Такова традиция нашего клуба.

Гостеприимно принимали в этот вечер и голландских моряков. С ними мы встретились у большой карты, где инженер-механик парохода «Рюбато» Мариус Доума рассказывал, каким путем их судно шло в столицу Латвии.

Голландцы с восторгом отзывались о рижанах, расспрашивали о жизни и труде советских моряков, о деятельности профсоюза. Особенно интересовало их, как это русские и латыши, служа на кораблях, в то же время учатся в средней и даже высшей школе.

Через несколько дней клуб гостеприимно встречал группу работников Министерства судоходства и водного хозяйства Польской Народной Республики.

Интернациональный клуб моряков в столице Латвии открылся недавно. Но он уже успел завоевать симпатии экипажей всех иностранных судов, которые швартуются у причалов Рижского морского порта. Здесь побывали поляки, немцы из ГДР и ФРГ, шведы, исландцы, финны...

Когда иностранные суда уходят из Риги в обратный путь, приходит время расставаться новые знакомые охотно обмениваются адресами, сувенирами.

А. ГОРДИН

Заведующая библиотекой Л. Вицинская дарит памятный значок матросу Адель Абдель Салямy.
Фото И. Семина.

Ефимия Павловна Борисина с внучкой Ларисой.
Фото Дм. Бальтерманца.

ЛИШЕННАЯ МАТЕРИНСКОГО ИМЕНИ

С. БОЛЬШАКОВА

В маленькой комнате с грубыми низкими скамьями, которая зовется коротким словом «суд», не встретишь радостных лиц. Одни — красные от слез, другие — неестественно блестят от волнения, а третьи — словно окаменели.

В тишине коридора гулко стучат милицейские сапоги. Люди расступаются, спрашивают вполголоса: «За что судят?»

У пороков разные имена: страх, алчность, жестокость, равнодушие. Они приводят порой человека на дорожку, что ведет к обрыву...

У двери, за которой только что скрылся конвоир, сидит женщина. Высокая, плоскогрудая. Синие глаза, выцветшие с годами, устремлены в пол. Одна, другая, третья половица... Она хорошо знает, как их мыть, оттирать добела. Двадцать лет служила Ефимия Павловна Борисина уборщицей в московской библиотеке имени Пушкина. Сколько, бывало, пройдет за день ног, а она следом за ними со щеткой, с тряпкой.

Две дощечки в полу! Это и много и мало... По таким вот половицам прошагали когда-то к двери солдатские сапоги ее мужа, прошагали да не вернулись назад. Одной пришлось поднимать двух дочерей. Потом внучка в доме появилась, ей не было и годочка, когда пошла. Две дощечки ей казались тогда длинной дорогой. Нет, не сразу люди проходят уверенно и такой путь. Дети, дети...

Ей вдруг вспомнилось, как много лет назад в ее комнате плакала соседка.

— Господи, несчастная я!— приговаривала она.— Ребеночка бы мне, махонького, вот бы берегла, вот бы лелеяла...— Она упала на кровать, обхватила своей сильной молодой рукой край белой подушки и застонала: — Бесплодная я!

— Что плачет тетя? — Девочка вбежала в комнату; в ту пору она была еще совсем несмышленой. Помнит Ефимия Павловна, как коснулась рукой рыжих дочериных волос и ответила:

— Хочет матерью стать. Иметь вот такую же, как ты, девочку, да не может.— А про себя подумала: «Не знать бы тебе, Зинушка, этой страшной женской беды».

...Веселая послушная девочка. Зинка, Зиночка... Кажется, совсем недавно она прыгала во дворе на одной ножке, еще недавно впервые стянула в тугой узел волосы и неуверенно прошлась в туфлях на каблучке. Тонкий чулок на стройной худенькой ноге, потом бусы, потом помада. И замело, словно в буран... Все дальше и дальше отдалялась молодая женщина от девочки, что перебрасывала через плечи косу, от той, которую она, мать, Ефимия Павловна, звала своей кровинкой. Чужие друг другу люди жили под одной крышей. И спор, возникший между ними, теперь нельзя было решить миром, потому что шел он о самой жизни.

— По делу Борисиной все собрались?

Звонкий голос секретаря суда заставил женщину пробудиться, стряхнуть воспоминания. Она оглянулась вокруг — да, все тут. И раздалось:

— Суд идет!

Все встали.

— Вы доверяете нам? — спрашивает судья Баградзе.

— Да.

— А вы?

— Тоже.

— Рассказывайте, товарищ Борисина, все по порядку, все как было.

Старая мать стоит лицом к членам суда. Она то и дело касается рукой губ: сохнут от волнения. Затем складывает на груди руки крестом, словно хочет защитить свое сердце.

— Граждане судьи! Я мать. И мне тяжело.

...В доме не играли свадьбы. Дочь пришла и сказала:

— Я вышла замуж.

Тут был и муж. Худой, высокий, скромный на вид. Он тихо пришел в их дом и так же тихо в нем жил. Что-то читал, что-то писал — студент. Но каждый из молодых был сам по себе.

— Что без конца оставляешь его одного?

— Надоел! Хочу совсем бросить.

— Когда только успел надоесть?

Он молчал-молчал, а потом в один из дней выпрямился в рост, собрал свои книги, скатал трубкой чертежи, сунул в портфель мятые рубашки и тихо закрыл за собою дверь. Увидев пустую кровать, дочь только рассмеялась:

— Ну и слава богу!

С этим первым ее брак был зарегистрирован. Но вскоре появился второй. На подоконнике лежала фотография. С трудом удалось разобрать надпись: «Моей рыжей дьяволихе».

...Она умолкла. Может быть, опять в ее памяти воскресла картина: металась на белой постели женщина, тоскуя о ребенке. «Не знать бы тебе этой страшной женской беды», — сказала она тогда дочери. Напрасны были тревоги!

— Она родила,— продолжала свой рассказ мать,— но ребенок стал ей в тягость. Ни разу его не вымыла, ни разу не приласкала. Девочка боится своей матери, ищет от нее защиты.

Граждане судьи! Я прошу вас лишить мою дочь прав на ребенка.

Мать против матери! Сколько горя вместило старое сердце, сколько коснулось его обид, сколько сменилось дней и ночей, прежде чем прозвучал этот внутренний приговор!

И вот перед судом встала другая, молодая мать. Сильные покатые плечи, на спину сползает рыжий узел волос.

— Где вы работаете, Зинаида Ярмак? — спрашивает судья.

— В гостинице «Украина».

— Неправда.

Сад имени Баумана. Троллейбусный парк № 2. Районное почтовое отделение № 5. Почему так часто меняете службу? Глаза судьи смотрят сурово. Ярмак молчит.

На столе пухлая папка протоколов. Один, второй, десятый привод в милицию. Оскорбления граждан, нарушение общественного порядка, драки.

— Что мешает вам, молодой женщине, честно трудиться? У вас есть ребенок. Чему доброму Лариса может научиться от вас?

— Ребенок! — крикливо повторяет мать.— Я и так ему покупаю все, что должна.

— Должна?

...В зал входит свидетельница Эмма Карловна Сипол, невысокая полная женщина. Это сотрудница библиотеки имени Пушкина. В той самой библиотеке, где много лет подряд проработала уборщицей бабушка Ларисы Ярмак — Ефимия Павловна Борисина. Свидетельница говорит только о том, что видела своими глазами, что поняла, наблюдая за жизнью Зинаиды Ярмак. Она ее обвиняет. Она имеет право ее обвинять.

Троих чужих ребят воспитала эта скромная труженица. Троих обогрела, выучила и вывела в жизнь. Годами отказывала себе во многом, все несла им, детям. Вот почему с такой болью говорит сегодня она о Ларисе, эта женщина, никогда не родившая, но ставшая матерью.

Ирина Владимировна Трутнева, депутат Бауманского районного совета, поддерживает иск о лишении Ярмак материнства. Соседка Борисиной по дому, Софья Васильевна Немова, рассказывает, волнуясь, как днями маленькая Лариса, хохоча и шатаясь, бегала по двору.

— Что так расшалилась? — спрашивали ее люди.

— В пьяную маму играю.

В зале нет этой девочки. Она и не знает, что решается ее судьба. Интересы ребенка отстаивает сегодня инспектор по опеке Бауманского отдела народного образования Анна Моисеевна Дыховичная. Это большой друг детей. Тысячи людей повстречала она на своем пути за долгую жизнь. Тысячи дверей открыла в разные квартиры с одной только целью — убедиться, что ребенку хорошо.

Сегодня Дыховичная говорит суду о Ларисе Ярмак. С первого дня рождения государство заботилось о девочке: она росла в яслях, а затем в Доме ребенка. Все надеялись: одумается ее мать Зинаида Ярмак, возьмется за труд, станет оберегать свою маленькую семью. Но этого не случилось. Сейчас Лариса в детском саду. Она сыта и хорошо одета. Но этого мало.

— Советская общественность, — говорит Анна Моисеевна, — должна знать, она хочет быть в том уверена, что девочка вырастет хорошим человеком. Зинаиде Ярмак нельзя дальше доверять воспитание своего ребенка.

...Тесен зал, в котором судят преступницу-мать. Кажется сейчас, что стены зала вдруг раздались в разные стороны и бесшумно вошли сюда ленинградки, героини, которые дыханием согревали в блокаду своих и чужих детей, слабея, оставляли им свой нетронутый кусок хлеба. Здесь присутствуют незримо женщины Белоруссии, те, что ушли из теплых хат к партизанам и мерзли в лютую годину войны в болотах с одной только мыслью: отстоять для своих детей счастье и мир на земле. Здесь собрались матери разных возрастов, те, что неуверенно, с опаской берут в руки своих крошек-детей, и те, что, напевая, качают на коленях их, уже смеющихся. Здесь незримо присутствуют женщины с седыми головами, матери матерей, они прошли большую и трудную жизнь, но никогда и ничем не осквернили своего материнского имени. Для них любовь к детям так же естественна, как дыхание, как биение пульса, потому что дети — их сегодняшняя жизнь и продолжение ее завтра.

Женщина, подарившая миру человека, отвечает за него перед другими людьми, потому что она растит гражданина.

...И вновь разнеслось по залу:

— Суд идет!

Все встали.

«Именем закона лишить Ярмак Зинаиду Григорьевну материнских прав».

Она шагнула из зала, и никто не посмотрел с сожалением ей вслед.

ШКОЛА ЩЕПКИНА

Т. ТРОИЦКАЯ

М. С. Щепкин.

Фото Р. Лихач.

Полтора века тому назад при московском театре решено было создать школу, «учрежденную для пополнения трупп и оркестров собственными воспитанниками». В эту школу принимались дети «свободных граждан» в возрасте 8—9 лет.

С 20-х годов XIX столетия и до самой смерти в училище преподавал великий русский актер Михаил Семенович Щепкин.

Он призывал своих воспитанников подчинять творческий процесс «общей идее»: не распыляться на частности, показывать главное, основное в образе; требовал от актера пристального внимания к окружающей действительности; учил актеров не копировать жизнь, а вникать «в душу роли». «Влезь в кожу действующего лица», — говорил он.

Защищая «искусство переживания», Щепкин вместе с тем требовал от актера упорного и постоянного труда. Художественные принципы Щепкина нашли претворение в сценической деятельности многих его учеников, замечательных русских артистов, и передавались от поколения к поколению. Вот почему в 1938 году, когда исполнилось 75 лет со дня смерти великого русского актера, театральному училищу при Малом театре присвоили его имя.

Выдающиеся артисты и деятели русского театра начинали здесь свой путь.

Много сил и энергии отдал практической деятельности училища Александр Николаевич Островский — корифей русской национальной драматургии. В училище преподавали знаменитые театральные режиссеры Александр Павлович Ленский и Александр Иванович Южин. Отсюда пришли на сцену Малого театра Пров и Михаил Садовские, А. Остужев, Е. Турчанинова, В. Рыжова, В. Пашенная, которая преподает здесь, и многие-многие другие...

Успели заслужить признание московских зрителей даже самые молодые, прошлогодние, выпускники школы. Это Н. Корниенко, сыгравшая Нину в спектакле «Карточный домик» (Малый театр), Б. Нащекин — Юру в пьесе «Здравствуй, Катя!» (Театр имени Станиславского) и, наконец, Э. Марцевич — Гамлет (Театр имени Маяковского).

В послевоенные годы училище выпустило два национальных коллектива: таджикский и якут-

В. И. Цыганков беседует со студентами 4-го курса.

Сцена из спектакля «На пороге к делу».

Студентка татарской студии Ферея Валиуллина на занятиях по мастерству актера.

ский. Теперь здесь занимаются балкарская и татарская студии. Художественный руководитель татарской студии — Михаил Николаевич Гладков, молодые педагоги — В. Монахов и В. Смирнов.

К концу обучения татарская студия должна подготовить 4—5 постановок, которые она покажет у себя в республике. Сейчас студенты работают над пьесой Гафура Кулахметова «Две мысли», над «Баней» Вл. Маяковского, «Пучиной» А. Островского и «Гамлетом» Шекспира.

На Неглинной в маленьком уютном зале (здесь он именуется «большим») идет репетиция «Гамлета», читка за столом. Сцена отъезда Лаэрта... Русский перевод в исполнении студентов актерски звучит еще не всегда точно. Но ведь это только начало. Впоследствии актеры сживутся со своими героями. И хоть пока трудно представить, как будут выглядеть все персонажи пьесы, но Гамлет в спектакле, бесспорно, есть! Его играет студент Дамир Хайруллин, который в прошлом году на курсовом экзамене с успехом показался в отрывке из «Гамлета».

Едва окончилась репетиция татарской студии, как помещение заняли студенты первого курса вечернего актерского отделения. Оно только что организовано, впервые в истории училища. Большинство слушателей — люди, уже имеющие профессии. Е. Черемных окончила филологический факультет МГУ, сейчас работает в школе; Т. Непомнящая — на часовом заводе; В. Завьялов — слесарь; Б. Байбаков — машинист башенного крана. Все они годами участвовали в художественной самодеятельности и играли ведущие роли. Теперь это послушные ученики и начинают свою театральную жизнь с азов.

Занятия по мастерству посвящены этюдам. Иногда в этюдах бывает много наивного, и студенты, сидящие в зале, делают в адрес своих товарищей справедливые критические замечания.

Урокам мастерства на вечернем отделении отведено столько же часов, сколько и на дневном. Кроме того, идут занятия по сценической речи, танцам, вокалу, теоретическим предметам.

Но ведущая дисциплина этого учебного заведения — мастерство актера. Будущие артисты постигают законы искусства жизненной правды, законы Щепкина, Ленского, Станиславского.

Посмотрим один из спектаклей молодых щепкинцев.

...Юная учительница Вера Николаевна Лонина (студентка Н. Киндинова) приезжает в деревню с возвышенной целью—сеять разумное, доброе, вечное... Мечты ее разбиваются об идиотизм страшной жизни царской деревни: грубость, косность, пьянство.

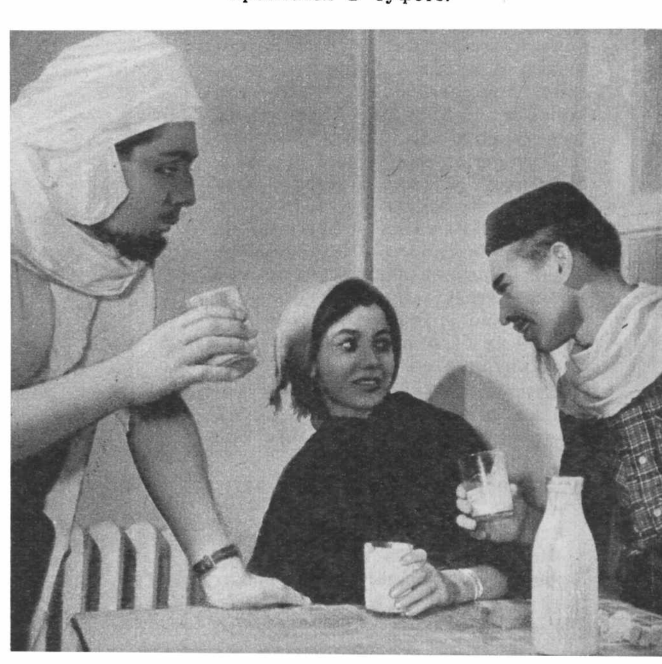
Поздним вечером врывается к беззащитной девушке Шалеев (студент А. Мишарин). Он готов «скрасить» своим присутствием долгие, тоскливые вечера хорошенькой учительницы. Шалеев вороовато поглядывает на дверь и окно: как бы не попасться на глаза ревнивой супруге! Внезапно появляясь, она прерывает лирические излияния «покровителя» деревенского просвещения... Занавес падает. В зрительном зале учебного театра звучат аплодисменты, и за кулисы кто-то из «поклонников талантов» отправляет букет белых хризантем...

— Вот и первые лавры,— шутливо замечает Лидия Ивановна Дейкун, режиссер спектакля «На пороге к делу» Н. Соловьева и А. Островского, который идет в исполнении студентов четвертого, дипломного курса Училища имени Щепкина.

Л. И. Дейкун не пропускает ни одного показа своих учеников. Она внимательно проверяет за кулисами грим и костюм, из зрительного зала следит за интонациями, движениями, репликами. После окончания спектакля старейший педагог Лидия Ивановна Дейкун и Вениамин Иванович Цыганков, художественный руководитель курса, подробно разбирают каждую мизансцену. Хоть и играют студенты перед «настоящей» публикой, но ведь они еще не актеры. Они только учатся...

В дни, когда Щепкинское училище будет отмечать свой 150-летний юбилей, на сцене Филиала Малого театра пойдут два дипломных спектакля: «На пороге к делу» и «Оптимистическая трагедия».

После напряженной репетиции можно и подкрепиться в буфете.

Под редакцией международного гроссмейстера Сало ФЛОРА

Михаил Ботвинник и Михаил Таль никогда не встречались за шахматной доской. И на этом столе мы не видим шахмат. Но скоро они здесь появятся. Чемпион мира и победитель турнира претендентов обсуждают условия матча, который начнется между ними 15 марта 1960 года.

ЗА ОДНИМ СТОЛОМ

С. ФЛОР

— Когда стало известно, что Михаил Таль будет участвовать в международном турнире в Риге, одни восклицали: «Молодец, Миша, как он любит шахматы!»,— а другие задавали вполне резонный вопрос: «Зачем это ему нужно после рекордного «марафонского пробега по Югославии», перед матчем с Ботвинником?»

Но разве может состояться турнир в столице Латвии без участия любимца рижан?

Рига, город прекрасной шахматной традиции, как-то особенно трогательно «болеет» за Таля, причем рижане подвержены шахматной «инфекции» даже на расстоянии. Когда Таль выступает в Швейцарии или Югославии, они его засыпают письмами, телеграммами и подбадривают телефонными звонками. Какую «систему» разработали рижане для предстоящего матча с М. Ботвинником, пока неизвестно, но ходят слухи, что во время матча на первенство мира «вся Рига» побывает в Москве.

Вспоминается Рига во время турнира претендентов. Рижский шахматный клуб был чуть ли не постоянно на проводе с Белградом. Болельщики стояли на лестницах и даже на улице вокруг клуба. Постоянным посетителем клуба была мать Михаила Таля. Мама гроссмейстера сама в шахматы не играет и наводит справки у знатоков: «Как у моего Миши дела?» У мамы Таля есть еще и другой способ оценки позиции: она смотрит на демонстрационную доску и подсчитывает, сколько пешек и фигур у Миши и его противника. Поскольку Таль чуть ли не в каждой партии жертвует и пешки и фигуры, то у мамы жизнь полна волнений.

Шахматная Рига была особенно взволнована, когда Таль на финише турнира претендентов проиграл основному и единственному своему сопернику — П. Кересу. Перед последним туром рижский гроссмейстер лидировал с отрывом всего в одно очко. Чтобы успокоить рижан, Талю пришлось выступить по радио и обещать, что «все будет в порядке».

Таля в Риге обычно встречают с музыкой. Так было после его победы в чемпионате СССР и победы в Портороже. После Белграда делегация рижских шахматистов вручила Талю «авансом» латышские цветы на Внуковском аэродроме. В самой же Риге на аэродроме его ждали сотни друзей и духовой оркестр. Но овации не состоялось. Из-за нелетной погоды победитель турнира претендентов вынужден был добираться в Ригу не самолетом.

Что же делал Таль, вернувшись домой из Югославии? Отдыхал? Нет, уже на следующий день после приезда он участвовал в блицтурнире! Вот уж поистине шахматный фанатик! А вскоре после того Таль приехал в Москву и с большим успехом выступил в Доме ученых с лекцией. Зал на восемьсот человек оказался слишком мал, и любители шахмат стояли на улице, встречая каждого вопросом: «Нет ли лишнего билетика?»

Если уже на лекцию Таля такой колоссальный спрос, то что же будет весной, когда «заговорят» сразу два Михаила? Полагают, что даже Зал имени Чайковского окажется недостаточно вместительным для «шахматного диспута» Ботвинник — Таль. Кое-кто предлагает даже перенести матч во Дворец спорта в Лужники.

В своей лекции Таль в живой, популярной форме рассказал о ходе спортивной борьбы в Югославии, дал характеристику всем участникам турнира. Особенно лестно Таль отозвался о втором балтийском шахматисте, Пауле Кересе, который, по словам Таля, играл лучше всех и может считаться моральным победителем турнира.

Таль получил много записок с вопросами и охотно ответил на них. Одна из записок гласила: «Правда ли, что вы уже вторично вызываете Ботвинника на матч?» Таль рассказал, что в 1948 году, когда Михаил Ботвинник отдыхал на Рижском взморье, некий 12-летний шахматист явился к чемпиону мира в санаторий, чтобы вызвать его на матч. Но мальчику с шахматной доской под мышкой сообщили, что сейчас «мертвый час» и Ботвинник отдыхает. Так «мертвый час» помешал Мише Талю.

Теперь Таль нашел более верный путь к встрече с Михаилом Ботвинником.

На следующий день после лекции Таля в Центральном шахматном клубе СССР, в так называемой гроссмейстерской комнате, состоялась встреча на высшем шахматном уровне — Ботвинник — Таль. Ведущие шахматисты мира заняли места друг против друга, но пока что без шахмат. Обсуждались некоторые детали предстоящего матча.

Встреча прошла, как говорят дипломаты, в дружеской и теплой атмосфере. Первый ход будет сделан в Москве 15 марта 1960 года.

Классики и шахматы

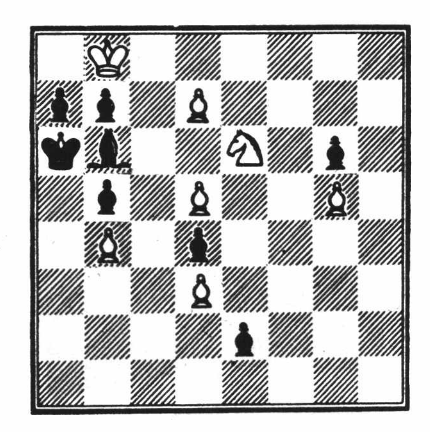
Рассказ-шутка*

В. КОРОЛЬКОВ,
мастер спорта СССР
по шахматной композиции

Немало чернил пролито для того, чтобы доказать благотворное влияние поэзии на духовную жизнь человека, кем бы он ни был — слесарем, ученым, писателем или даже шахматистом. Ведь, за некоторым исключением, шахматисты тоже люди, и самые закоренелые перворазрядники не в силах противостоять чарующей силе вдохновенных строк Пушкина и Лермонтова. Но чтобы классики русской поэзии помогли шахматисту выиграть партию,— этому, пожалуй, никто не поверит. А вот что случилось однажды...

В турнире на первенство Дома писателей я долгое время играл очень успешно: ведь не зря меня прозвали лучшим шахматистом среди писателей Ленинграда и лучшим писателем среди ленинградских шахматистов. Но достаточно было проиграть одну-единственную партию, и меня стал догонять неплохой шахматист — фельетонист Семен Тоскливый.

Настала решающая партия — я опередил Тоскливого на пол-очка, и для того, чтобы оказаться победителем турнира, мне достаточно было добиться ничьей. Борьба протекала очень остро, и, хотя я играл белыми, Тоскливому удалось перехватить инициативу. В создавшейся позиции его преимущество было, конечно, неоспоримым...

Здесь Тоскливый сыграл 36... e2—e1Ф, и мое положение стало катастрофическим. У черных уже имеется ферзь, а мне превращать пешку d7 в ферзя нельзя, так как он тут же будет уничтожен слоном противника...

В отчаянии я перебирал в уме сотни вариантов, пытаясь найти спасительное продолжение. А тут, как назло, кто-то включил радиоприемник, находившийся в соседней комнате отдыха, и звонкий голос тотчас же заполнил дотоле тихий храм богини шахмат Каиссы. Диктор читал Лермонтова, но с детства знакомые стихи мешали мне сосредоточиться. Я затыкал уши, однако невольно вслушивался в прекрасные лермонтовские «Стансы»:

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..

— «Я жертвовал другим страстям...» — автоматически повторял я.— Но если Лермонтов мог жертвовать, почему бы и мне не пожертвовать что-нибудь?

И, только тут заметив эффектную жертву пешки, я сыграл 37. d7—d8Ф!. Тоскливый протянул было руку, чтобы взять моего нового ферзя, но в этот момент до нас донеслись строки бессмертного лермонтовского «Демона»:

О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый...

— «Жертва злой отравы...» — пробормотал Тоскливый и опустил руку, видимо, лермонтовские стихи заставили его быть осторожным. Он понял, что белого ферзя брать нельзя, так как на 37... С : d8 последует 38. Кc5+ Крb6 39. Кd7+ Кра6 40. Кc5+, и белые дают вечный шах. Тоскливый не знал, что делать, ведь если сыграть 37... Фe5+, то белые ответят 38. Кc7+ С : c7+ 39. Ф : c7, и нельзя 39... Ф : d5 из-за 40. Фa5x. Но здесь диктор стал читать отрывок из седьмой главы пушкинского «Евгения Онегина»:

Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя...

При слове «жертва» Тоскливый вздрогнул, взглянул на белого коня, что-то сообразил и тотчас же взял его. Жертвуя ферзя, он сыграл 37... Фe1 : e6! и победоносно взглянул на меня.

«Что ж, приходится принимать жертву!» — подумал я, но слова лермонтовского «Романса к И...» заставили меня остановиться. Из радиоприемника донеслось:

О, будь!.. О! вспомни нашу
младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе
радость
Не умерла в моей груди...

«Нет, черного ферзя брать нельзя,— подумал я.— «Чтоб вовсе радость не умерла в моей груди», необходимо «жертву пощадить». Ведь на 38. de последует 38... С : d8 39. Крc8 С : g5, и черные легко выиграют. Но что же предпринять?» А в это время диктор снова перешел на Пушкина:

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей...

Воскликнув, к удивлению противника:

...И силу пешки превращенной,
Достойной участи ферзей...—

я сыграл 38. Фd8 : b6+!!, жертвуя ферзя и подставляя его сразу под три удара.

Тоскливый растерялся: ведь на 38... ab последует 39. de, и черным пат, а если 38... Кр : b6, то 39. de Крc6 40. Кр : a7 Крd6 41. Кр : b7 Кр : e6 42. Крc6 Крf5 43. Кр : b5 и т. д. Но тут же из соседней комнаты донеслись слова пушкинской «Полтавы»:

Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет...

Немного подумав, он «алчно» взял ферзя своим ферзем, записал на бланке ход 38... Фe6 : b6 и торжествующе улыбнулся. Но я невозмутимо ответил 39. Крb8—c8!, после чего черные оказались в цугцванге. Их король запатован, а в распоряжении ферзя имеется только одно поле d6. Плохо, например, 38... Фc6+ 39. dc bc 40. Крc7! c5 41. bc b4 42. c6 b3 43. Крd6 b2 44. c7 b1Ф 45. c8Ф+ Фb7 46. Фc4+ и 47. Ф : d4 или 38... Фa5 39. ba b4 40. d6 b3 41. d7 b2 42. d8Ф b1Ф 43. Ф : d4 и т. д. Значит, надо играть 39... Фb6—d6, но после этого белым будет пат!

Партия благополучно закончилась вничью, и я стал чемпионом Дома писателей, за что должен благодарить Пушкина и Лермонтова!

Итак, слава классикам!

---

* В рассказе-шутке использовано окончание этюда, составленного автором совместно с А. О. Гербстманом.

Занимательные фотографии

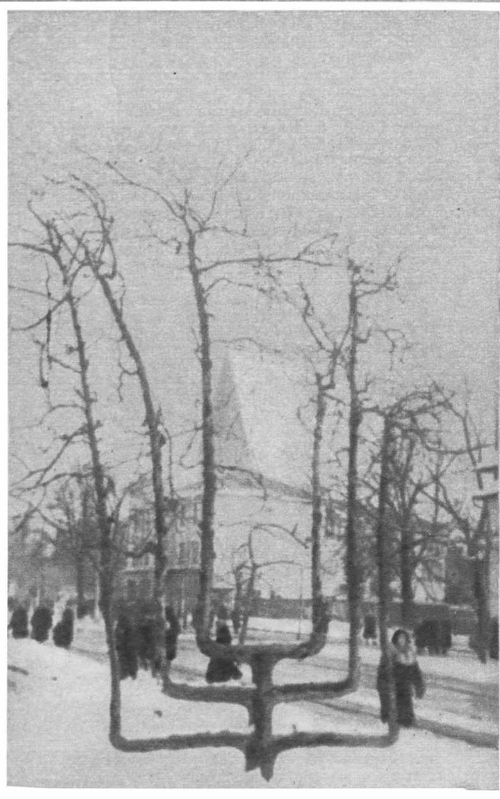

БЛИЗНЕЦЫ

Котиков-близнецов удалось мне запечатлеть на Командорских островах. Как видите, они были увлечены игрой друг с другом.

В. Володин

Москва.

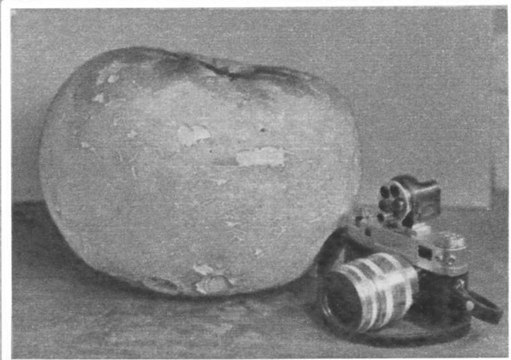

ПРИЧУДЛИВАЯ ЯБЛОНЯ

Такая яблоня растет в Калининграде. Необычные формы деревьев создаются особыми приемами, которые носят название шпалерного садоводства.

В. Аверкиев

Калининград.

ВЕЛИКАНСКИЙ ГРИБ

Огромный гриб-дождевик вырос неожиданно в одном московском дворе. Фотоаппарат рядом с ним выглядит игрушкой.

К. Юрьев

Москва.

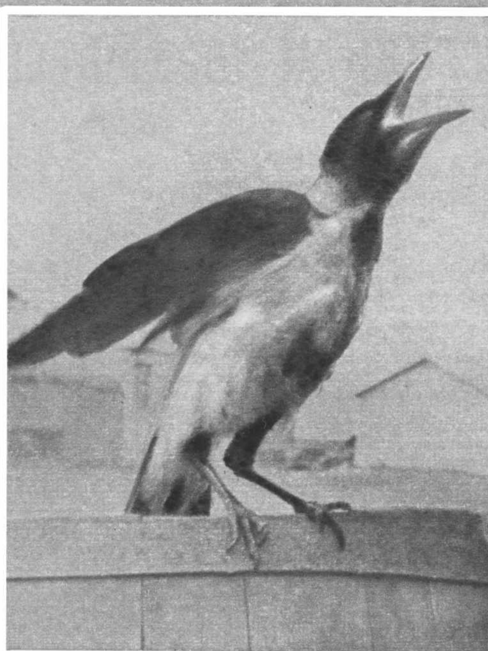

ДОМ-САПОГ

На фотографии, которую я получил из Индии от своего индийского друга, изображен оригинальный дом-сапог, со шнурками и модной подметкой-фундаментом. «Этот дом построен у нас в Бомбее»,— пишет индийский инженер-строитель Кхира Балвантрай. Думаю, что и читателям «Огонька» будет интересно посмотреть на причуды архитектуры.

Ю. Никифоров

Таллин.

ГОРЛАСТАЯ ПЕВИЦА

Как удалось снять ворону так близко? Дело в том, что это ручная ворона. Ее приручил радиотехник совхоза «Пятигорский» А. Е. Намаконов, которого не смущает шумный нрав птицы.

Р. Брисман

Акмолинск.

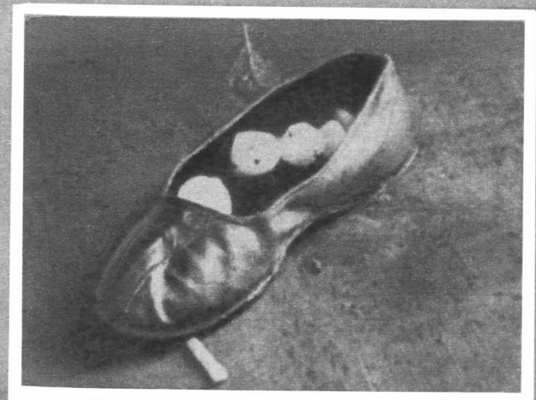

ДЕРЕВО В РЕМОНТЕ

Строительные леса вокруг ствола дерева. Так ремонтировалась в Михайловском парке ель, посаженная когда-то дедом А. С. Пушкина Осипом Абрамовичем Ганнибалом. Ствол ели был поврежден в годы войны снарядом, и на этом месте образовалась гниль. Ее вырезали, дупло продезинфицировали медным купоросом и «запломбировали» цементом.

О. Карышев

Ленинград.

КРУПНЫЙ ГРАД

Два лета подряд в рабочем поселке Псебай, Краснодарского края, выпадал крупный град. Ледяные шарики достигали подчас размера куриного яйца.

Ю. Соседко

Краснодар.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Гр. ОГАНОВА.

Салфетка № 35

За обеденным столом нас было четверо. Я — салфетка № 32,— молодой терапевт из Узбекистана Дадьяни — салфетка № 33 — и чета Заржевских — салфетка № 34 и салфетка № 35. Она милая, симпатичная женщина, а его, главного инженера СМУ, мне так и не удалось за целый месяц ни разглядеть как следует, ни поговорить с ним по-настоящему.

Утро еще только начинается, а главный инженер идет к завтраку уже не на прямых ногах, а на полусогнутых. Подойдет и смотрит на моего соседа, как бы спрашивая: «А это еще что за личность?».

— Это, Витенька, Дадьяни! — смущенно шептала жена.— Ты разве забыл? Мы же только вчера познакомились с ним.

— Да, да, помню,— говорил Заржевский, кивая головой.— Дадьяни —кахетинское московского разлива. Это тот, который пишет пьесы?

— Да нет, Витенька, ты путаешь. Пьесы пишет Мдивани, а это Дадьяни. Терапевт.

— Верно,— говорил Заржевский и виновато опускал голову: мол, простите, не обессудьте, забыл.

Утром мы снова в светлом, солнечном зале столовой.

— Доброе утро! — усаживаясь за стол, мило говорила Заржевская.

— Доброе...— говорил ее муж и, не закончив фразы, недоуменно останавливал взгляд на моем соседе: — А это кто?

— Это, Витенька, Дадьяни,— шептала жена мужу.— Мы сидим с ним за одним столом.

— Да, да, как же, помню! Дадьяни... Знаменитый танцор. Создатель образа Отелло в балете.

— Да нет, Витенька, создатель образа Отелло — Вахтанг Чабукиани, а это Дадьяни, врач-терапевт.

Шли дни, недели. Дадьяни заказал уже себе обратный билет до Ташкента, а Виктор Дмитриевич Заржевский все никак не мог улыбнуться ему как доброму, хорошему знакомому.

— Это Дадьяни,— шептала каждое утро на ухо салфетке № 35 салфетка № 34.

И каждое утро салфетка № 35, кивнув тяжелой головой, отвечала:

— Как же, знаю! Дадьяни. Потомок восточных царей. Переводчик Пушкина и Лермонтова на грузинский.

— Да нет, Витенька! Первый переводчик — Орбелиани. А это Дадьяни. Терапевт.

Заржевский болезненно улыбался, как бы извиняясь за свою память, которая ставила его в такое неудобное положение перед товарищами.

«Вы не бойтесь,— умоляюще говорили его глаза.— Я сегодня же возьму себя в руки и уже никогда не забуду имя своего соседа по столу».

Но в том-то и был ужас, что Виктор Дмитриевич уже не мог взять в руки ни себя, ни свою память. Около месяца прожили мы вместе с этим несчастным в одном санатории, и за этот месяц я ни разу не видел его трезвым.

Верх благодарности

«Будучи пораженным на оба глаза, я в течение семи лет был слепым и считался полным инвалидом. С помощью заведующей третьим отделением больницы доктора Елены Ивановны я был оперирован и прозрел. И что же я увидел в этом самом третьем отделении? 12. XI мне вместо трех кусков сахару дали к чаю только два, а 25.XI и 26.XI я получал к завтраку одно и то же блюдо — сосиски с капустой.

Уходя из больницы, мне и хотелось довести вышесказанное до сведения администрации. В чем и расписываюсь.

Благодарный Карабахин».

Когда отключены мозги

Члены литературного кружка стеклозавода узнали, что недалеко от них, в доме отдыха, живет поэт NN, и попросили поэта приехать поделиться с молодежью своим опытом. NN приехал, поделился. Доклад поэта произвел на молодежь такое сильное впечатление, что они воспроизвели его в специальном выпуске заводского «Крокодила», из которого мы и делаем соответствующую перепечатку:

«Главным в писательском труде является распорядок дня,— сказал NN и добавил: — Учитывая это, я всегда встаю в один и тот же час. С 8 до 9 бреюсь, делаю зарядку, читаю периодическую печать. В 9 у меня завтрак. Два крутых яйца, кусок сыра, овсяная каша. После небольшой прогулки я сажусь за письменный стол. В 2 обедаю. Супы я ем в тертом виде, мясо — только в вареном. После обеда я снова за письменным столом. На этом мой рабочий день кончается. В 7 часов 30 минут я обычно отключаю мозги и смотрю телевизор. В 11 ем стакан простокваши и ложусь спать».

Как свидетельствует заводской «Крокодил», начинающие литераторы задали после доклада маститому всего один вопрос: «Товарищ докладчик, вы сказали, в какое время суток отключаете мозги, и не сказали, когда включаете их обратно. Если можно, уточните».

Странная мама

Из письма школьника

«...Меня удивляет, почему мама радуется не заслуженной мною пятерке больше, чем заслуженной двойке».

Затянувшееся объяснение. Рисунок В. Черникова.

Г. Ван-Дейк и И. Куперман.

И. Куперман — чемпион мира

Завершился поединок гроссмейстеров И. Купермана (СССР) и Г. Ван-Дейка (Нидерланды) за шашечную корону мира. Он состоял из 20 «раундов» и проводился в пяти городах: Киеве, Минске, Риге, Ленинграде и Москве.

По правилам Международной шашечной федерации звание чемпиона мира присваивается победителю большого Олимпийского турнира, проводящегося в високосные годы. Но чемпион мира обязан ежегодно защищать свое звание в матче с победителем турнира претендентов. Победу в последнем Олимпийском турнире (1956 г.) одержал канадский гроссмейстер М. Делорье. Советские мастера, начавшие осваивать стоклеточные шашки только пять лет назад, не участвовали в этом турнире.

В начале прошлого года советский мастер И. Куперман одержал блестящую победу в роттердамском турнире претендентов, а в конце того же года в трудной борьбе победил М. Делорье.

Но прошел год. Состоялся очередной турнир претендентов (в Монако), и его победитель гроссмейстер Г. Ван-Дейк вызвал на матч чемпиона мира международного гроссмейстера И. Купермана.

Начало их встречи складывалось в пользу голландца, который применил ряд своих исследований. Куперману пришлось немало трудиться, чтобы в первых партиях выстоять. Чемпион оценил создавшуюся ситуацию и сделал правильные выводы. Первые четыре встречи после трудной борьбы дали ничейный результат. Но уже в пятой партии чемпион мира перешел в контрнаступление и в блестящем позиционном стиле одержал первую победу, а затем фактически предрешил исход поединка. Дальнейшие победы — результат стратегического и тактического превосходства советского гроссмейстера.

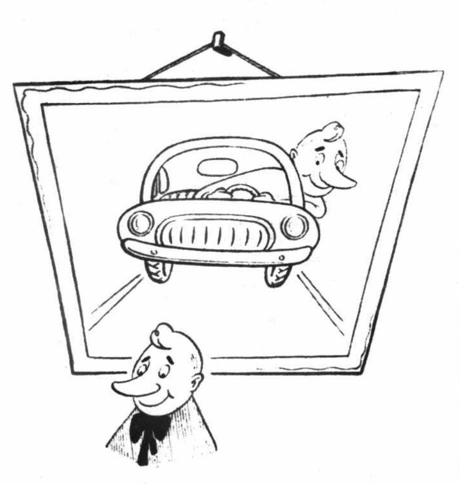
Чемпион мира одержал семь (!) побед, тринадцать встреч свел вничью и не потерпел ни единого поражения — 13,5 : 6,5. Поистине блестящее достижение советского гроссмейстера!

В творческом отношении матч дал очень много ценного и интересного.

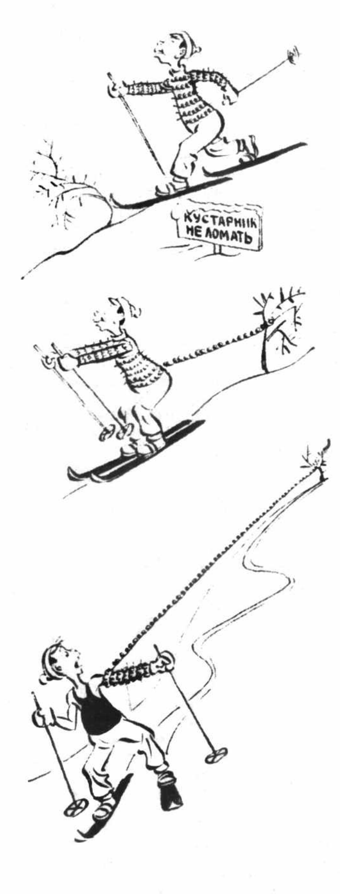
В минувший понедельник в Центральном шахматном клубе СССР состоялся праздник провозглашения чемпиона мира.

В. ГОРОДЕЦКИЙ,
мастер спорта.

— Какое значение имеет вес в условиях невесомости?!
Рисунок В. Воеводина.

Автопортрет.
Рисунок Гр. Оганова.

Преступление и наказание.
Рисунок Ю. Черепанова.

Отвечаем читателям

Сколько съедает слон?

«Какую пищу получают дикие животные в зоопарке? Сколько, например, съедает в сутки слон?»

Л. Смирнова, Кострома.

В зоологических садах и парках нашей страны собраны ценнейшие коллекции животных из всех уголков земного шара. В неволе рацион кормов зверей должен содержать столько белков, жиров, углеводов и витаминов, сколько они употребляют в естественных условиях.

В Московском зоопарке суточный рацион питания для каждого животного определяет специальная лаборатория. В сутки звери съедают там несколько тонн различных продуктов около семидесяти названий. На кухне разделывают мясные туши, жарят яичницу, кипятят молоко, варят яйца, всевозможные каши, супы, компоты, кисели, развешивают и нарезают хлеб, очищают картофель. На кухонных столах здесь можно увидеть сливочное масло, повидло, орехи, мел, апельсины, лимоны, яблоки.

Тигру в сутки выдается 8—10 килограммов мяса и костей. Один раз в неделю у тигра вегетарианский день, и он питается молоком. На завтрак, обед и ужин льву полагается 7—8 килограммов мяса, а также свежая зелень и молоко. Бегемота кормят картофелем, корнеплодами, сеном, а летом — сочными травами, овсом, горохом, отрубями и хлебом. В сутки бегемот получает 50 килограммов пищи. Для моржа ежедневно требуется двадцать килограммов рыбы.

А вот дневной рацион слона: свеклы — 30 килограммов, картофеля — 25, сена — 30, моркови — 10, хлеба — 8, капусты квашеной — 5, клюквы — 3, крупы — 2, сахара — 1, березовых веников — 20 штук. Кроме того, слону выдаются овес, отруби, рыбий жир, дрожжи, мел.

Разнообразно меню у шимпанзе: вареный картофель и овощи, белый хлеб, каша, фрукты, сухари, капуста, орехи и подсолнухи, сахар, сливочное масло, молоко, яйца, дрожжи, ягоды. Двадцать наименований насчитывает и меню страуса эму.

Музыкальный значок

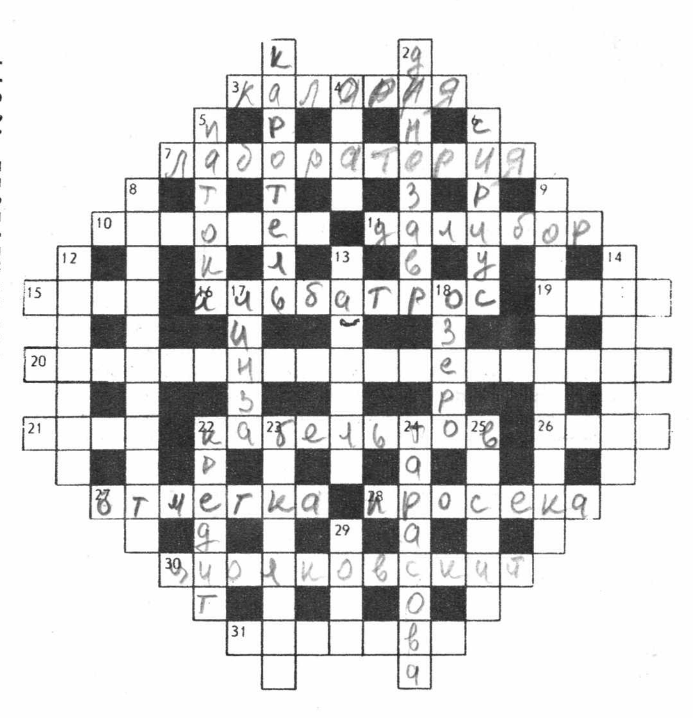

Музыкант играет на губной гармошке, размер которой втрое больше обычной — шестьдесят сантиметров. Это гармошка-бас, она ведет партии сопровождения в ансамблях «гармошечников», распространенных в Германии. Однако на ней можно исполнять и самостоятельные мелодии. Вилли Бруннер, работник выставки музыкальных инструментов ГДР, состоявшейся недавно в Москве, в Концертном зале имени П. И. Чайковского, делал это с большим искусством.

Но вот большая гармошка перекочевала в карман пиджака, и в руках Бруннера оказался «значок», который только что красовался на лацкане. Оказывается, это тоже губная гармошка размером в три сантиметра. В ее музыкальных достоинствах могли удостовериться первые посетители выставки, которым гармошка-значок вручалась как памятный подарок. У этой малютки, предназначенной для детей, скромный репертуар: например, на ней можно исполнять знакомого всем «Чижика-пыжика».

И. КАРТАШОВА, С. СЕРГЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Единица измерения количества теплоты. 7. Помещение для научных исследований и опытов. 10. Древний сосуд для воды. 11. Опера Б. Сметаны. 15. Стебель некоторых кустарников. 16. Морская птица. 19. Часть света. 20. Способ изготовления копий печатных форм. 21. Французский писатель. 22. Трос для буксировки судов. 26. Река в Сибири. 27. Оценка знаний учащихся. 28. Дорога в лесу. 30. Ученый, именем которого назван один из кратеров Луны. 31. Остров архипелага Рюкю.

По вертикали:

1. Морковь. 2 Ископаемое пресмыкающееся. 4. Минерал, поделочный камень. 5. Сахаристый продукт. 6. Самая яркая звезда. 8. Музыкальный термин. 9. Коробка для растений. 12. Персонаж пьесы А. Корнейчука «Калиновая роща». 13. Цветные карандаши. 14. Русский путешественник. 17. Деталь оптических приборов. 18. Водоем. 22. Продажа товаров в рассрочку. 23. Жанр античной поэзии. 24. Народная артистка СССР. 25. Советский архитектор, академик. 29. Часть шахтной печи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

5. Камоэнс. 7. Каламин. 8. Монограмма. 10. Библиотека. 11. Фольклорист. 13. Куттер. 14. Сестра. 15. Перекат. 17. Апсель. 18. Аптека. 19. Аносов. 20. «Динамо». 24. Оринoко. 25. «Тартюф». 27. Снаряд. 29. Суперфосфат. 30. Пенициллин. 31. «Отрочество». 32. Регистр. 33. Актиний.

По вертикали:

1. Маховик. 2. Колоратура. 3. Фантастика. 4. Вискоза. 6. Статор. 7. Колосс. 9. Аккорд. 10. Бровка. 11. Фемистоклюс. 12. Темперамент. 15. Пулково. 16. Топливо. 19. Аккредитив. 21. Островский. 22. Микрон. 23 Долото. 25. Тетерев. 26. Футляр. 27. Савона. 28. Дневник.

Л. П. Сабанеев.

ПОДАРОК РЫБОЛОВАМ

Вышла в свет книга «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Л. П. Сабанеева. Читатели, вероятно, помнят, что вопрос о переиздании этого труда был поднят на страницах «Огонька». Книга не переиздавалась с 1911 года и являлась до сих пор библиографической редкостью. Порадовал рыболовов Госсельхозиздат Украины.

С. МИНАЕВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Мих. Милославского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10556. Подписано к печати 16/XII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1567. Заказ № 2926.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Фото И. Тункеля.

— Ну как? — Сижу...

На новое место.

Посмотрим, что там...

Это и есть рыбацкое счастье!

Цена номера [illegible] руб.